

ЛАРИСА
ПЕТРОВИЧЕВА

16+

МОЯ ФИКТИВНАЯ
ЖЕНА

Annotation

Если ты гномка, то твой удел выйти замуж, воспитывать детей и готовить обеды. Но я всегда мечтала стать писательницей, и эта мечта увела меня из страны гномов. Кто бы мог подумать, что первым встречным на моем пути будет красавец, артефактор... и эльф, который сперва дал мне работу, а потом предложил фиктивный брак. Наши народы всегда враждовали, но мы, кажется, сможем полюбить друг друга по-настоящему. Осталось только выжить.

- [Лариса Петровичева](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
-

Лариса Петровна
Моя фиктивная жена

Глава 1

Хельга

— Все, мать, неси икону заступницу. Пришла беда, пробил час.

Примерно так мой отец отреагировал, когда я сказала, что уезжаю в Холинбург — искать работу и творить.

Мать поддержала: выбежала с иконой святой Марфы, которая избавляла от глупости, стукнула меня по лбу и воскликнула:

— Дурища! Тебе о чем надо думать? О замужестве! О детках! О том, как мужу помогать? А ты?

— А она только о книгах! — поддержал отец. — Над одними чахнет до утра, все никак не начитается, а вторые пишет! Потому, видать, и тоща!

Да, да, да. Так всегда было. Родители с раннего детства считали меня позором всего гномьего рода. Порядочной девочке из приличной гномьей семьи надо играть в куклы одной рукой, держа во второй руке большой пирог с мясом и луком. А в куклы я не играла и пироги ненавидела — я носилась по полям и садам, которые лежали у нашей горы, ловила бабочек и придумывала сказки.

Дальше, с точки зрения родителей, все стало еще хуже. Я не набрала приличного гномьего веса, мои рыжие косы не лежали на груди параллельно полу, как у сестер и всех подруг, а желания и мечты не крутились вокруг семьи и замужества, как у правильной гномихи. Я хотела стать писателем — мои детские сказки давно остались в ящиках стола, теперь я писала о приключениях отважных воительниц и верила, что мои книги обязательно будут изданы, когда я повзрослею.

— И ладно бы писала о любви! — всхлипнула мать, глядя на икону, словно рассказывая обо всем доброй святой и ища ее поддержки. — О свадьбе, о муже с детками, о приличных и приятных предметах! Это бы еще ничего, так ведь нет! Все у нее там какие-то принцессы с топорами носятся, вот где ты, Хельга, видела принцессу с топором?

— Нигде не видела, — вздохнула я, укладывая в чемодан свои юбки и рубашки. Пожитков набралось очень много, надо было решить,

что взять, а что можно оставить. — Мам, пап, ну вы сами мне всегда говорили: я позор гномьего рода, я тощая жердь, я никогда не выйду замуж. Вот и ладно. Я буду жить в Холинбурге и писать книги. Я уже совершеннолетняя, имею на это право.

Мать снова стукнула меня иконой, словно святой заступнице требовалось вразумить дурищу. Примерно так меня называли, когда я говорила, что в жизни много других занятий, и не надо все сводить к свадьбе и дитачкам.

— О сестрах подумай! — воскликнула она. — Кто их замуж возьмет, если у них сестра в городе книжонки пишет! Мартин, ты-то не молчи, скажи ей!

Мой старший брат, у которого борода была такой длины, что уже можно заплетать в ней косы и украшать золотыми колечками, кашлянул в кулак.

— Хельга, ну правда. Ты на себя-то посмотри, какой из тебя писатель? Оставайся дома, выйдешь замуж хоть за Олава...

Я кинула в него пеналом с карандашами. Попала. Сам пусть выходит замуж за Олава, он дурак и пьяница. Но у гномов считается, что лучше муж-выпивоха, чем никакого мужа.

— Мало я тебе косы драл, клянусь святым Николасом, — вздохнул отец. — А теперь уж поздно, выросла дочка...

Воспользовавшись возникшей паузой, я подхватила вещи и вылетела на улицу. Все семейство высыпало за мной, крича, рыдая и умоляя, но я быстрым шагом двигалась к выходу из горы. Соседи выглядывали из окон и дверей — да уж, им теперь будет, о чем поговорить.

Я не оборачивалась. Незачем.

Прощай, прежняя жизнь. Здравствуй, Холинбург, город людей и эльфов, я обязательно устроюсь, как надо.

Дорога заняла полтора часа: трясясь в почтовом дилижансе в обнимку с чемоданом, я повторяла себе, что у меня все получится. Я найду жилье — деньги у меня были, как у всякой гномихи. Глупо пускаться в путешествие, не отложив приличного золотого запаса. Я найду и работу — работы я не боялась и готова была взяться за любое дело, благо руки росли, откуда нужно. А потом, когда устроюсь на новом месте, отправлюсь в издательство.

Родители всегда говорили, что гномиха-писательница это дурь и несусветная блажь. Ну вот и посмотрим, кто из нас прав, а кто нет.

В сравнении с Подгорьем Холинбург показался мне маленьким и каким-то приплюснутым, что ли — зато в нем было много зелени, а я обожала сады и парки. Расплатившись за проезд, я неторопливо побрела по широкой светлой улице, которая текла среди бесчисленных магазинов и кафе: надо было осмотреться и прикинуть, что к чему. Я уже бывала здесь, но одно дело просто таращиться по сторонам, как и положено туристам, и совсем другое — искать кров и заработок.

Вот висит табличка на двери ресторана: «Требуется судомойка» — прекрасно, запомним, может, пригодится. Вот еще одно объявление: «В ювелирный магазин требуется продавщица» — о, а это уже интереснее. Гномы лучше всех разбираются в золоте, я тут точно справлюсь, главное, не упустить свой случай.

Толкнув дверь, я скользнула в сверкающее царство витрин и роскоши, и меня тотчас же окликнули:

— Эй, гномиха! А ну-ка на выход!

Я увидела, что ко мне движется возмущенный мужчина в красном сюртуке — не продавец, охранник с усами-пиками.

— Давай, давай, шагай отсюда! Здесь не подают! — рыкнул он, и от обиды и возмущения я залилась багровым румянцем, от него даже глазам сделалось горячо. Меня приняли за нищенку? За побирушку?

Осмотревшись, я едва не выругалась: магазин был эльфийский, занесло же меня! И если люди относятся к гномам, как к равным, то эльфы нас на дух не переносят. Мы им извечные конкуренты по золотодобыче, мы гораздо лучше работаем с драгоценностями, да и вообще история нашего противостояния очень долгая и не слишком приятная. Охранник был человеком — выслуживался перед хозяевами — а вот все продавщицы были эльфийками, и единственный покупатель, который склонился над витриной, тоже был эльфом.

— Сам ты попрошайка! — парировала я. Надо было не сдаваться и не уходить отсюда с опущенной головой и капающими слезами. — Я ищу работу! Сюда ведь нужна продавщица!

Эльфийка в синем форменном платье поджала губы, протянула покупателю бумажный пакет с гербом магазина и пропела:

— Она еще и неграмотная! Написано же ясно: требуются только эльфы!

Вот тут я едва не расплакалась — с таким пренебрежением и ледяной ненавистью это было сказано. Да что плохого я сделала, чтобы выставлять меня отсюда, как воровку или нищенку? Почему не сказать нормально: спасибо, ничего не нужно?

Воспользовавшись моим замешательством, охранник подхватил меня под локоть и выставил из магазина. Молодец, выслужился, возьми сладкую косточку у добрых хозяев.

Мне было так обидно, так горько, что я почти без сил опустилась на ступеньки. Нет, не плакать, ни в коем случае не плакать — эти остроухие дряни наверняка смотрят и ждут, что я расплачусь, а город катится себе мимо со своими домами, витринами, парками и зеваками, и все в нем советует: возвращайся домой, дурища, выходи замуж за Олава, строй обычное гномье счастье...

— Барышня, — окликнули откуда-то сверху. Я подняла голову и увидела эльфа-покупателя: он вышел из магазина и задумчиво рассматривал меня с высоты своего роста. Долговязая тощая громадина, холеное лицо театрального красавца, очень дорогой костюм — не магазинный, а пошитый по мерке: этот эльф был не каким-нибудь банковским клерком, а кем-то на очень высоком месте.

— Ищете работу? — спросил он. Я кивнула. Почему-то, несмотря на привычное эльфийское презрение к миру, в этом мужчине было что-то располагающее. Он, возможно, был не таким вредным, как его сородичи. И не так ненавидел гномов. Если бы ненавидел, то не заговорил бы со мной.

— Да, ищу, — кивнула я. Встала — незачем рассиживаться на ступеньках — и оказалась ростом как раз до середины груди незнакомца.

Неудивительно, что эльфы вырастают такими вот махинами. Господь создал их в березовых рощах и поселил среди ветра, листьев и ручьев, а нас выкопал из горных пещер, да так там и оставил: ройте золото да уголь, плодитесь и размножайтесь.

— Магии боитесь?

Магия, вот оно что. Эльф был артефактором — покупал в магазине золотые и серебряные пластинки для работы. Тогда неудивительно, что он такой холеный и важный: артефакторы очень богаты.

— Нет. Почему спрашиваете?

Эльф снисходительно окинул взглядом мое платье и чемодан и ответил:

— Мне нужна помощница. Тридцать крон в месяц, плюс комната в моем доме для проживания. Плюс еще работа на кухне. Стряпня, закупка, мытье посуды и все в таком духе. Согласны?

Мне захотелось сплясать от радости. Два часа назад я покинула родительский дом — и вот у меня уже есть работа и крыша над головой. Обида, нанесенная в ювелирном магазине, поблекла перед тридцатью кронами — хорошие деньги, этот артефактор не жадина.

Дела налаживались. Вот только если отец узнает, что я работаю на эльфа — проклянет.

Ну и ладно. Пусть проклинаят. Я и так позор семьи, потому что тощая, пишу книги и не хочу замуж.

— Согласна, конечно, — улыбнулась я и спросила: — В двух словах, в чем моя работа?

* * *

Анарэн

Сначала я подумал, что она человечка — потом посмотрел на золото в косах и на шее и понял, что ошибся. Из магазина вытолкнули гномку. Неудивительно — ей стоило смотреть внимательнее, куда она идет. Эльфы на дух не переносят гномов, особенно если те трутся рядом с эльфийским золотом.

Если бы отец узнал, что мне стало жаль ее, эту девчонку с рыжими косами, круглым лицом и огромными карими глазами, то проклял бы меня еще раз. А я ее пожалел — никто не заслуживает того, чтобы его выкидывали едва ли не пинками.

У девчонки был большой чемодан, нарядное по гномьим меркам платье и неукротимая решительность. Мне даже показалось, что над ее головой сверкали маленькие молнии. Она готова была расплакаться от обиды, но старательно сдерживала слезы — достойное поведение. Интересно, ее изгнали из Подгорья или она сама отправилась на поиски новой жизни? Если верно второе, то она бунтарка, такая же, как я.

— Работа состоит в том, что вы будете помогать мне в лаборатории, — ответил я, когда мы пошли по улице. Горожане смотрели в нашу сторону с нескрываемым удивлением: надо же, гномка идет рядом с эльфом, и они не скандалят и не дерутся. — Чистить пробирки, мыть столы, раскладывать инструменты. Отправлять мою почту и заказы. Получать мою почту и заказы. Покупать реактивы и камни по списку. Работы много, не сомневайтесь.

Отец проклял меня, когда я сказал, что хочу быть артефактором. Магия, которая жила во мне, была намного больше, чем у остальных эльфов, и постоянно требовала выхода — отец сказал, что можно пойти, например, по военной стезе, если уж мне настолько невтерпеж угробить жизнь на волшебство. Можно, допустим, стать боевым магом, который расшвыривает войска ударом посоха — это и медали, и деньги, и звания, все, как полагается. Артефакторика — это грязная наука для людей, которые обучились управлять течениями магических полей, и эльфам не положено ей заниматься.

— Хорошо, — кивнула гномка. — Я никогда ничего такого не делала, но думаю, что справлюсь. Меня зовут Хельга Густавсдоттир, а вас?

— Анарен Эленандар, — с достоинством представился я. На какой-то миг остро захотелось, чтобы отец вдруг оказался здесь и увидел бы меня в такой компании. На сегодня моя потребность в бунтарстве была бы удовлетворена, а отец кричал бы так, что с веток падали бы птицы, почти лопаюсь от гнева. Эльф из благороднейшей семьи королевства — мало того, что я стал артефактором, так теперь еще и завожу дружбу с гномами, земной грязью.

Отец и вся семья считали гномов и людей пылью на своей обуви — это очень эльфийская точка зрения, и мы можем ее себе позволить с нашими деньгами и властью. Но я придерживался другого мнения: нельзя презирать кого-то просто за то, что он родился не таким, как ты. Надо брать все лучшее у всех — у людей, у гномов с кирками, даже у орков с их лошадиными табунами и степными юртами — только тогда ты сможешь подняться выше.

— Это магия в нем говорит, — вздыхала мать. Отец только за голову хватался. Какое-то время он пытался выбить из меня глупость своей тростью, потом понял, что это бессмысленно. Я переносил

побой без криков и слез и стоял на своем: съезжаю из родительского дома, поступаю в академию артефакторики, учусь и работаю.

— Так и шел бы тогда в армию, если ему так приспичило работать с артефактами! В боевые маги! Так ведь нет. Ох, какой стыд... Что скажут главы эльфийских семей? Как нам пережить этот позор?

— А какие артефакты вы делаете? — спросила Хельга. Я вырвался из задумчивых размышлений, увидел, что мы почти подошли к моему дому, и ответил:

— Я работаю с магией исцеления. Делаю артефакты для детских больниц всего королевства, часть идет за рубеж. Для каких-то болезней есть лекарства, но есть и такие, где справляются только артефакты.

Гномка ахнула. В карих глазах мелькнуло искреннее уважение, и я неожиданно отметил, что она смотрит на меня без неприязни и зависти, как остальные ее сородичи. Это был не вечный недруг, а просто девушка с длинными косами и лучистым взглядом — артефакторы-люди всегда красуются перед такими, и я надеялся, что не делаю этого. Просто рассказываю о том, чем занимаюсь, вот и все.

— Маленьких лечите? Вот вы молодец! — одобрила она. — Достойное дело.

— Да, лечу маленьких. И иногда помогаю коллегам с большими, — снисходительно улыбнулся я, открыл ворота и пропустил Хельгу в сад. Она пошла по дорожке к моему дому, и было видно: девчонка в восторге. Ей нравились и пышные плетистые розы всех оттенков желтого и розового, которые кивали тугими головами, и яблони, которые опускали тяжелые ветви к земле, рассыпая плоды на траву, и старинные статуи, что сопровождали идущих любопытствующими взглядами. Дом, который утопал в зелени сада, я приобрел три года назад, когда смог заработать и скопить достаточно денег: белый, старинной архитектуры, он сразу пришелся мне по душе. В нем было что-то очень загадочное, с его балкончиками, лесенками и высокими окнами — и в то же время в доме таилось нечто радостное, по-настоящему гостеприимное. Он словно негромко приглашал: входи, тебе здесь будет хорошо.

Не столица. Далеко не столица. Но — это место было моим, и мне в нем было хорошо.

Отец ждал, что я приду, склоню голову и обращусь к нему за помощью — он, конечно, поможет во всем, пристроит меня на

непыльную работу и выделит в личное пользование один из столичных дворцов, но для этого я должен буду отказаться от артефакторики. А я не собирался этого делать: работал, копил, жил так, как считал нужным.

— Вон видите те два окна? — указал я. — Ваша комната. Напоминаю, помимо помощи в лаборатории вам придется готовить. Садам занимается специальный человек, приходит раз в неделю.

— Я справлюсь, — решительно заявила гномка. Я заметил, что ее чемодан приоткрыл пасть, выпуская край тетради, и поинтересовался:

— Это ваш дневник хочет сбежать или вы пишете книги?

На круглых щеках Хельги снова выступил румянец, сделав девушку совсем юной и трогательной. Она застегнула чемодан и с поистине королевским достоинством сообщила:

— Я пишу книги. Вот устраюсь и обязательно пойду в издательство.

Я улыбнулся. Надо же, какую диковинку повезло найти: юная гномка, которая мало того, что уехала из своей горы, так еще и пишет книги. Гномки ничем таким не занимаются: у них слишком много забот с домом и многочисленными детьми. Когда ты одной рукой мешаешь суп, а другой пеленаешь пятого ребенка, то тебе будет не до творчества и книг. Видно, мой взгляд вышел слишком выразительным, потому что румянец Хельги сделался еще гуще, она гордо посмотрела мне в лицо и отчеканила:

— Да, я пишу книги. Да, я уехала из дому, потому что не хочу идти замуж за пьяницу, раз тоща, как стиральная доска, и хороший жених на меня не взглянет. И если вы будете надо мной смеяться, то я...

Дальше она не придумала, лишь решительно засопела, давая понять, что в случае насмешек меня ничего хорошего не ждет. Открыв дверь, я пропустил девушку в гостиную и спросил:

— Наподдадите мне как следует? Впрочем, я не собираюсь смеяться над вами. Я и сам своего рода бунтарь.

Хельга осторожно прошла по старинному светлому ковру, рассматривая мебель из белого дуба с перламутровой инкрустацией. Зеркала перебрасывались ее отражением, и на мгновение показалось, что гномка идет под водой. Мы поднялись по лестнице на второй этаж к дверям, которые вели в ее комнату, и Хельга любопытствовала:

— Бунтарь — это как?

Я усмехнулся. Моя история была не той, которую рассказывают о себе мужчины из благородных семей, когда беседуют с барышнями. Впрочем, это гномка — и она не та барышня, которой мне стоит стесняться.

— Моя семья порвала со мной, когда я стал артефактором, — сообщил я, стараясь говорить как можно равнодушнее. — Это не дело для достойного эльфа, а грязная человеческая работа. Но она мне нравится, моя душа ей радуется, так что теперь я здесь.

Глаза Хельги распахнулись еще шире — и в них я удивленно увидел уважение. Надо же, еще ни один гном на свете не уважал эльфа — а мне вот повезло.

— Устраивайтесь и приступайте, — сказал я строже, чем собирался, чувствуя, что в душе что-то дрогнуло, наполняясь звоном. — Сегодня с вас ужин.

* * *

Хельга

Кухня сверкала чистотой, белизной всех поверхностей и абсолютной пустотой. В шкафах ничего не было — ни соли, ни сахара, ни кофе, не говоря уж о мясе, овощах и специях. Эту кухню словно привезли из мастерской дорогого мебельщика, собрали и больше на ней не появлялись. Я растерянно посмотрела на сковороду, которую повесили на крючок и ни разу не взяли в руки и спросила:

— А как же вы едите?

А ведь тут одно удовольствие готовить! Здесь отличная плита, в которой огонь разжигается сразу же, стоит только похлопать в ладоши. Здесь замечательные сковороды, которые стоят целое состояние — на них никогда ничего не пригорает. А кастрюльки, а салатницы, а фарфоровые тарелки, расписанные цветами и птицами! Все это так и просило: Хельга, приготовь еду! Хельга, наполни нас!

— Заказываю все в ресторане, — ответил Анарен. — Но у них сменился повар, так что вы очень вовремя.

Я вздохнула. Этот эльф питается в ресторанах, вот уж глупость так глупость. Денег, видно, некуда девать.

А денег у него немерено, это ясно с первого взгляда. Дом был огромный, старинный, все в нем дышало и сочилось роскошью. Такую мебель, ковры и зеркала я видела только в журналах о богатой жизни дворянства и королевской семьи, которые в Подгорье читали, как диковинку и подумать не могла, что когда-нибудь окажусь рядом. Кровать и шкаф в моей комнате были антикварными, из южного черного дерева с позолотой и вензелями — на них дышать-то жутко, не то, что спать и раскладывать вещи.

— Тогда давайте денежки. Тут надо много чего купить.

Эльф кивнул, вынул из кармана бумажник и, отсчитав на стол пятьдесят крон, небрежно произнес:

— Покупайте все, что потребуется. Не хватит денег — скажете. Я ужинаю в семь. Успеете?

Я покосилась на часы, которые показывали ровно три. Успею. И накормлю его так, что он будет дышать через раз. Рестораны, заказы — тоже мне, выдумали моду. Разве там приготовят нормально?

Все гномы умеют готовить и делают это не левой рукой из-под правой пятки, а так, что можно взять сковороду с любой гномьей кухни, отнести в столовую к королю-батюшке и наслаждаться одобрительными возгласами его величества. Я никогда не была такой объедалой, как мои сестрицы, способные съесть запеченного поросенка и закусить пирожками да салатом, ностряпня была моей сильной стороной.

Особенно хорошо готовить, когда не нужно высчитывать монетки и кромсать несчастную курицу на пятнадцать блюд — просто идешь в лавку или на рынок и покупаешь самое лучшее. Что душенька пожелала, то и берешь.

Прилавки городского рынка так и ломились от всяческого добра — лавкам и лавочкам нашего Подгорья не сравниться с тем великолепием, которое лежало здесь на столах. Не каждый поставщик и фермер отправится к гномам, которые прижимисты и бьются насмерть за каждую монетку, требуя скидок и критикуя товар на все лады, чтобы сбить цену. Я набрала круглопузых мясистых помидоров и пупырчатых огурцов — сделаю салат, эльфы любят салаты. Если верить моим родителям, они ничего не едят, кроме салатов, ну да это мы еще посмотрим. Ни один мужчина, эльфийский он, гномий или человеческий, не откажется от хорошего ужина.

Я купила славный кусок свинины, попросила разрезать — скручу из него рулет с сыром, луком и грибами: вот, кстати, и грибы, крепенькие боровички со смуглыми шляпками, только что собранные, которые так и просятся на сковороду. Лук, чеснок, картошечка — куда же без жареной картошки? Без картошки это не ужин, а так, скудный перекус на один зубок. А на завтрак возьму говяжьей колбаски и бекон — пожарю с яичницей и овощами, день нужно начинать с сытым животом и хорошим настроением.

А вот и оливковое масло — южное, очищенное, как золотая слеза. А икра? Сверкающая, рассыпчатая, ляжет горкой драгоценностей на подсушенный хлеб и пасту из авокадо с каперсами — и еще перышко лука сверху, как завершающая точка. Рыбка! Куплю тяжеленные стейки, положу на холод, приготовлю завтра на обед. А к рыбке нужны лимончики, розмарин, черный рис — они с рыбкой лучшие друзья. А к черному рису надо особые специи, от одного взгляда на которые душа начинает танцевать. И кофе, кофе обязательно!

Как он вообще жил, ничего не готовя, этот эльф? Правильно про них говорят, что они со странностями. Подхватив тяжеленные корзинки и купив почти у выхода с рынка длинные хрустящие багеты, которые только что вынули из печи, я пошла домой: предстояло еще готовить.

— Мармелад, красавица! Ай, что за мармелад! Купи, не пожалеешь!

Я не сразу заметила, откуда меня окликнули — таким маленьким был столик со сладостями. Он едва не падал от разноцветных гор фруктового мармелада, которые пахли так, что голова начинала кружиться от восторга, а рот наполнялся слюной.

— Фруктовый, свежайший, сладкий, как первая любовь! — низкорослый чернокожий продавец, укутанный в пестрое покрывало, выхватил бумажный пакет и принялся проворно наполнять его прозрачными мармеладными кубиками. — Арбузный, сливовый, яблочный, дынный, персиковый! Нежный, как твоя щечка! И всего пятак!

Я протянула ему монетку и, с трудом найдя место для пакета среди покупок, подумала: не попробовать ли кусочек сразу? Нет, потерплю, оставлю на вечер. Сварю кофе, сяду за стол и буду писать новую главу в своей книге о пиратской принцессе, которая высадилась

на таинственный остров сокровищ, окутанный туманом черной магии...

Удивительно, но Анарен не смеялся, когда узнал, что я пишу книги. Все смеялись надо мной — родители, брат и сестры, соседи, одноклассники — а он даже бровью не повел. Гномка пишет книги — ну и ничего удивительного. Он смотрел так, словно это нормально, даже правильно, а раз так, тогда я приготовлю ему такой ужин, что он с ума сойдет и пальцы до локтей оближет!

— Красавица! — окликнул меня продавец мармелада. — А поцелуешь — скажу секрет. Хочешь?

Я нахмурилась. Нечего тут! Я приличная девушка, а не из всяких там!

— Сиди уже! — посоветовала я и тряхнула один из пакетов. — А то тебя сейчас вот, свинячьи копыта поцелуют по голове!

— Все, все, молчу! — продавец примиряющим жестом вытянул вперед руки. — Не было у нас тут раньше таких боевых гномок!

— Вот и молчи, — пробормотала я и направилась к выходу с рынка. В груди откуда ни возьмись появилось неприятное тревожное чувство.

Вот ведь нахал какой! Городской, сразу видно.

Глава 2

Анарэн

Я готовил исцеляющий артефакт, сверяясь с большой картой пациентки, которая стояла на специальной подставке. Вот результаты исследования крови — и на золотую пластинку ложится завиток заклинания. Вот точнейшие расчеты опухоли, которая разрастается в теле — и новые нитки магии укладываются на золото. Ничего, пациентке придется потерпеть совсем немного — скоро артефакт будет готов, и она забудет и об опухоли, и о боли. Девочка семи лет будет жива и здорова: пойдет в школу, откроет книги, станет играть в игрушки как раньше.

Еще немного. Последний завиток. Точка — и дело сделано.

Я отправил закрепляющее заклинание в золото и какое-то время сидел за столом, ничего не видя и не слыша. В ушах шумело, лаборатория плавала в тумане — так всегда бывает, когда заканчиваешь артефакт, и магия выскользывает из души, оставляя только пустоту. Потом она, конечно, заполнится, но пока надо просто посидеть и опомниться. Проведя ладонями по лицу, я нашарил на столе стакан воды и торопливо сделал несколько глотков.

Мир прояснился. Готовый артефакт сверкал золотом и причудливыми узорами — новенький, яркий, он был похож на оригинальное украшение. Подождав, пока пальцы перестанет жечь, я снял его с подставки, аккуратно упаковал в плотную коричневую бумагу и, обвязав тонкой нитью, взялся за сургуч, чтобы поставить личную печать.

Пятнадцать тысяч крон, вот сколько он стоил. Сейчас артефакту предстояло отлежаться, а завтра утром я отнесу его на почту и отправлю заказчиком. Такое важное дело нельзя было поручить новой помощнице.

Сейчас, когда я подумал о Хельге, мне сделалось как-то странно. Я, эльф из достойной и благородной семьи, поступил, мягко говоря, оригинально: пригласил в свой дом гномку и дал ей работу. Но что-то подсказывало мне, что я поступил так, как нужно, когда не прошел мимо девушки, которая с трудом сдерживала слезы обиды.

Любой другой эльф на моем месте плюнул бы ей на голову — а пусть не лезет туда, куда ей, как до звезды небесной. Наверно, отец прав: я эльф с искаженной, изуродованной природой.

Но сейчас это казалось правильным.

Упаковав артефакт в пересылочный пакет, я словно бы очнулся и понял, что все это время кругом царил дразнящий запах.

Мясо.

Эльфы практически не едят мяса, считая его тяжелой пищей простонародья, зато орки, люди и гномы не мыслят без него нормальной трапезы. Запах был словно прикосновение ласковой руки к волосам. Охваченный им, я вдруг представил большой и теплый дом, накрытый стол и семью за этим столом — семью, где все друг другу рады и принимают близких такими, какие они есть.

Семью, которой у меня никогда не было, несмотря на дом, родителей и брата.

Поднявшись из-за стола, я расправил завернутые рукава рубашки, надел сюртук и подумал: кажется, мне повезло, что сегодня я встретил эту Хельгу Густавдоттир. Глупая мысль, конечно. Очень глупая и неэльфийская.

В столовой уже накрывали ужин, и сперва я подумал, что пригласил кого-то и забыл об этом. Нет, конечно, у меня нет таких друзей, с которыми можно разделить ужин, но такое количество еды для меня одного? Хельга успела переодеться в темно-зеленое клетчатое платье, уложила рыжие косы в корону вокруг головы и сейчас хлопотала над фарфоровым блюдом, нарезая что-то похожее на мясной рулет. Это именно он источал удивительный запах. Компанию рулету составляла большая ваза с салатом из помидоров, огурцов и зелени, и я невольно вздохнул с облегчением: хоть что-то эльфийское! На столе красовались аккуратные тосты с икрой на подушке из авокадо, какие-то мисочки с соусами и соленьями, рыжее облако чего-то морковного, громадное блюдо с жареными ломтиками картофеля, и я удивленно спросил:

— Вы кого-то пригласили, Хельга?

Гномка, которая выводила узор из соуса по ломтю мясного рулета, удивленно подняла на меня глаза.

— Нет. Как бы я смела кого-то приглашать в чужой дом?

— А кому тогда столько еды?

Она растерянно отставила соусницу в сторонку, окинула взглядом стол и ответила:

— Ну как же... ужин. Вам.

— Так много! — ободряюще улыбнулся я. Хельга нахмурилась.

— Разве это много? У меня отец бы сел, съел и сказал: ну ничего так закусил, а есть ли чего пожрать?

Я рассмеялся, сел за стол и уточнил:

— Это ведь жареная картошка, верно?

Картошка была вся золотая, в смуглых луковых завитках — Хельга проворно наполнила ею мою тарелку, уложила рядом мясо и сказала:

— Это вот был же стишок такой:

Пусть сегодня день печалил нас немножко.

Как сказал мне старый орк перед таверной,

Лучше мяса — только мясо и картошка.

— Взгляд, конечно, очень варварский, но верный, — улыбнулся я. — Давайте ужинать.

Я никогда не ел за одним столом с гномом и теперь заинтересованно смотрел, как ест Хельга. Отец говорил, что гномы обжоры и объедалы: когда они берут в руки вилку и нож, то лучше держаться от них подальше, чтобы не сожрали за компанию. Хельга ела быстро, но очень аккуратно, ножом и вилкой орудовала так, как принято в порядочных домах, знала, как пользоваться салфеткой — было видно, что она прекрасно воспитана. Картофель получился выше всяких похвал: сверху золотая поджаристая корочка, внутри ароматная мякоть. Мясо было приготовлено с луком, грибами и приправами, оно таяло во рту, наполняя меня даже не сытостью — каким-то глубоким удовлетворением, которое так и зовет спеть что-нибудь. Неудивительно, что у гномов столько застольных песен, если такое пиршество — их обычный ужин.

— Очень вкусно, — одобрил я. Икра и авокадо придавали душе легкости, а рыжее облако, которое оказалось запеченной морковью, поставило в трапезе этакую невесомую точку. Я вдруг понял, что вряд ли смогу выйти из-за стола. Хельга смущенно улыбнулась.

— Рада, что вам понравилось. Мне хотелось приготовить получше, потому что... ну вы эльф. А отнеслись ко мне по-хорошему.

— Вы прекрасно готовите, — искренне произнес я. — Если ваши книги так же хороши, как этот ужин, то я уверен, вас ждет великое писательское будущее.

Хельга снова покраснела и опустила глаза к своей тарелке, крутя вилку в пальцах. Кажется, я был первым, кто ее похвалил. Странно: гномы любят своих детей, не нарадуются на них, пылко хвалят все их успехи, даже самые маленькие.

Впрочем, писательские старания Хельги хвалили бы, будь она мальчиком. А она девочка, и ей на роду написано совсем другое.

— Я хочу в это верить, — призналась она. — Потому что это то, для чего я живу, и...

Хельга осеклась, словно решила, что сказала лишнего. Встав из-за стола, она принялась убирать опустевшую посуду, и я удивленно обнаружил, что мы на пару съели все приготовленное. Удивительное дело!

— Все у вас получится, — твердо сказал я. Хельга выставила на стол чашки и чайник, от которого нежно веяло земляникой. На десерт полагался мармелад — разноцветные брусочки были выложены на поднос и присыпаны сахарной пудрой. Хельга взяла один из них, надкусила и, прожевав, сообщила с удивительной твердостью:

— Это здорово, что вы в меня верите. Вот немножко обустроюсь и пойду к издателю. У меня...

Я не сразу понял, почему она вдруг качнулась и стала заваливаться в сторону. Рванувшись к девушке, я успел подхватить ее за мгновение до того, как Хельга рухнула на ковер. Где-то в стороне загрохотал по мрамору пола отброшенный мной стул, запах чая с земляникой и мармелада скользнул прочь, и я увидел, как от губ гномки поднимаются зеленые завитки тумана.

Бервенунский змей, так назывался этот яд.

Он танцевал на губах девушки, и надо было не дать ему проникнуть глубже.

* * *

Хельга

Кругом все качалось и плыло. Волны шипели, то подбрасывая меня к низкому темному небу, то накатывая и таща за собой в глубину, а я была настолько слабой и беспомощной, что не могла им сопротивляться. Мысли были похожи на глину — вязкую, текучую.

А потом я вдруг поняла, что меня кто-то целует в губы.

Это было настолько неожиданным, что я буквально вылетела в реальность. Это было одновременно словно оплеуха и самое нежное, самое невесомое прикосновение. Меня еще никто и никогда не целовал, это было так жутко, неправильно и сладко, что все во мне сперва оцепенело, а потом окуталось огнем, вспыхнуло, расплескивая жар. Я очнулась, стяхнула с себя тьму и поняла, что лежу на полу, Анарен обнимает меня и...

У него были очень сильные руки. Крепкие и сильные. Руки наездника и фехтовальщика, а не кабинетного ученого — каждая мышца в них была наполнена мощью.

У него были мягкие губы. Мягкие, ласковые, очень осторожные. Мне вдруг показалось, что я лежу на берегу южного моря, и мир переполнен счастьем и негой. «Наглец...» — скользнуло в голове. Никогда я не думала, что буду целоваться с эльфом, что мой первый поцелуй будет вот таким — с запахом апельсинового мармелада и тонкой ноткой яда, потому что...

— Вот ты где, дрянь мелкая! — выругавшись, эльф оторвался от меня, и я увидела, что он сжимает в зубах что-то похожее на зеленую змейку. Перехватив извивающуюся гадину, Анарен поднес ее к глазам, и в его взгляде была такая густая ненависть, что было больно смотреть. — Вот ты где!

Мармелад. Я съела кусочек мармелада, а потом потеряла сознание.

Эта змея была в мармеладе?!

Я хотела было заговорить, но с губ сорвался лишь едва слышный стон. Анарен отбросил змейку в сторону — в ту же минуту ее охватило пламенем, и кухню наполнил истошный визг. Когда змейка рассыпалась хлопьями смрадного пепла, то эльф склонился надо мной и похлопал по щекам.

— Хельга! Хельга, слышите меня?

«Слышу», — хотела было ответить я, но сил не хватило. Поцелуй остывал на губах, и я, кажется, никогда прежде не чувствовала себя

такой растерянной. Анарен невнятно выругался по-эльфийски — я не знала эльфийского, но судя по взволнованному тону, это была именно брань — поднялся и почти бегом бросился прочь.

«Не уходите, — подумала я. — Не уходите, пожалуйста, не оставляйте меня тут одну...»

Снова нахлынула тьма — и откатилась прочь. Анарен поддерживал меня под голову, из фиала в его пальцах сочились сиреневые капли, и отравленный морок растаял. Я дернулась, села и спросила:

— Что случилось?

Анарен нахмурился, заглянул мне в лицо с таким видом, словно боялся увидеть что-то пугающее, и улыбнулся.

— Все уже хорошо. На наше с вами счастье я не ел этот мармелад первым.

Вот уж точно! Я бы сроду не догадалась, что пострадавшего надо целовать, выхватывая у него изо рта зеленую змею. Кричала бы, потом бросилась на улицу звать полицию и врача, и все кончилось бы тем, что Анарен умер в кухне на полу.

— Я его купила почти у выхода с рынка, — призналась я, понимая, что утром покинула родительский дом, а вечером по уши влезла в неприятности. — Балагур такой с юга, продавал его.

Анарен усмехнулся. Помог мне встать — я снова подумала, что у него сильные руки. Прикосновение будто бы под кожу проникало — и дальше шло к душе. Оно будило то, о чем я даже думать боялась.

— У меня много недругов, — признался Анарен. — Конкуренты в работе, как правило, у которых я перехватываю заказы. Видите, как быстро они все узнают?

Вот это точно. Узнали, что я работаю у Анарена, и мигом подсуетились, подсунули отраву.

— Если бы вы умерли, то все свалили бы на меня, — мне сделалось так страшно, что я машинально сжала руку эльфа — и он ее не отнял. — Это ведь я принесла мармелад...

Эльфы и гномы терпеть не могут друг друга. Меня обвинили бы в том, что я проникла в дом Анарена и убила его из исконной неприязни. И я не смогла бы доказать свою невиновность, это точно. Анарен ободряюще погладил меня по плечу.

— Все уже хорошо, Хельга, все в порядке. Как вы себя чувствуете?

Я не знала, что тут можно ответить. Как можно себя чувствовать после того, как эльф — длинные белые волосы с тонкими косами, пристальный взгляд хрустально-голубых глаз, тонкие черты лица, словно у древнего бога — целовал, пытаюсь спасти от неминуемой смерти...

— Нормально, — откликнулась я. — Спасибо вам, Анарен.

— Идти сможете? — спросил он с искренней заботой.

— Не знаю, — честно ответила я. Вроде бы все уже было хорошо, но стоило мне шевельнуться, как голова начинала наполняться звоном, а ноги делались непослушными, словно набитыми ватой.

Анарен понимающе кивнул, и я сама не поняла, как он смог так ловко подхватить меня на руки.

— Тогда отнесу, — улыбнулся он. — И да, ужин был замечательным, и эта змея его не испортила.

— Я тяжелая, — испуганно призналась я. Да про такое даже в книжках не пишут, потому что все понимают, что это вранье, и такого вот совсем не может быть. Утром я уехала из Подгорья, а вечером эльф носит меня на руках!

Я ведь и правда была худой по гномьим меркам, но совсем не пушинкой. Однако сейчас, в руках Анарена, я вдруг почувствовала себя легкой, почти невесомой. Сердце пропустило удар, стукнулось где-то в горле, сорвалось вниз.

— Да прекратите, — усмехнулся эльф, вынося меня из столовой. — Никакая вы не тяжелая, Хельга. Кстати, почему вы не плачете?

Я удивленно посмотрела на него. Анарен прошел через гостиную и стал подниматься по лестнице на второй этаж — я невольно обхватила его за шею и спросила:

— А почему должна?

— Обычно прекрасные барышни всегда плачут после таких опасных приключений, — объяснил он.

Вот, значит, как. Понятно.

— Прекрасной барышни здесь нет, — хмуро ответила я. Толкнув плечом дверь, эльф вошел в ту комнату, которую назначил моей, осторожно уложил меня на кровать, и я внезапно поняла, что вот

сейчас как раз готова разреветься — слишком сильные и горячие чувства кружили в груди, подступая к глазам.

Нет. Ни в коем случае нельзя показать, что я раскиселиваюсь. Да, это было опасное приключение, но оно хорошо закончилось — вот и замечательно, можно ложиться спать. Все.

— Отдыхайте, — негромко произнес Анарен и направился к дверям. Глядя на свой чемодан, который я за делами так и не распаковала, я сказала:

— Вот ведь свалилась я вам на голову...

Эльф рассмеялся — тихо, мелодично, словно весенний ручеек запрыгал по скалам.

— Бросьте вы. В каком-то смысле это меня даже радует.

Я хотела было спросить, что именно Анарен имеет в виду — но он выскользнул из комнаты и закрыл за собой дверь.

* * *

Анарен

Нет, ну а что еще тут можно было сделать?

Пальцы неминуемо вызывают рвотный рефлекс, если пробовать выцепить змейку именно с их помощью — а рвота не выбрасывает, а наоборот, помогает змейке проникнуть глубже. А эти змейки любят быстро перескочить на кого-то еще — и та, которая была в съеденном кусочке мармелада, тоже перескочила.

Я спустился в столовую, прошел в кухонную ее часть и принялся мыть посуду. Ничего не имею против обычного домашнего труда, хотя, как правило, в эльфийских домах им занимаются слуги или домовые. Но домовый, который обитал в этом доме, сегодня намаялся с уборкой, и я решил не тревожить его по пустякам. Пусть спит в своем углу на чердаке.

Да, Хельга наготовила гору еды — и удивительно, что я съел все предложенное. Обычно эльфы так много не едят, но то, что лежало на тарелках, было настолько вкусным, что невозможно было отказаться. Я улыбнулся, вспомнив, как гномка покраснела, когда я заговорил о писательском будущем.

Удивительно. Я пошел в магазин за основами для артефактов и по пути нашел помощницу, повариху и писательницу. Все это в одной гномке, худенькой по гномьим меркам.

Странно. Я привык жить один, но сейчас присутствие другого в доме — девушки! — меня совершенно не смущало и не причиняло неудобств. Я сам себе удивлялся и чувствовал, что все это как-то правильно. В моем доме есть кто-то еще — добрый, хороший, с сильным духом.

Бервенунский змей не редкость среди магического оружия, его часто размещают как раз в сладостях. Домыв посуду, я прошел к столу, подцепил кубик мармелада с подноса и скользнул по нему направленным заклинанием. В розовой глубине с ароматом арбуза шевельнулась тень, поплыла, изящно шевеля тонким хвостиком. Я послал в мармелад еще одно заклинание — нет, ничего. Ни следа того, кто хотел отравить меня.

Нам сегодня очень повезло. Гномка попробовала мармелад первой, а я успел поцеловать ее и спасти. Бросив кусок на поднос, я прищелкнул пальцами и превратил грудку яда в россыпь пепла. И Хельга испуганно и неумело откликнулась на мой поцелуй — или я ничего не понимаю ни в девушках, ни в поцелуях.

Мне почему-то сделалось смешно.

Следующие два часа я провел в лаборатории, создавая ловец ядов. У меня получилась кружевная серебряная сеть, натянутая на деревянное кольцо. Я добавил к ней несколько необработанных хризолитов, подвешенных на тонких цепочках, и в их зеленой глубине сверкнули искры: теперь любая отравка будет обращаться в пепел, как только попадет на кухню.

У меня был такой ловец некоторое время назад — но потом мои конкуренты и враги как-то поутихли, и я снял его за ненужностью.

И снова здравствуйте, как говорится.

Дом погрузился в темноту. Ранняя осень — еще почти лето, в каждом уголке мире еще есть его приметы. Цветы уверенно поднимают головы, небо наполнено хрустальной синевой, в теплом воздухе плывет запах яблок, но вечера уже утопают в бархатной тьме. Скоро пойдут дожди, потом все укутается в снежный плед и, замерев в гостинной и бездумно глядя в окно, на сонную громаду сада, я вдруг обрадовался, что встречу зиму не один.

В столовой горела маленькая лампа, и я точно ее не зажигал. Бесшумно скользнув к дверям, я заглянул внутрь и увидел Хельгу за столом. Набросив шаль поверх домашнего платья, она сидела над тетрадью и что-то торопливо записывала изящной золотистой ручкой. Рядом стояла хрустальная чернильница. Казалось, гномка сейчас не здесь, не в моем доме, а где-то совсем в другом месте, там, куда ее привело воображение. Я всмотрелся и увидел, как над ее головой проступила картинка: северные пираты в жутких масках бросались в бой, сталь гремела о сталь, торжествующие крики и возгласы умирающих сливались в песню боя. Впереди уверенно двигалась девушка — высокая, беловолосая, наполненная жуткой красотой богини войны. Принцесса-воительница привела армию, чтобы забрать дом, который принадлежал ей по праву.

Это было то истинное творчество, которое умело открывать врата в новые миры. И я смотрел и понимал, что мне очень повезло прикоснуться к нему сегодня.

Хельга шевельнулась, потерла глаз и вздрогнула, поняв, что уже не одна. Пираты и их предводительница растаяли. Хельга порывисто попыталась закрыть тетрадь и спрятать ее, и я ободряюще улыбнулся.

— Все хорошо, работайте. Не нужно ничего прятать.

Хельга раскрыла тетрадь и вдруг рассмеялась. Я тоже улыбнулся — нельзя было не улыбнуться, настолько трогательно и мило она сейчас выглядела.

— Вы знаете, я всегда тетрадки прятала. Потому что если видели, что я пишу, то принимались бранить, — призналась она и сказала уже другим тоном, явно пародируя матушку или тетушку: — Хельга, вот тебе нечего делать! Ты должна думать о том, как выйти замуж, а не как писюльки свои выписюкивать!

Я не удержался от смеха, надеясь, что он не обидит мою помощницу.

— Примерно то же самое мне говорили мои родители, — сказал я. — Эльфу из благородного и достойного семейства не следует думать о магии. Раз уж она есть, то ее надо запереть поглубже, а не лепить артефакты на коленке. В эльфах, видите ли, слишком мало магии, чтобы извлекать из нее деньги. А раз нельзя на чем-то заработать, то лучше от этого вообще отказаться.

Хельга подперла щеку ладонью и посмотрела на меня так, словно увидела в первый раз — и ей понравилось то, что она увидела.

— Получается, мы с вами похожи. Вы эльф-бунтарь... ну потому что только бунтарь гномку в дом впустит. А я гномка-не-такая-как-все.

— Поэтому и поладили, — улыбнулся я. — Как вы себя чувствуете, Хельга? Вам бы лучше полежать сейчас, бервенунский змей коварная отравка.

Хельга пожала плечами. Я ни с того ни с сего вспомнил, что нести ее было совсем легко.

— Я как-то не привыкла бока наминать, — призналась она. — Есть минутка — иду писать книгу.

— Это правильно, — одобрил я и, в последний раз проведя ладонями по ловцу ядов, мягким движением отправил его к люстре. Хельга замороженно уставилась на искры в хризолитах и сделалась похожа на ребенка, который не может оторвать глаз от новогодней елки.

— Красота какая, — восхищенно промолвила она. — Что это?

— Ловец ядов, — объяснил я. Надо же, утром я получил заказ на артефакт, и все шло, как всегда, своим чередом — а вечером стало ясно, что моя жизнь изменилась, потому что в ней появился кто-то новый и очень хороший. — Теперь никто нас не отравит.

Хельга машинально провела пальцами по губам, и в ее глазах мелькнуло какое-то очень далекое чувство, которого я не смог распознать.

— Вам пора спать, — сказал я: что-то шевельнулось глубоко в груди, и я торопливо решил оттолкнуть его, пока оно не стало выбираться к свету. — Завтра у нас большой день.

Глава 3

Хельга

Утро началось с того, что я услышала шелест и негромкий голос:

— Гномка! Гномка в эльфийском доме! Вот так дела!

Открыв глаза, я обнаружила, что за окном сереет рассвет, а на ковре перед моей кроватью сидит некто, похожий на кота — серый, пушистый, с круглыми золотыми глазами и широкой пастью. Домовой! Гномы не заводят домовых для уборки, так что я никогда их не видела, только читала в книгах.

— Гномка! — повторил домовой. — А ну, держи ответ: ты чего это тут делаешь? Ты откуда это тут такая завелась?

— Ух ты, домовой! — обрадовалась я. Он был такой жирненький, с такой лоснящейся шерстью, что устоять было невозможно: я схватила его, как нашего домашнего кота, и принялась тискать и гладить.

— Ну тебя! Хватит! Перестань! — домовой извивался в моих руках, но было видно, что он не против ласканий и чесаний. — Ладно, пузо еще почешу. И уши не трогай, укушу!

— Ладно, — сказала я, оставив уши в покое. — Что ж ты хороший такой! Ты здесь живешь?

— Живу, — решив, что с него довольно объятий, домовой вывернулся у меня из рук и сел на одеяле. — А ты кто такая?

— Я Хельга Густавсдоттир, — представилась я. — Помощница господина Анарена.

Домовой принялся и спросил:

— Так это ты давеча мясо в духовке запекала?

— Я. Сейчас пойду завтрак готовить, яичницу с колбасками и овощами. Будешь?

Домовой довольно мурлыкнул и растянулся на одеяле кверху пушистым брюшком.

— Буду, все буду. Чудеса, конечно, творятся: эльф впустил в дом гномку, а она ничего не сломала в радость древней дружбы.

— Чудеса, — согласилась я и вынырнула из-под одеяла. Рассиживаться нечего: надо готовить завтрак, потом делать дела,

которые для меня подготовит Анарен, а там и до обеда недалеко. — То ли еще будет!

— Это точно, — согласился домовой, скатился с кровати и исчез.

Приведя себя в порядок и переодевшись в темно-синее платье с вышитым воротником, я спустилась на первый этаж. Дом еще спал — да и вся улица спала, выглянув в окно, я не увидела ни единого огонька в соседних домах. Выходной день — сегодня все будут валяться в кровати до обеда. Осень самое сонное время — и самое книжное!

Надо же, этот эльф не смеется и не издевается над тем, что я пишу книги. Я не переставала этому удивляться после всех дразнилок, которыми меня щедро осыпали брат и сестры, и всей ругани, которую мать с отцом выливали мне на голову. И теперь можно сидеть над тетрадью и не бояться, что кто-то подбежит, выхватит ее и издевательски зачтет: «...принцесса оказалась опытной противницей, и впервые в жизни генерал понял, что может и проиграть...»

А теперь издеваться некому. Я буду писать книгу и не прятаться.

Купленные колбаски оказались диво как хороши: не слишком пресные, не слишком наперченные и жиру как раз столько, сколько нужно для веселого шипения на сковороде. Ловец ядов молчал: с остальной едой, которую я вчера купила, все было в порядке. Зеленые кольца перца и красные дольки помидоров вытекали из-под ножа; интересно, пойдет ли Анарен в полицию? Да даже если и пойдет, вряд ли тот торговец останется сидеть на прежнем месте. Не будет он ждать полицейских, которые сцапают его за тощую задницу.

Так, теперь яйца. Они были как раз такими, как я люблю: крупные, с оранжевыми желтками. Пир снова получался на весь мир. Гномы всегда говорят: завтракать надо плотно, чтобы во рту не было скучно — это от работы отвлекает.

— Кому это столько?

Я обернулась: Анарен стоял в дверях, сонный и взлохмаченный. Темно-красный домашний халат был так пышно расшит золотом, что вполне сгодился бы на мантию для гномьего князя.

— Завтрак! — ответила я. — Присаживайтесь, пожалуйста, осталась минутка.

— Вообще, эльфы не едят так много, — сообщил Анарен, устраиваясь за столом. Я расторопно придвинула ему чашку кофе; он

сделал глоток и добавил: — Но у вас тут все так пахнет, что я невольно превращусь в обжору. В обжору и толстяка.

— Не превратитесь, — пообещала я. — От мяса и яиц не толстеют, а на обед я приготовлю рыбу с рисом. Клянусь, что сделаю чуточку.

Я понятия не имела, как готовить чуточку — гномы едят много, вкусно и со смыслом — но хотела верить, что справлюсь. Тарелка с завтраком встала перед Анареном; он разрезал сардельку и улыбнулся.

— Пахнет удивительно, — одобрил он. — Сегодня выходной, так что у вас не очень много дел. Отправьте мои письма и купите смеси в артефакторной лавке, я дам список. Кстати, можете пользоваться библиотекой, там замечательный стол.

Я не сразу поняла, что эльф имеет в виду.

— Стол, — повторил он. — За ним намного удобнее писать, чем здесь.

У меня, кажется, лицо сравнилось по цвету со свеклой. Впервые, впервые кто-то задумался о том, чтобы мне было удобно заниматься творчеством. Это было наполнено такой трогательной глубиной, что вот сейчас я едва не разревелась.

Неужели он, эльф, понял, что для меня по-настоящему важно?

— Вы неправильный эльф, — сказала я, сумев-таки справиться с волнением. — Таких не бывает.

Анарен улыбнулся — у него была очень светлая, легкая улыбка.

— Бывает, как видите. Но мой отец говорил мне то же самое. Наверно, если ты просто относишься к другим хорошо, то этого хватает для неправильности.

Свекла. Я просто свекла с рыжими косами и сейчас сгорю от стыда, волнения и неловкости.

— Я рада, что вчера зашла в тот магазин, — призналась я, понимая, что сейчас могу наговорить лишнего и все испортить. Бывают минуты, когда лучше помолчать — но молчать я не могла. Бывают слова, которые сожгут тебя изнутри, если ты их не скажешь. — Рада, что мы познакомились.

— А я-то как рад! — искренне откликнулся Анарен. — Меня теперь кормят, как гномьего короля. И...

По дому раскатился мелодичный звон: на пороге стояли ранние гости. Все во мне замерло и покрылось льдом — я точно знала, что

они не принесли ничего хорошего.

Все воздушное счастье, которое успело наполнить меня, готово было раствориться без остатка.

* * *

Анарэн

Я давно привык к тому, что выходной день не может пройти просто так: он обязательно принесет что-то, что мне придется расхлебывать всю неделю. Поднявшись из-за стола, я прошел через гостиную, открыл дверь и понял, что все прежние выходные с их приключениями и проблемами были просто легким развлечением.

— Ну разумеется. Он и двери открывает сам. На прислугу денег нет. Ничего нового, впрочем.

Мы не виделись четыре года, и мои родители несколько не изменились. Все то же поистине эльфийское презрение к миру во взглядах изумрудных глаз, все те же попытки сразу же пробить мою оборону бесцеремонным замечанием. Хорошо, что на меня это уже не действует.

— Доброе утро, отец, — беспечно ответил я. — Доброе утро, матушка.

Матушка стояла на крыльце с таким видом, словно ее туфелька, расшитая бисером, погрузилась в коровью лепешку. Да, в сравнении с родительским дворцом мой дом был просто дряхлой развалиной — но я жил в нем так, как считал нужным и делал то, что хотел.

У эльфов очень крепкие семейные узы — этим мы похожи на гномов, которые живут огромными кланами. Даже если ты давным-давно повзрослел, отделился, создал свою семью, ты все равно не можешь сказать родителям, что они больше не могут тебе приказывать, как жить. Не дожидаясь приглашения, отец прошел в гостиную, осмотрелся, брезгливо поджав губы, и, обернувшись ко мне, произнес:

— Тебе пора остепениться, Анарэн. Хватит, ты достаточно бунтовал.

Не расставаясь с беспечной улыбкой, я опустился в кресло — родители разместились на диване, и было ясно: матушка готова закричать от того, что ее сын погружен в такую бездну отчаяния и

нищеты. Да, по эльфийским меркам я был нищ, гол и бос, раз не имел десятка слуг и отхожего места, украшенного золотом.

— Кажется, я это уже слышал, — ответил я. — Тогда мы остановились на том, что ты назвал меня идиотом, и сказал, что я еще приползу на коленях.

Я прекрасно знал: то, что я не приполз на коленях, раскаиваясь в своем самодурстве и посыпая голову пеплом, раздражает моих родителей до разлития желчи. Они видели меня юристом, банкиром, финансовым воротилой — одним словом, приличным эльфом, эльфом-как-полагается. То, что я стал знаменитым артефактором и поднимаю умирающих детей со смертного одра, казалось им какой-то глупой прихотью. Пустяком.

— Я, как видишь, не приполз, — моя улыбка сделалась еще шире. Послышался шум воды и звон — Хельга принялась мыть посуду, и я в очередной раз похвалил ее кулинарные таланты. Беседовать с родителями на голодный желудок было бы невыносимо. — Так что вы хотите сейчас? Вы ведь не просто так приехали из столицы в этот медвежий угол, верно?

Матушка вынула из сумочки платок, демонстративно дотронулась до края глаза. Пантомима называлась: «Видишь, что ты наделал, мать снова плачет из-за тебя». Когда-то давно это будило во мне стыд. Теперь осталась только досада с примесью горечи.

Однажды я крикнул им, что я не их вещь. Жаль, что они так этого и не поняли.

— Хорошо, не будем ходить вокруг да около, — согласился отец. Вздохнул. — Помнишь семью Валендар?

Я помнил. Личный флот, десять поколений торговли чаем и пряностями по всему миру.

— И что с ними случилось, что вы приехали ко мне? Кто-то болен, и понадобился артефакт?

Брови матушки взлетели к прическе, и она прижала руку к груди, изображая возмущение. Отец устало вздохнул.

— Хелевин Валендар хочет, чтобы наши семьи породнились. Ты и Арлен. Я дал предварительное согласие на вашу свадьбу.

Теперь уже мои брови взлетели к волосам. Конечно, дом Эленандар — древний, знатный и богатый, мой отец — официальный поставщик драгоценностей пяти королевским домам, но до денег

Валендаров нам очень далеко. В каком-то смысле они снизошли до нас, осталось только понять, почему.

— Арлен кокетка, — произнес я. — Ветреная кокетка, и ветер надул ей что-то очень интересное. Что-то, что надо прикрыть браком, пока последствия не слишком заметны.

Отец едва уловимо кивнул. Матушка снова прикоснулась платком к глазам. Хельга выключила воду, и я отчего-то очень обрадовался тому, что она здесь, словно юная гномка могла меня поддержать.

Вот только как? И чем?

— Это кто-то женатый. И из такой семьи, что Валендары со своими деньгами и всей властью не могут там командовать, — продолжал я. — Им нужны такие, как Эленандары: семья, в которой уже есть изъян. Нас можно купить и закрыть рот, чтобы мы закрыли собой чужой грех. Вернее, я закрыл.

Когда-то я знал Арлен — она была исключительной красавицей и такой же исключительной дурой, которую, как говорится, поцеловал божок любви, и с тех пор она не знала в ней никакого удержу. Мне придется приобрести пилу побольше, чтобы справляться с рогами.

— Партнерство в торговле пряностями, не говоря уж о приданом, — произнес отец. — Ты наконец-то займешь свое место в жизни, Анарен. Хватит, ты потратил достаточно времени на пустяки и глупости. Пора вести ту жизнь, которая положена тебе по праву рождения. Нормальную эльфийскую жизнь.

Эльф не может встать, взять своего отца за воротник сюртука с золотым шитьем и вежливо, но твердо выставить за дверь. Да, я не мог этого сделать — зато способен был поступить иначе.

— Все бы ничего, — сказал я, предвкушая, какой будет взрыв. — Но я уже помолвлен и готовлюсь к свадьбе.

Матушка приоткрыла рот. Закрыла. На ее лице отразился миллион вопросов, возникшая было радость тотчас же перемешалась с недоумением. Не тратя времени даром, я поднялся и быстрым шагом двинулся в столовую — родители потянулись за мной, сдерживая желание сказать, что кухня является частью столовой только у полной бедноты.

Хельга вытирала тарелки. Когда мы вошли, она обернулась, удивленно посмотрела на нас, и я подумал лишь одно: держись, девочка. Держись. И помощи — мне сейчас очень нужна твоя помощь.

— Вот, прошу, — улыбнулся я и широким жестом указал на гномку. — Хельга Густавсдоттир. Моя невеста.

Глава 4

Хельга

— Господь всемогущий... — пролепетала эльфийка и лишилась чувств, зашелестев шелками, жемчугами и кружевами модного лилового платья. Отец Анарена едва успел ее подхватить, не позволив упасть на мраморные плиты.

Я едва не села на пол от таких новостей. Анарен бросил на меня очень выразительный взгляд, который означал одно: поддержите, не выдавайте.

А как тут было поддерживать? Я понятия не имела, что делать, потому что сейчас это выглядело ну вот полным бредом. Полным и набитым. Вчера родители пытались вразумить меня иконой по лбу, а сегодня я оказываюсь невестой эльфа!

— Урод! — пророкотал отец, выпустил супругу, которая уже успела опомниться, и одарил Анарена такой оплеухой, что он отлетел в сторону, сбивая стулья. Я бросилась к нему — эльф сжал мое левое запястье и шепнул:

— Поддержите.

Я прикрыла глаза, кивнула — поддержу, что ж еще мне остается делать. Из носа Анарена сочилась кровь; я помогла ему сесть на стул и бросилась смочить полотенце водой.

— Ничтожество! Позор! Какой позор! — продолжал бушевать отец Анарена, с болезненной гримасой тряся рукой, которую отшиб о лицо сына. — Выбрал себе человеческое занятие, осрамил нас на все королевство и никак не может остановиться! Гномка! Гномка! Тумбочка на ножках, неполноценное существо! Я не думал, что можно упасть ниже!

— Можно, можно... — простонала мать Анарена. — Господи, я не вынесу этого, я сейчас умру... Анарен, скажи, что ты пошутил! Что ты просто хочешь позлить нас с отцом!

Конечно, это было невозможно. Эльфы считают гномов неполноценными, недоделанной расой — брак с гномкой для эльфа это что-то вроде брака с коровой. Я протянула Анарену влажное полотенце

— он посмотрел на меня с искренним теплом, прижал его к носу и гнусаво произнес:

— Я не пошутил. Мы с Хельгой обручены и собираемся пожениться через две недели.

Отец снова замахнулся на него — Анарен выставил руку, закрываясь, и над его пальцами расплылось золотое облако. Эльф прошипел что-то сквозь зубы.

— На отца с магией, значит, — произнес он уже громче. — Вот оно что. Дожили! Впрочем, чего от тебя ждать, если ты свел общение с гномами.

— Откажись, сынок! — умоляюще заговорила мать, сцепив пальцы в замок перед грудью. В ее глазах сверкали слезы, голос дрожал. — Все это... все это ведь ничего не значит! Выгонишь эту... — эльфийка махнула рукой в мою сторону с таким видом, словно я значила меньше крошек на столе. — Выгонишь и наконец-то заживешь, как нужно, как правильно!

— Сколько можно сопротивляться? — поддержал ее отец. Анарен поднялся, расправил плечи и с невероятной гордостью и достоинством ответил:

— Валендарам это не понравится, но я не собираюсь жениться на Арлен. Это мое последнее слово. Я выбрал жену сам и не собираюсь давать свою фамилию потаскушке потому, что вам это выгодно.

Я знала фамилию Валендар — ее знали все, кто хоть раз покупал коробку с чаем или стеклянные мельницы с приправами. Значит, Анарену предлагают жениться на девушке из семьи чайных королей — а он отказывается.

Упрямый, словно гном. От этой мысли сделалось тепло на душе.

— Ты просто издеваешься над нами, — сказал отец Анарена, бросив взгляд в мою сторону. Только эльфы умеют смотреть так — сквозь тебя, словно ты стеклянный. Или туманный призрак. Под таким взглядом невольно чувствуешь себя ничтожеством, которое недостойно даже чистить эльфийские туфли — но присутствие Анарена придало мне упрямства, и я тоже расправила плечи.

— Да, издеваешься, — продолжал отец. — Мы уже привыкли к тому, что тебя не сдвинуть с места, если ты не захочешь. Мы скрепя сердце позволили тебе заниматься этой дурацкой артефакторикой. Но

сейчас, Анарен, ты заходишь слишком далеко. Валендары не те, с кем можно шутить или играть.

Он прошел туда-сюда, и я поняла, что этот холеный красавец с крупными бриллиантами в перстнях на точеных пальцах нервничает.

Впрочем, еще бы он не нервничал. Сын решил жениться на гномке и отвергает завидную невесту из эльфийской семьи — будешь тут и кричать и беситься. Мой отец тоже за розгами побежал бы, если бы мне пришла в голову блажь выйти замуж за эльфа.

Впрочем, может, и не побежал бы. Хоть и за эльфа — а все же замуж.

— Они всегда получают то, что хотят, — вздохнул отец Анарена, и мать тотчас же закивала. Теперь в ее глазах были настоящие слезы, шелковый платок с монограммой дрожал в руках. — Неужели ты хочешь, чтобы из-за твоего каприза наша семья лишилась бы всего, что поколения твоих предков наживали непосильным трудом? А Хелевин Валендар сможет пустить нас по миру, даже не сомневайся!

Анарен вздохнул.

— Почему бы тебе не развестись, если Валендару так нужен этот брак? — предложил он. — Разведись с моей матушкой и женись на Арлен.

В столовой повисла тишина — звонкая, острая, злая. Эльф сжимал и разжимал кулаки, примериваясь, как лучше ударить строптивного сына, эльфийка беззвучно ахнула и прижала руку к груди, словно ее пронзила сердечная боль.

— Как ты смеешь говорить такое? — свистящим шепотом спросил отец Анарена. — Как ты смеешь?

— Ну вот и не предлагай мне того, что меня оскорбляет. И не услышишь взаимных оскорблений. Нужно родство с Валендарами — так и женись на этой шлюхе. Или прикажи Виолену развестись с Майяли. Он всегда тебя слушался, и в этот раз послушает тоже.

Анарен прошел в гостиную, и я услышала, как открылась дверь. Эльфы покинули столовую — я подалась за ними и увидела, что Анарен указывает в сторону выхода.

— Не хотелось бы, конечно, быть невежливым, — сказал он. — Но я прошу вас удалиться. У меня много работы.

Его отец негромко произнес что-то по-эльфийски, и Анарен не то что побледнел — посерел. Это явно было не оскорбление, а что-то

похуже. Мать поддержала — эльфийские слова, которые срывались с ее губ, казались мне пропитанными ядом.

— Всего доброго, — отчеканил Анарен, и эльфы вышли, больше не говоря ни слова. Закрыв за ними дверь, Анарен прошел к дивану, сел и устало уткнулся лицом в ладони. Он выглядел так, словно весь день махал кайлом в каменоломне. Помедлив, я присела с ним рядом и ободряюще погладила по плечу.

— Что они вам сказали?

Анарен усмехнулся. Откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза. Вот у некоторых прямо талант, портить другим настроение.

— Старинную формулу отказа от потомства. Я им больше не сын, они мне больше не родители. Право на фамилию оставили, право на наследство забрали, — он вздохнул и признался: — Мне не нужно наследства, но все равно это довольно болезненно.

— Ну еще бы, — согласилась я. — Это ведь родители.

Некоторое время мы сидели молча, а потом Анарен сказал:

— Я рад, что вы были со мной, Хельга. Что поддержали меня. Это очень важно.

Я улыбнулась. Ну еще бы я его не поддержала — того, кто пожалел меня, дал работу и... и поцеловал.

— Можете во мне не сомневаться. Я всегда вам подыграю... даже притворюсь вашей женой, если понадобится.

Анарен кивнул и, поднявшись с дивана, произнес:

— Вот и замечательно. А пока давайте возьмемся за насущные дела. Сходите на почту?

* * *

Анарен

Это, конечно, было безумием, называть гномку своей невестой — и я расплатился за него разорванными связями с семьей. Lavaehn ta talan-da, теперь я не сын своему отцу. Lavaehn ta talan-me, теперь я не сын своей матери.

Раньше до такого не доходило. Меня проклинали, но не отрекались.

Забрав пакет с артефактом, я отправился в отделение мгновенной доставки. Это не обычная почта, когда посылку везут дирижаблем или поездом — платишь десять крон, треть заработка Хельги Густавсдоттир за месяц, и послание погружают в тьму-желе, уникальный состав, который перебрасывает его через пространство прямо в руки получателю.

Тьма-желе была редкостью, стоила дорого, и обычная почта не боялась конкуренции — зато те, кто не мог ждать, выкладывали деньги.

День выдался солнечный, совсем летний. В воздухе летали паутинки, во всех кухнях пекли яблочные пироги, и из соседнего дома вышли Браунберги, семейная пара с детьми, плетеными корзинками и собакой — подались собирать грибы. Я кивнул им в знак приветствия, и отец семейства спросил:

— Как насчет боровиков, дружище?

Я улыбнулся. Их младший родился с опухолью мозга: если бы не артефакт, который я создавал прямо в больнице, в соседней палате, то мальчик не выжил бы. А теперь вот — стоит рядом с сестрой, грызет леденец, получает только отличные оценки в своей школе.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил я. Сбор грибов — не то занятие, которому я готов посвятить день. Меня не привлекает ходить по лесу с ножом в руке.

— Анарен, дорогой мой, — заговорщицким тоном промолвила госпожа Эмма Браунберг, — а кто та милая барышня, которая вчера несла пакеты с едой?

Я мысленно вздохнул: всем очень интересно, что происходит у меня дома. Так всегда было. Впрочем, Браунберги могли задавать такие вопросы: после того, как я вылечил их младшего, мы стали кем-то больше, чем просто соседи.

Друзья? Не знаю. У эльфов нет друзей, только деловые партнеры, и я не до конца определился с тем, что в это слово вкладывают люди.

— Моя помощница, — ответил я. — Предупреждая ваши дальнейшие вопросы: да, она гномка, да, мы прекрасно ладим.

Я вспомнил, с какой искренней тревогой Хельга подавала мне полотенце для разбитого носа, и в очередной раз подумал о ней с теплом.

— Вот и замечательно! — одобрила госпожа Браунберг. — Сразу видно, что девушка хорошая, серьезная. А там...

Муж легонько толкнул ее под локоть, намекая, что не следует развивать тему. Мы обменялись мнениями по поводу прекрасной погоды и разошлись.

В отделении мгновенной доставки никого не было. Муха жужжала под потолком, фикус красовался в кадке, сверкая свежевывтертыми листьями, да клерк, Николас Пикльби, дремал за деревянной стойкой. Я прошел к нему, нажал на пуговку звонка, и Пикльби встрепенулся и воскликнул:

— А, господин Эленандар! Доброе утро! Новая отправка?

В Холинбурге совсем немногие используют тьму-желе. Я кивнул, продемонстрировал пакет с артефактом и спросил:

— У вас новые клиенты? Чувствую запах одеколона с зеленым чаем.

— А, да! — клерк нырнул под стол, вынул банку, старательно укутанную в темную плотную ткань, и, выставив ее на стол, принялся разворачивать. — Так надушился, что второй день никак не выветрится. И вот вы знаете, я раньше его не видел. Вы готовы?

Я снова утвердительно качнул головой и уточнил адрес в записной книжке. Пикльби раскрыл тьму-желе и я, заглянув в бархатный сиреневый мрак в серебряной банке, подумал: что, если новый клиент, который облился дорогим одеколоном, как раз тот, кто подсунул Хельге отравленный мармелад? И использовал аромат для того, чтобы замаскировать нити своей ауры от тех, кто решит его искать?

— Фиксируем канал связи, — сосредоточенно произнес клерк, скользя пальцами по банке. В сиреновом мраке мелькнули искры, рассыпались золотые блески, словно в глубине тьмы-желе зарождалась новая вселенная. Затем искры слились в ровный тихий огонек — канал установился, можно было отправлять посылку. Через мгновение после того, как она покинет Холинбург, ее получают в месте назначения, больнице Никельбрунн. Я представил врача, который ждал артефакта, и родителей девочки, что молились за свою дочь и мою работу, и Пикльби довольно сказал:

— Готово. Называйте адрес.

Я отчеканил адрес, и огонек налился зеленым: посылку готовы были принять. Пакет с артефактом вынырнул из моих пальцев, погрузился во тьму-желе, и огонек побелел — посылка доставлена и получена.

Я улыбнулся. Вот и хорошо. Скоро девочка поправится, а я получу свои пятнадцать тысяч крон. Довольный клерк принялся заворачивать банку в ткань, я отсчитал деньги на стойку и небрежно поинтересовался:

— Строго между нами, этот новый клиент отправлял или получал?

Пикльби посмотрел по сторонам, словно хотел убедиться, что нас не подслушивают.

— Получал. Вы знаете, господин Эленандар, я даже немного испугался. Он выглядел, как джентльмен, а повадки у него были самые, что ни на есть разбойничьи. Влетел сюда, кричит: вынимай тьму-желе, я жду посылку! А в руках телеграмма. И глазами зыркает так, словно прикидывает, как с меня удобнее кожу снимать. Коробка вышла небольшая, но она подпрыгивала! Я десять лет на почте работаю, три года с тьмой-желе, но ни разу не видел, чтобы посылки прыгали.

Так. Все понятно.

— От коробки случайно не пахло лимоном? — уточнил я. Пикльби кивнул.

— Пахло чуть ли не сильнее, чем его одеколоном.

Значит, там были капсулки с бервенунским змеем — именно они имеют лимонный аромат и привычку подпрыгивать на месте. Я вынул очередную купюру, протянул ее Пикльби за беспокойство и по-прежнему негромко произнес:

— Николас, вы мне очень поможете, если опишете этого человека. Как можно подробнее.

* * *

Хельга

Я отправила письма, заглянула в пекарню за свежим хлебом, и кофе, который там варили, пах так ароматно, что я не удержалась:

взяла стаканчик и присела за столик. Вот и пошла жизнь потихоньку — я работаю, у меня есть крыша над головой и друг. Да, Анарена можно было называть другом — после того, как он дал мне работу, а потом спас жизнь. И тот поцелуй...

— Госпожа Густавсдоттир?

Я обернулась на голос. Мужчина, который подошел к столику, выглядел каким-то блеклым, несмотря на хорошую стрижку и приличный костюм. Увидишь такого на улице — и забудешь, что увидел.

— Что вам нужно? — сухо спросила я. Незнакомец приподнял светлую шляпу, приветствуя, и представился:

— Можете называть меня Питером. Позвольте присесть?

Я кивнула. Ощущение каких-то липких неприятностей так и зазвенело в груди. Питер опустил на стул, отмахнулся от пекаря, который из-за своей стойки предложил было кофе с булочкой, и сказал:

— Мне известно, что вы писательница, госпожа Густавсдоттир. Семья Эленандар предлагает вам деловое соглашение.

Вот даже как. Быстро же они работают! Мигом узнали все — и кто я такая, и чем занимаюсь. Анарен не упоминал при родителях, что я пишу книги — значит, навели справки в Подгорье. Какой-нибудь Олав-пьяница почесал язык за мелкую монетку на опохмел. Или даже не за монетку — просто ради болтовни.

Дурное предчувствие сделалось еще гуще.

— Что за соглашение? — небрежно осведомилась я. Питер улыбнулся — должно быть, обрадовался моей заинтересованности.

— Ваши книги издают у «Геллерта и Маркони», — ответил он. — Все, что вы написали, самым крупным тиражом.

Я с трудом сдержала удивленный взглас. «Геллерт и Маркони» были крупнейшим издательством королевства, владели огромной сетью книжных магазинов по всей стране, и подписать с ними контракт было заветной мечтой любого писателя. Сверкающие вывески над входом в их магазины казались вратами в пещеру с сокровищами. Если ты издаешься у «Геллерта и Маркони», то не просто поймал удачу за хвост — это значит, что ты пишешь по-настоящему хорошие книги, других они не брали.

Принцесса Эрна, отважная воительница во главе пиратской армады, чтобы вернуть трон своего отца и честь семьи, заняла бы

место на книжных полках. Ее мир сделался бы настоящим — таким, который можно взять в руки.

Это было самой жизнью. Это было намного сильнее и больше всего, что когда-то со мной случилось.

В носу защипало. Я готова была заплакать — или закричать во все горло.

— Более того, — продолжал Питер. — Вы получите не только издание, но и продвижение. Издательство найдет для вас читателей и организует ваш личный книжный тур по королевству. Самые крупные города, выступления перед читателями, солидный гонорар за каждое выступление и статьи в прессе, разумеется, хвалебные. В дальнейшем планируется адаптация книг для театра.

Это была мечта. Огромная тропическая бабочка, которая раскрыла крылья у меня на ладони, рассыпая сверкающую пыльцу. Это было то, что я представляла себе, всхлипывая в своей комнате после очередной обиды: однажды я пробьюсь. Однажды мои книги будут изданы, и те, кто надо мной смеялись, навсегда закроют свои рты.

— Звучит заманчиво, — сказала я, надеясь, что говорю достаточно непринужденно. Незачем было показывать волнение. — Что требуется от меня?

— Взамен семья Эленандар желает, чтобы вы немедленно расторгли помолвку с господином Анареном, — негромко ответил Питер. — Навсегда исчезли из его жизни и никогда больше в ней не появлялись. Как только вы покинете его дом, «Геллерт и Маркони» подпишут с вами контракт.

Я задумчиво смотрела в кофе в своем стаканчике. Чтобы моя мечта исполнилась, мне нужно предать того, кто единственный из всех отнесся ко мне по-хорошему. Того, кто спас меня от отравы.

Значит, родители Анарена всерьез восприняли его слова о нашей свадьбе. Настолько всерьез, что сделали мне предложение, от которого невозможно отказаться. Ни один писатель не откажется от контракта с «Геллертом и Маркони» — особенно если этот писатель юная гномка, которая мечтает увидеть свои книги на полках, а потом на сцене.

Сто дьяволов из самого темного пекла, как же заманчиво это звучало!

— «Геллерт и Маркони» обязательно издадут меня, — с небрежной улыбкой сказала я, и в моем голосе сейчас звенела лишь

упрямая гордость. — Это будет, но я добьюсь этого своим талантом и трудом, а не предательством дорогого мне мужчины. Передайте, пожалуйста, семье Эленандар, что их предложение очень заманчиво, но я слишком порядочна, чтобы его принять.

Питер усмехнулся. Посмотрел на меня, как на дуру набитую. Да я и была душой — все мои родственники сейчас сказали бы, что это шанс, который выпадает раз в тысячу лет: использовать эльфов, получить деньги и славу и дать фигурального пинка еще одному эльфу.

И я не могла этого сделать — потому что тогда стала бы не собой, а кем-то другим.

— Поблагодарите семью Эленандар, — улыбнулась я, и мне действительно стало намного легче. Я знала, что поступаю правильно, и это придавало мне сил. — Всего доброго, рада была знакомству.

Ухмылка Питера сделалась еще шире.

— Ну и дура, — произнес он. Я поднялась из-за стола и парировала:

— Пусть дура, зато честная. И не обзывайтесь, господин хороший, а то полицию позову.

Я вышла из пекарни, не оборачиваясь. Шла по улице, сжимая в руках пакет с хлебом — моя мечта рушилась за спиной, и я слышала грохот, но боли не было. Я понимала, что поступила правильно, но от этого было горько. Невыносимо горько.

«Кто он тебе, этот эльф? — спросил внутренний голос с отцовскими интонациями. — Кум, сват, брат? Могла бы книжонки свои пристроить, денежек получить, да еще и эльфу нос натянуть. А ты вот правда, что дура, да еще и набитая».

«Он меня спас, — ответила я сама себе. Не хотелось представлять хохочущие физиономии сородичей — но они так и вставали перед глазами. — Он мой друг, а друзей не предают».

Почему, когда ты поступаешь правильно, бывает настолько обидно и больно?

Принцесса Эрна, которая убирала меч в ножны в предпоследней главе моей книги, не могла мне ответить.

Никто, наверно, не мог.

Глава 5

Глава 5

Анарэн

На обед были рыбные стейки с лимоном и розмарином в сопровождении черного риса. Войдя в дом, я почувствовал аромат специй — легкий, дразнящий, очень южный — и надеялся, что Хельга не восприняла мои слова про «чуточку» всерьез: еды, которая пахнет так ярко, можно было съесть целую гору. Заглянув в свой кабинет и приложив чек за отправку артефакта к остальным документам, я сменил выходной сюртук на домашний, обновил одеколон за ушами и вышел в столовую. Хельга как раз разворачивала гнезда из фольги, освобождая нежнейшее розовое мясо лосося, которое так и звало скорее приступить к трапезе.

— Выглядит очень заманчиво, — одобрил я. Хельга кивнула, и я невольно отметил, что она взволнована и всеми силами пытается это волнение скрыть.

— Как ваш нос? — спросила она, выставляя передо мной тарелку. Компанию рису составляли перцы и помидоры, щедро умасленные пикантным соусом, и я подумал, что растолстею, и это судьба.

— Все в порядке, подлатал его заклинанием.

Домовой мягко скользнул у меня под ногами, прошел к Хельге и, запрыгнув на одну из кухонных тумб, сообщил:

— Между прочим, она плакала. Как пришла, так и заплакала.

Хельга обернулась к домовому, и я мог поклясться, что ее глаза мечут молнии.

— Молчи! — замахнулась она на него полотенцем. — Молчи, паразит ты этакий!

Домовой мурлыкнул, спрыгнул с тумбы и был таков — нырнул в щель в пространстве. Хельга принялась аккуратно складывать полотенце, и я заметил, что домовый прав: да, она плакала. Припудрила лицо, но следы еще видны.

— Что случилось? — спросил я. — Вас кто-то обидел?

Хельга села за стол, взялась за ложку и, положив на свою тарелку небольшую порцию овощей, ответила:

— Да так. Рассуждаю над извечным вопросом о том, всегда ли цель оправдывает средства. Знаю ответ, но не знаю, почему он причиняет боль.

Лосось оказался выше всяческих похвал. Я не очень любил рыбу, считая ее сухой, но то, что приготовила Хельга, так и истекало нежными соками.

— Кажется, я знаю, кто вас так расстроил. Мои родители устроили какую-то пакость.

Хельга едва заметно качнула головой. Так я и думал.

— Предложили издать все мои книги у «Геллерта и Маркони». Гонорары, книжный тур по королевству, потом адаптация для театра.

Судя по тому, как покраснели ее веки, Хельга отказалась. Надо же. Я не знал, что и думать, это было настолько не-эльфийское и не-гномье поведение, что невольно становилось не по себе от того тепла, что разливалось в душе. От него хотелось улыбаться и петь, словно сейчас было не бабье лето, а весна, когда вся природа вдруг взрывается зеленью и жизнью.

— И вы отказались.

— Да. Отказалась.

— Могу я спросить, почему? — поинтересовался я. Хельга наколола на вилку кусочек перца, отложила ее на край тарелки. Она выглядела одновременно потерянной и очень гордой, словно щедрое предложение моих родителей оскорбило ее до глубины души.

Эльфы всегда рассуждают просто: нет того, кого нельзя купить — надо лишь предложить то, о чем он мечтает. Должно быть, отец сейчас не может прийти в себя от изумления. Какая-то гномка, грязь земная, отказывается от его даров!

Невероятно, да.

— Потому что вы отнеслись ко мне не так, как остальные эльфы. Не так, как мои сородичи. Люди сказали бы, что по-человечески, — негромко отчеканила Хельга. — Вы меня спасли от змея и не смеялись, когда узнали, что я пишу книги. Я понимаю, что вы сказали про нашу свадьбу просто, чтобы позлить отца. И понимаю, что мой отказ от ненастоящей помолвки — это так, пустяки. Это не предательство.

Она сделала паузу и добавила:

— И все равно это предательство. Потому что тогда они возьмутся за вас и дождут. А я понимаю, чего стоит ваша гордость и свобода.

Я хотел было потереть ухо — убедиться в том, что услышал именно то, что было сказано. Конечно, если Хельга писательница, то она способна проникать в чувства других. Но она была гномка — и неожиданно поняла меня, эльфа, того, к кому должна чувствовать неприязнь.

Я ей, по большому счету, никто. Просто дал работу, пожалев девчонку на ступеньках ювелирного магазина, которая всеми силами сдерживала слезы. Спас от бервенунского змея — ну мало ли, всякое бывает. Но она испытывала искреннюю благодарность и не менее искреннее душевное тепло — и не хотела предавать даже понарошку. И я понимал, что мое собственное сердце тоже движется к ней навстречу — и не знал, пугает меня это или радует.

Нет такого писателя, который не мечтал бы об издании у «Геллерта и Маркони». Мои родители знали, куда надо нанести удар — и сейчас были потрясены так же, как я. Хельга просто не могла отказать — и отказалась.

Наверно, все дело в том, что в мире бывает настоящая дружба и порядочность. Все-таки бывает. И появляется вот так, вдруг, запросто, когда один просто берет и протягивает руку другому.

— Ваши книги обязательно издадут, — твердо сказал я. — Можете даже не сомневаться. Вы непременно этого добьетесь, Хельга. Честным трудом. «Геллерт и Маркони» сочтут за честь выставить ваши романы у себя в магазинах. Я уверен в этом.

В ее глазах сверкнули веселые искры — Хельга улыбнулась и ответила:

— Я так и сказала. Не хочу радости с тухлой ноткой.

— А раз так, то давайте все-таки поедим, — предложил я. — У этой еды самые лучшие нотки.

Некоторое время мы молча отдавали должное лососю, и я вспоминал, как обедал в родительском доме. Полная тишина, бесшумные движения ножа и вилки, еда, словно сотканная из солнечных лучей, и обязательное наказание, если уронишь хоть крошку на белоснежную скатерть. Домовой высунулся было из-за плиты: Хельга заметила его и спросила:

— Есть будешь, паразит ты этакий?

— Я не паразит! — решительно заявил домовой, усаживаясь возле шкафчика. — И есть тоже буду. Мне всего и побольше.

Я удивленно поднял бровь.

— Не знал, что у тебя такой отменный аппетит.

Хельга вынула из духовки еще одно гнездо со стейком, развернула его и положила перед домовым. Тот втянул воздух розовой кнопкой носа и мурлыкнул.

— Порубать чего вкусного — это я всегда готов. Можно не приглашать, просто тарелку ставь.

На десерт были пирожные — корзиночка с суфле, шоколадом и ягодами. Допив кофе, который Хельга сварила с корицей, я довольно прикрыл глаза и подумал, что сегодня все-таки выходной, а мы заслужили отдых от приключений и трудов.

— Как насчет парка? — спросил я. — Хочу показать вам кое-что.

* * *

Хельга

Парк! Прогулка в парке!

Я старалась не подавать виду — приличная гномка всегда ведет себя спокойно и не прыгает до неба, даже если ей очень хочется. Просто кивнула и ответила:

— Да, конечно. Сегодня же выходной, все идут гулять.

Вымыв посуду, я чуть ли не бегом бросилась в свою комнату и там все-таки подпрыгнула. Парк! Океаны зелени, которая еще не окуталась в багрянец и охру, свежий воздух, цветы и тропинки среди деревьев! Только тот, кто провел всю жизнь под горой, лишь иногда выходя на поверхность, поймет, почему я так люблю сады, деревья и парки.

Они свежие и легкие, они устремляются вверх, к небу и солнцу, и я, кажется, становлюсь выше ростом и еще чуть-чуть — скользну к облакам по солнечному лучу.

Да и что может быть лучше прогулки в парке, к тому же, в хорошей компании? Лишь бы только на нас пальцем не показывали: гномка идет с эльфом! Как это они стакнулись?

Надо было выбрать одежду — хорошую, красивую, но не слишком броскую. Сунувшись в шкаф, я принялась перебирать добро,

которое привезла с собой из Подгорья. Одно платье показалось мне старомодным, в нем только на кухне ходить, второе оказалось чересчур вычурным и торжественным, третье было великовато. Ладно, обойдемся без платьев: длинная темно-синяя юбка, белоснежная рубашка с кружевным жабо, которое надо приколоть брошью к воротнику, и изящный жилет с кармашками, украшенными вышивкой. Одевшись, я торопливо переплела косы с новыми, еще ни разу не тронутыми светло-зелеными лентами и, посмотрев в зеркало, подумала, что похожа на школьницу, которая спешит на первое свидание.

— Это никакое не свидание, дурища, — сказала я себе. — Это просто прогулка на свежем воздухе в приятной компании.

Я припудрила щеки, мазнула по губам легкой розовой помадой — ресницы красить не пришлось, они и без того были темными и густыми. Ох, а если со стороны я выгляжу как неуклюжая толстуха? Тумбочка на ножках, как сказал отец Анарена?

Сам он тумбочка. Сам на ножках. В зеркале отражалась серьезная девушка, спокойная и уверенная в себе. С такой хоть кому за честь пойти на прогулку.

Когда я вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице, в груди шевельнулась тревога. Я иду гулять с эльфом! Кто бы мне сказал об этом вчера утром — да я бы рассмеялась ему в лицо. Разве такое возможно? А вот ведь: принарядилась, иду.

Анарен уже ждал меня в гостиной — он тоже успел переодеться в такой модный костюм, который я видела лишь в журналах, и цена рядом стояла ну просто запредельная. На груди красовался маленький орден; спустившись, я поинтересовалась:

— За что вас наградили?

Эльф бросил взгляд на орден, смахнул с золота невидимую пылинку и ответил:

— Награда святого Мартина, выдается за заслуги в медицине. Я разработал особый артефакт, который спасает от заражения крови.

— Вот это правильно! — одобрила я. — Хорошее дело всегда должно награждаться.

— Хорошее дело не должно остаться безнаказанным, — усмехнулся Анарен. — Так говорят мои родители. Ну что, вперед?

— Вперед, — выдохнула я. Да, на нас будут показывать пальцами — ну и пусть.

День выдался замечательный: теплый, солнечный, совсем летний. Выйдя на улицу, я увидела целое семейство, которое несло корзины с грибами, и подумала: вот бы тоже пойти пособирать. Опята были красивые, с круглыми шляпками и ровными ножками, не крупные и не мелкие — самое то для того, чтобы одну половину пожарить с картошкой и наесться, как следует, а вторую замариновать. Откроешь баночку зимой и вспомнишь тихий солнечный свет в осенней листве, мягкий запах леса, тропинки и травинки... Увидев нас, мать семейства приветственно подняла руку.

— Анарен, смотрите, с какой мы добычей! Зря вы с нами не пошли, — улыбнулась она. Во взгляде, направленном на меня, плыло мягкое любопытство. Анарен улыбнулся в ответ.

— Много работы, госпожа Браунберг. Кстати, знакомьтесь: Хельга Густавсдоттир, моя помощница.

Несколько минут мы потратили на приветственные словеса, пожимание рук и светские фразы ни о чем. Браунберги показались мне очень хорошей, приличной семьей. Трое детей, солидные родители, и видно, что все друг друга любят, и я заметила, что они относятся к Анарену по-дружески, без того подобострастия, с которым люди разговаривают с эльфами.

Он неправильный эльф — я уже успела в этом убедиться. Но если есть на свете что-то правильное — то это как раз оно. Не смотреть на окружающих так, словно они стеклянные, а находить в них друзей, и неважно, гномы они, люди или орки. Все мы слеплены из одного теста, пусть Господь и лепил нас в разных местах.

— Как насчет завтра поужинать у нас? — предложил господин Браунберг. — В этом году отличные яблоки, мы будем печь шарлотку.

— Я не против, — согласился Анарен. — Принесу эльфийское вино, знакомые прислали с юга.

Он не договорил. Младший мальчик потянул эльфа за руку и спросил:

— Дядя Анарен, а почему он так на вас смотрит?

Мы обернулись туда, куда указал ребенок — по противоположной части улицы шла стайка барышень с мороженым и кавалерами, заливаясь звонким смехом, по дороге катил экипаж с деловитым

пузаном на пассажирском сиденье, но тротуар, на котором мы стояли, был пуст. На нем лежала лишь кружевная тень от яблонь.

— Там никого нет, Эдди, — сказала мать, но Эдди упрямо топнул ногой. Опята в его корзинке так и подпрыгнули.

— Есть! Дядька такой противный, стоял и тарачился, словно дядя Анарен ему денег задолжал.

Анарен дружеским жестом взлохматил волосы мальчишки и ответил:

— Наверно он ушел за угол, Эдди. Не волнуйся. Так во сколько завтра ужин?

Расставшись, мы неторопливо побрели по улице. Гномы не ходят в гости с пустыми руками, и я решила, что завтра с утра загляну на рынок, куплю курицу и запекую ее в тесте, начинив луком и яйцами. Блюдо получится — пальчики оближешь, жаль, что к нему нет маринованных огурчиков. Добравшись до угла, за которым исчез незнакомец, взволновавший Эдди, мы не увидели никого подозрительного. Чистильщик обуви взмахивал щетками над ботинком студента в клетчатом сюртучке, и я задумчиво сказала:

— Может быть, это был как раз тот, кто заказал вас отравить.

— Я тоже так считаю, — согласился Анарен, повел носом и спросил: — Чувствуете запах?

Гномьи носы не слишком-то приспособлены для любых ароматов, кроме съедобных, но тут явно веяло зеленым чаем.

— Кто-то крепко надушился, — ответила я. Анарен кивнул.

— Да, это как раз тот, кто вчера подсунул нам с вами бервенунского змея. Использует духи, чтобы сбить со следа тех, кто захочет отыскать его по магическим оттискам.

— Зачем оттиски, тут можно просто по запаху... ой! — я крепко чихнула и добавила: — Искать.

— Не совсем, — произнес Анарен. Мы обошли чистильщика и запах зеленого чая вдруг исчез, словно по волшебству. — Видите? Уже не пахнет. Он ныряет в щели в пространстве, как мой домовый. Теперь не отследить.

Я вздохнула и неожиданно подумала, что раньше только писала о приключениях, а теперь оказалась в них по уши. Отъезд из дома, знакомство с эльфом, бервенунский змей, убийца — и тот поцелуй. Я

старалась выкинуть его из головы, но все равно вспоминала об осторожном прикосновении губ Анарена к моим губам.

Никакой романтики, конечно, и быть не могло. Он просто спасал мою жизнь. Но все же когда я вспоминала об этом поцелуе, то на душе становилось так горячо и сладко, что было больно дышать — потому что я начинала верить, что любовь, нежность и счастье доступны и для меня тоже...

— Что ж, пойдете тогда в парк, — сказала я. — И пусть только попробует испортить нашу прогулку!

Парк Холинбурга, по большому счету, был куском леса, который обнесли изящной оградкой, а потом проложили дорожки, вырубали кусты и прочую мелочь, высадили цветы на клумбах и расставили скамейки. Сейчас на этих скамейках сидело все городское светское общество, и наше с Анареном появление произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Конечно, горожане привыкли к тому, что у них по соседству живет вот такой эльф, который занимается артефакторикой. Но то, что он будет гулять в парке с гномкой, было совершенно неожиданным делом. Я выпрямила спину, напомнив себе, что выгляжу прилично и достойно, как и полагается барышне из достойной семьи. Нас провожали изумленными взглядами, а один паренек в модном костюме и лихо заломленной на затылок шляпе едва не свалился со скамьи с разинутым от удивления ртом.

— Мы впечатляем здешний высший свет, — негромко заметила я. Анарен улыбнулся. Эльфийки, которые ели мороженое за столиком кафе, едва не разроняли свои лакомства. Одна из девиц возмущенно ахнула, остальные хором принялись переговариваться по-эльфийски, и мне не нужен был перевод: и без того ясно, что прекрасные девы были в ярости.

— Хельга, это, конечно, тот вопрос, который может показаться диким, — произнес он, когда мы прошли мимо кафе. — Но вы сможете меня спасти?

Я неопределенно пожала плечами.

— От дракона точно нет.

— Пожалуй, это будет похлеще дракона, — признался Анарен, и я сразу поняла, что именно он имеет в виду — поняла, и все во мне

сперва покрылось льдом, а потом наполнилось таким огнем, что глазам стало больно.

Нет. Невозможно. Если я напишу о таком в книге, меня поднимут на смех — потому что есть вещи, которых просто не может быть. Как ты ни прыгай, ни крути и не верти — не может.

— Я предлагаю вам вступить со мной в брак, — серьезно сказал Анарен, и я подумала, что именно поэтому он и принарядился, и надел орден. Предложение руки и сердца серьезное дело, даже если это женитьба понарошку. — Естественно это будет просто деловой союз двух хороших людей. Не больше. Я ни на что не претендую, мне просто нужно...

— Сохранить вашу свободу от посягательств, — негромко откликнулась я. — Если мы поженимся, то ваши родители отстанут от вас с женитьбой на той девушке. Она так плоха?

— Она ждет ребенка. Не от меня. И слишком глупа и ветрена, чтобы придерживаться верности в семейной жизни, — ледяным тоном промолвил Анарен. — Но дело даже не в этом. Я хочу строить свою жизнь сам. И жену себе выберу сам, а не склоню голову и не возьму ту, которую мне приведут, — он усмехнулся и добавил: — Это в каком-то смысле основа моей души.

Я понимающе кивнула. Мы вышли к маленькому пруду, который был похож на темное круглое зеркало в оправе из кувшинок. По водной глади скользили белые лебеди — гордые, красивые, переполненные достоинством без заносчивости и презрения.

«Я выйду замуж за эльфа», — подумала я и вдруг обнаружила, что у меня дрожат руки. Что я вся дрожу.

— Не волнуйтесь, Анарен, — сказала я, пытаюсь скрыть собственное волнение — без толку, оно было таким, что я с трудом держалась на ногах. — Давайте поженимся. Вы хороший, и я согласна вам помочь. Вот только сомневаюсь, что в плане приданого что-то получится, отец будет рвать и метать, когда все узнает.

Анарен рассмеялся. Махнул лоточнику, который шел по дорожке с коробками сладостей — протянул мне вафельный рожок с мармеладом, фруктами и сливками и ответил:

— Денег в нашей семейной жизни будет вдоволь, я хорошо зарабатываю.

Я откусила от рожка и не почувствовала вкуса. Отец поднимет ор выше гор, а мама будет плакать, ругаться и снова плакать. Дрянь какая, скажут они, спуталась с эльфом — но ведь замуж выходит, да за богатого!

— Не забудьте про заработок, который мне обещали, — напомнила я. Свадьба свадьбой, дружба дружбой, а денежки любят счет — это знает каждый гном. Улыбка Анарена сделалась еще шире.

— Вместо тридцати крон будет три тысячи, — твердо сказал он. — Заглянем на обратном пути в магазин, вам нужно выбрать платье.

* * *

Анарен

Но до улицы с модными магазинами мы так и не добрались. Стоило нам направиться прочь от пруда, как перед моим лицом возникло связь-перо — легкое птичье перышко, которое пляшет по ветру, но возьмешь его в руки, и оно развернется письмом. Такая вещь стоила намного дороже тьмы-желе, была во многом уникальной, и Хельга даже ахнула от удивленного восторга, когда перо раскрылось в моих руках посланием на гербовой бумаге с зелеными королевскими печатями.

Вчитавшись, я понял, что стандартные неприятности выходного дня и не думают заканчиваться.

— Что-то случилось? — встревоженно спросила Хельга. Я аккуратно свернул письмо, спрятал его во внутренний карман сюртука и ответил:

— Придется работать весь вечер и всю ночь. Будете мне ассистировать.

— Буду, — с готовностью откликнулась гномка. — Что нужно делать?

— Подавать мне инструменты, убирать реактивы и поддерживать огонь под сосудами, — сказал я. — Артефакт, за который мне дали орден, вышел из строя, нужен новый.

Хельга так разволновалась, что от нее брызгало сиреневыми искрами — невзначай скользнув по ее волосам заклинанием, я увидел

их тем зрением, которым смотрел на свои артефакты, проверяя их готовность и заполненность.

— Слушайте! — воскликнула она громким шепотом. — Возможно, из-за этого артефакта тот хмырь с духами и прислал нам змея!

— Очень может быть, — согласился я. Мимо нас прошли двое полицейских, которые патрулировали парк, козырнули с важным видом, который тотчас же сменился нескрываемой заинтересованностью. — Меня сейчас волнует другое.

— Что именно?

Мы добрались до выхода из парка, и я махнул извозчику, который только что высадил у ворот нарядное семейство — матушку в шелках и кружевах, детей мал мала меньше и родителя: тот поклонился мне так, словно я когда-то вырвал его из пасти у смерти.

Возможно, так оно и было. Я сейчас тоже был взволнован.

— Почему мой артефакт вышел из строя? — спросил я, когда мы разместились на скамье, и экипаж быстро и плавно двинулся в сторону моей Бузинной улицы. — Я всегда ставлю несколько уровней защиты, он должен стабильно работать еще полгода. Потом его прислали бы на обновление и перезагрузку.

Хельга нахмурилась.

— Он не вышел из строя. Его вывели, — негромко сказала она. — И прислали в Холинбург убийцу, чтобы вы не успели его исправить.

От этого веяло детективным романом в мягкой желтой обложке, но я понимал, что Хельга права. Это не просто конкуренция за заказ от королевской семьи. Это что-то намного хуже.

— Кто мог это сделать? — спросила Хельга. — Вы знаете способности артефакторов лучше, чем я.

Я неопределенно пожал плечами. Никто не мог. Для того, чтобы разрушить все уровни защиты и вывести артефакт из строя — а именно это и произошло, судя по королевскому письму — злоумышленник должен был обладать магией невероятной глубины. Такой, какой не было ни у одного из артефакторов королевства.

— Не знаю, — честно ответил я. — Но...

Экипаж вдруг мягко приподняло над мостовой, и я услышал, как откуда-то снизу с величавой неторопливостью разливается плавно нарастающий гул.

Время словно бы замедлилось. Потекло неспешно, чтобы я успел увидеть все: и компанию молодых людей, которые заходили в открытые двери паба, но обернулись, разинув рты от удивления, и пекаря, который выставлял свежие плюшки в витрину на другой стороне улицы, и бродячую собаку, которая задрала ногу на фонарный столб, и красно-рыжие лепестки огня, что принялись разливаться у нас под ногами.

Хельга вскрикнула. Ее слабый возглас донесся до меня словно через огромную пуховую подушку, и я увидел, как дрогнули складки ее юбки, поднимаясь пышным колоколом. Пламя струилось к носкам ее туфель. Возница дернул поводья, лошади издали тоскливый смертный хрип.

С моей ладони соскользнул цветок заклинания — бледно-синий с зеленоватыми краями, он ударил в пол, и нас окутало туманом.

Хельгу швырнуло мне в руки — я успел обнять ее, и время рвануло вперед. Мир наполнился грохотом, огнем и дымом, нас швырнуло вверх и в сторону, и я почувствовал удар по голове — зацепило каким-то обломком экипажа.

Потом мы грохнулись на мостовую, и я успел закрыть Хельгу собой. Еще один обломок прилетел в спину, где-то закричали, и я увидел, как возница, которого окутало мое защитное заклинание, падает рядом, беспомощно раскинув руки.

Я ждал запаха зеленого чая — но его не было. Мир вонял гарью, кровью и смертью.

Потом на какое-то мгновение наступила тьма — я сбросил ее с себя почти сразу, поднялся, куда-то побрел, нервно тряся головой и стараясь выбить из нее шум и гул. Кто-то схватил меня за руку, и я увидел юную гномку с растрепанными рыжими косами и грязным мазком на щеке.

— Анарен! — прочел я по ее губам перед тем, как окончательно рухнуть во мрак. — Анарен!

И снова стало темно.

— Не шевелитесь, господин Эленандар. Вам нужно лежать.

Голос пробился ко мне сквозь тьму, и я как-то вдруг стряхнул с себя обморочное оцепенение и открыл глаза. Отец был прав — надо было идти в боевые маги, они легче и проще переносят контузии.

Надо мной нависал белый больничный потолок. Я перевел взгляд чуть вправо и увидел мужчину в зеленом халате врача: тот чем-то капнул мне в правый глаз, и головокружение отступило. Врач довольно улыбнулся.

— Вот так, хорошо. Лежите пока, сейчас лекарство подействует.

— Что случилось? — спросил я. В голове царил пустота, словно пришла хорошая хозяйка с веником и вымела из нее все мысли и воспоминания.

— Взрыв, — откликнулся врач. — Кто-то бросил бомбу под ваш экипаж.

Взрыв? Бомба? Слева кто-то всхлипнул; я обернулся и увидел Хельгу. Гномка сидела возле койки, и только теперь я почувствовал, что она держит меня за руку.

— Ты жива? — спросил я. — Все в порядке?

Хельга всхлипнула, и по ее щеке пробежала слезинка.

— Все хорошо, Анарен, — прошептала она. — Ты успел нас закрыть. И с кучером тоже все в порядке...

Слезы побежали еще быстрее, сделав девушку совсем маленькой и не по-гномьи хрупкой. Доктор укоризненно посмотрел на Хельгу, но ничего не сказал, лишь взял еще один пузырек и отправил новую каплю в мой левый глаз. На какое-то мгновение все расплылось белыми пятнами, и я успел испугаться, что ослепну, но нудное мельтешение прекратилось, и голова сделалась легкой и ясной.

Казалось, я мог сейчас подняться с койки и взяться за любую работу.

— Ты обещала мне сегодня ассистировать, — напомнил я Хельге, собираясь встать, но врач надавил на мое плечо, вынуждая оставаться на месте.

— Не геройствуйте, господин артефактор! — приказал он. — Потерпит ваша работа до завтра, до выписки. А пока — лежите и не шевелитесь. Вам надо окончательно прийти в себя.

Глава 6

Хельга

Он не мог умереть. Не мог.

Тогда и я умерла бы.

Это, конечно, звучало, торжественно и пафосно, как в романах — там, где рыдающая героиня склоняется над возлюбленным, прося Господа и всех святых не разлучать их, а мы были просто работником и работодателем.

Но я не дала бы ему умереть. Выгрызла бы у смерти и переломала бы ей лапы. И думала так, как чувствовала, не обманывая себя.

Когда меня выбросило взрывом из экипажа, то я отделалась ушибами — ничего такого, для чего могла бы понадобиться помощь врача. Гномы не обращают внимания на такие пустяки. А вот Анарена контузило — неправильно прошла отдача от защитного заклинания. Сидя рядом с его койкой, я вспоминала, как он поднялся с земли и медленно побрел куда-то, не понимая, куда идет — это было так жутко, что хотелось накрыть чем-нибудь голову и заскулить.

— Как только меня выпишут, сразу же возьмусь за работу, — негромко сказал Анарен, когда врач вышел из палаты. Я осторожно погладила его по растрепанным светлым волосам и ответила:

— Врач правильно говорит, не геройствуй. Тебе надо поправиться. Если чего-нибудь хочешь, скажи, принесу.

Эльф улыбнулся, и мне снова захотелось расплакаться. За два дня он успел два раза спасти меня от смерти — конечно, со мной ничего бы не случилось, если бы мы не познакомились, но все же.

— Тебе тоже надо отдохнуть, — сказал он. — Может, поедешь домой?

— Глупостей не говори, — нахмурилась я. Перед уходом доктор распорядился поить Анарена часто, но небольшими порциями; я взяла с прикроватной тумбы стакан воды с трубочкой и поднесла к губам эльфа. — Давай-ка лучше выпей вот это. Два глотка.

Анарен подчинился — видно, я выглядела очень решительной. Да, с гномами лучше не спорить: если они что-то делают, то их не переубедишь. Убрав стакан, я машинально посмотрела по сторонам,

словно хотела убедиться, что нас не подслушивают, и тихонько спросила:

— Это ведь королевский артефакт, верно? Слишком уж много печатей в письме.

— Верно. Личный королевский. Есть еще копии в больницах, но они работают, — Анарен вздохнул. — Во всяком случае, ни о каком другом испорченном артефакте мне не написали.

— Смотри, как получается, — прошептала я. — Кто-то выводит из строя артефакт, который может спасти от заражения крови. И пытается убить тебя, потому что ты можешь его починить или сделать новый. Возможно, это потому, что наш ароматный приятель или его хозяйка собираются отравить короля. Или кого-то из его близких. Конечно, им моментально доставят артефакты из больниц, случись что, но мало ли? Могут ведь и не успеть. Могут неправильно понять, какая именно болезнь напала. Все бывает.

Анарен нахмурился, словно пытался понять, есть ли зерно истины среди моих фантазий. Я запоздало подумала, что все, сказанное мной, прозвучало очень уж по-книжному, словно сюжет для детективного романа. Впрочем, почему бы и нет? Одного из королей в прошлом веке отравили, пропитав ядом книжные страницы. А он имел привычку облизывать пальцы, чтобы перелистывать книгу, так яд и попал ему в рот.

Чем вам не детектив?

— Логично, — согласился Анарен. Посмотрел на прикроватную тумбу — там лежала стопка бланков для рецептов, забытая врачом, и карандаш. — На всякий случай отправлю сообщение королевской службе безопасности, пусть переходят в особую готовность.

— Диктуй, — кивнула я и взяла бланки. — Все отправлю, только скажи, кому и куда.

Под диктовку Анарена я написала письмо господину Энрике Сфорца, получила адрес и деньги и приказала:

— Никуда не вставай. Если что-то понадобится, вот колокольчик на столе. Я быстро, метнусь до почты и вернусь. Может, тебе что-то еще принести.

Анарен улыбнулся.

— Ты так обо мне заботишься, — произнес он. — Обычно матушка оставляла меня на попечение слуг, если я болел. Не хотела

пропускать праздники и балы.

— У гномов так не принято, — сообщила я. — Мы не отходим от наших больных.

Улыбка Анарена сделалась такой, словно он хотел сказать что-то еще, но не знал, как я это восприму — и все-таки сказал:

— Я очень рад, что ты здесь, Хельга. Мне повезло тебя встретить.

— А мне повезло с тобой, — искренне откликнулась я и, показав сложенное послание, добавила: — Два раза спасти меня за два дня — это дорогого стоит. Все, убежала. Скоро буду.

Сообщив дежурной медсестре, которая на своем посту раскладывала таблетки для пациентов, что я скоро вернусь, я быстрым шагом сбежала по лестнице, вышла из больницы и нырнула в теплый и темный осенний вечер. Кругом горели фонари, по улицам гуляли люди, воздух пах яблочными пирогами, и никто и поверить не мог бы, что в такой славный спокойный вечер где-то рядом бродит убийца. Надеюсь, что не столкнусь с ним по дороге, я быстрым шагом двинулась к зданию почты, о котором Анарен сказал напоследок.

Сонный клерк отправил послание господину Энрике Сфорца через банку, наполненную чем-то жутким: то ли желе, то ли сгусток плотного тумана. Я с трудом подавила в себе желание постучать пальцами по виску, отгоняя нечистого и призывая всех святых на помощь, до того неприятным была тьма, в которую погрузилось письмо.

— Что это? — спросила я.

— Это тьма-желе, — охотно объяснил клерк, и я понимающе кивнула: название было как раз подходящим. — Через него редко письма отправляют, в основном посылки. С вас пятнадцать крон, барышня.

Мне захотелось присвистнуть. Ничего себе расценочки!

Выйдя на крыльцо, я осмотрелась: так, вон то кафе, в котором подают пирожные всех сортов, размеров и цветов, как раз то, что нужно. Куплю Анарену гостинец — на душе всегда теплее, когда ешь сладкое. И денежки как раз остались, вот и хорошо.

Но до покупки дело не дошло. Когда я уже поднималась по ступеням, то меня аккуратно, но крепко взяли под локоть, и с такой же аккуратностью отвели в сторонку, к изгороди — туда, где потемнее.

Сама не знаю, почему я не стала сопротивляться, и просто пошла, куда повели.

— Добрый вечер, госпожа Густавсдоттир, — мужской голос, прозвучавший из сумерек, был приятным и дружелюбным: прямо любимый родственник объявился. — Мне нужно поговорить с вами.

Я обернулась. За спиной не было ни чудовища с пятью хвостами, ни безголового всадника на коне-скелете. Просто молодой мужчина в аккуратном темном костюме — в руке он держал шляпу с щегольским пестрым перышком и выглядел так, словно просто вышел на прогулку в такой приятный вечер. Лицо тоже выглядело вполне располагающим — твердые, но не грубые черты, пристальный взгляд, мягкая улыбка.

Впрочем, я прочитала достаточно детективов, чтобы понять: иногда монстры выглядят именно такими, приятными и располагающими. Так им проще утаскивать жертв в норы.

— Если хотите предложить мне издание взамен отказа от помолвки, то я уже отказала вашему коллеге, — сухо откликнулась я. Незнакомец негромко рассмеялся, и впечатление вернувшегося родственника усилилось.

— Нет, ни в коем случае, — ответил он. — Я к вам вообще не за этим.

— А за чем же?

— Позвольте представиться, — мужчина нырнул в карман, извлек серебристый кружок и продемонстрировал мне. — Максим Вернье, особая служба его величества, старший специалист.

Мне захотелось подхватить юбку и удрать со всех ног, чтоб не нашли ни с фонарями, ни с собаками. Особая служба его величества вела внутренние расследования, занималась самыми сложными преступлениями, и если вы, не дай Бог, попадали в сферу их интересов, то могли закончить свои дни в сыром и темном каземате. Так, по крайней мере, рассказывали — осторожно и с оглядкой.

Не буду врать, что это приятное знакомство.

— Мое имя вы знаете, — сказала я, решив не раздражать нового знакомого. — Что случилось?

— Бервенунский змей, — ответил Максим. Предложил мне руку — я машинально взяла его под локоть, и мы побрели по улице этакой милой гуляющей парочкой. Сегодня таких было много. — Потом

сегодняшний взрыв. Я, видите ли, занимаюсь тем, что присматриваю за артефакторами нашего королевства, а Анарен Эленандар один из лучших.

— Его хотят убить, — негромко промолвила я. Из паба вывалились выпивохи, горлопаня застольную песню, и едва не сбили нас с ног. Максим поморщился.

— Я здесь для того, чтобы обеспечить вашу с ним безопасность, — произнес он, когда мы двинулись дальше.

— И мою тоже? — уточнила я.

— Разумеется. Вы его невеста, — ответил Максим, и в его голосе прозвучали далекие удивленные нотки, словно он недоумевал, как это богатый и красивый эльф умудрился вляпаться в отношения с гномкой, которые дошли до самой помолвки. — Значит, вас могут, например, похитить, чтобы заставить его сделать то, что нужно.

Я понимающе кивнула.

— Тот, кто на нас покушается, использует одеколон с запахом зеленого чая, — сообщила я. — Он маскирует его перемещения.

Мы неторопливо прошли мимо здания городской управы, рядом с которым стоял полицейский патруль, миновали банк, который предлагал самые выгодные кредиты с пестрого рекламного щита, и вскоре оказались у больницы. Неподалеку от входа стоял пациент в халате нараспашку — курил, опираясь на костыль, и посмотрел на Максима каким-то особенно цепким взглядом. Мой спутник едва заметно кивнул, и пациент снова сделал затяжку и мечтательно уставился на осенние звезды.

Отлично. Максим уже выставил охрану. Я почувствовала себя намного спокойнее — значит, к нам не подберутся незамеченными. Быстро же Максим сориентировался, когда я выходила отсюда, то никого не видела.

Как странно и как хорошо прозвучало это «нам»...

— Я знаю, кто это, только у одного наемника такой почерк, — сказал Максим. Мы вошли в прохладный и пустой холл больницы — никого, заходи и делай, что захочешь. Но вот в конце коридора мелькнула зеленоватая тень, скрипнула дверь, выпуская луч света — бдительные часовые были на посту.

— Отлично! — обрадовалась я. — Значит, сцапаете его, когда он снова появится.

— Если бы все было так просто, — усмехнулся Максим. — Дитмар Каллениус никогда не выдает своих заказчиков. А тут он явно работает не от себя лично.

Дитмар Каллениус. Ну и имечко. Как раз для бульварного романа о наемных убийцах и прекрасных сыщицах.

— Я отправила письмо Энрике Сфорца, — по-прежнему тихо сказала я. Мы поднимались по лестнице, небольшая лампа на стене не могла развеять сумрак, и казалось, что тени, которые легли на ступени, движутся, стараясь дотронуться до тувфель. Непонятно почему я вдруг ощутила нарастающую тревогу. — Анарен думает, что кто-то готовит покушение на короля. Поэтому и вывел из строя его артефакт, поэтому и нападает на нас.

Дежурная медсестра была занята важным делом. Рядом с ней сидел юноша в небрежно наброшенном на плечи халате — медсестра отчаянно с ним кокетничала, юноша решительно отвечал ей взаимностью, пылко восхваляя и глаза своей собеседницы, и брови, и губы, и все что ниже, и Максим улыбнулся краем рта. Понятно, еще один его человек.

Мы заглянули в палату. Анарен спал, все было спокойно. На его осунувшемся лице лежали тени, но я заметила, что сейчас он выглядит лучше, чем тогда, когда я отсюда уходила. Бог даст, завтра и правда все будет хорошо.

— Что теперь делать? — спросила я, вернувшись в коридор.

— Ждать нападения, чего же еще, — усмехнулся Максим, и его взгляд сделался жестким, как у стрелка за мгновение до выстрела. — Думаю, Каллениус заглянет сюда на рассвете.

* * *

Анарен

Я почувствовал резкий запах зеленого чая за мгновение до того, как человек, который выскользнул из щели в пространстве, нанес удар. Появись он вечером, я был бы еще слишком слаб — но сейчас успел отстраниться, и брошенное заклинание прошило подушку там, где только что была моя голова.

Палату наполнило вонью, и я узнал боевой шар Гелленби. Мощная штука, способна выбить мозги так быстро, что ты и не поймешь, что умираешь.

Второй боевой шар я сбил на лету и, не давая нападавшему опомниться, ударил в ответ, а потом еще. На третий удар сил уже не хватило: я почти ссыпался на пол, но и незваному гостю не поздоровилось — он прижал руку к животу и, стремительно бледнея, сполз по стене.

В палате сразу же сделалось многолюдно: хлопнула дверь, вбежали какие-то господа с осанкой сотрудников секретной службы, и я не сразу узнал Максима Вернье. Снаружи кто-то подпрыгивал, пытаясь заглянуть внутрь, и я услышал разъяренный голос Хельги:

— Да пустите же меня! Анарен! Анарен, ты жив?

— Я жив, все в порядке! — откликнулся я, надеясь, что Хельга услышит меня через весь этот шум и топот. Наемник стонал, по его посеревшему лицу струились капли пота, и в палате повис густой запах крови. Кто-то из службистов поднял меня, помог сесть — нахлынувшая слабость наполнила голову звоном, тошнота скрутила желудок.

Нет, геройствовать мне еще нельзя. Завтра исправлю артефакт его величества и буду отдыхать. Никакой работы, ну разве что какой-нибудь пустяк. Или что-то, что сможет спасти ребенка. Или артефакт для усиления лекарств, они почти не отнимают сил.

Но больше никакой работы.

Максим склонился над наемником, похлопал его по щекам и недовольно бросил через плечо:

— Что, орлы, спим? Запахов не чувствуем?

Орлы сконфуженно отвели глаза. В палате пахло зеленым чаем так, что хотелось чихнуть.

— В палате их было не посадить, — продолжал Максим. — Дитмар бы понял, что дело нечисто, но они должны были появиться до того, как он начал бить, — он одарил наемника еще одной пощечиной, тот кашлянул, и из его рта потекли струйки крови. Максим поднялся, брезгливо отряхивая ладони, и распорядился: — Кантуйте родимого, будем выбивать из него имя заказчика.

Дитмара выволокли в коридор, и тогда в палату наконец-то ворвалась Хельга. Мы обнялись, и я подумал, что давно так никому не

радовался. Это была какая-то светлая, почти юношеская радость — рядом с тобой тот, кто по-настоящему нужен, и я даже удивился тому, что за какие-то два дня эта девушка стала мне так близка.

Наверно, все дело было в ее доброте и искренности — редкой штуке в любые времена. Душа тянется к ней, словно к источнику живой воды.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Хельга, и я увидел, что она старается быть сильной, но готова расплакаться от страха. — Он кидал заклинания? Что с подушкой? Ты ранен? Куда ранен? Больно?

Я не успел ответить — вернулся Максим и поинтересовался:

— Анарен, живы? Он вас не задел?

На всякий случай я пробежался по себе сканирующим заклинанием: нет, больше никакого вреда. В палату зашла медсестра — недовольно покачала головой, увидев прожженную подушку, протянула мне стаканчик с сиреневым густым сиропом. Хельга смотрела с заботой и тревогой — и это было приятно. Это было правильным: о заболевшем заботятся, о нем переживают — и это было необычным. Не-эльфийским.

— Все в порядке, — ответил я. — Вы вовремя появились.

Мы пересекались с Максимом пару раз — вся деятельность артефакторов контролируется особым отделом, вот он мне и пригодился.

— Теперь можно вздохнуть с облегчением, — сказал Максим, и Хельга недоверчиво посмотрела на него. — Мы вытряхнем из Каллениуса имя заказчика, так что можете отдыхать и приходить в себя.

На том и распрощались. Когда за Максимом закрылась дверь, то Хельга призналась:

— Ты даже не представляешь, как я испугалась.

Когда она так говорила, то на душе снова разливалось тепло. Хельга искренне переживала за меня — а это было бесконечной редкостью, и я ценил ее чувства. Как было не ценить? Мне было хорошо с ней рядом — с этой гномкой, которая едва доставала головой до середины моей груди.

— Ну, теперь все в порядке, — ободряюще произнес я. — Нашего любителя зеленого чая взяли. Завтра я вернусь домой и отлажу

артефакт. И да, у нас с тобой впереди самое интересное — наша свадьба понарошку.

Хельга посмотрела на меня так, словно только сейчас вспомнила о том, что мы договорились пожениться. Я улыбнулся.

— Все должно быть на высшем уровне. Если мы просто пойдем в управу, то мои родители заподозрят, что дело нечисто. Так что завтра бери деньги и выбирай платье. Самое лучшее.

— Уже сегодня, — вздохнула Хельга. Я помолчал и признался:

— Это, конечно, прозвучит невероятно, но я очень рад, что ты здесь. Со мной.

Некоторое время Хельга смотрела на меня, а потом рассмеялась и ответила:

— Это и правда невероятно. Эльф радуется, что рядом с ним гномка!

— Что насчет того, что друг радуется своему другу? — поинтересовался я. Нет, на Хельгу нельзя было смотреть без улыбки, до того она была славная и милая. Сейчас мне нравилось в ней все — и растрепанные рыжие косы, и наряд, такой чопорный и строгий сначала, а теперь измятый, и усталый взгляд карих глаз, в которых плещутся искры веселья.

— На это я согласна! — Хельга улыбнулась в ответ и распорядилась: — А теперь спать.

И я не стал спорить.

Глава 7

Хельга

Друг радуется своему другу, видали? Кто-нибудь вообще видал такое на всем белом свете?

Утром все казалось каким-то ненастоящим, словно и взрыв, и Максим Вернье, и преступник, который проник прямо в палату, просто мне приснились. После скудного больничного завтрака — я прекрасно понимала, что в больницах не подают разносолов, но плохо сваренная каша на воде и ломтик черствого хлеба с таким же выдавшим виды сыром выглядели полным издевательством — врач осмотрел Анарена и сказал, что господин артефактор может возвращаться домой.

— Вот и слава Богу, — вздохнула с облегчением я, когда мы вышли за больничные ворота, и Анарен махнул рукой, подзывая экипаж. Кучер посмотрел на нас вроде бы безразлично, но за этим безразличием просвечивала та цепкость, которая дала понять, что это человек Максима, и нас оберегают на всякий случай. — Сейчас приготовлю яичницу с овощами и колбасками, а то эта больничная стряпня просто пытка.

Анарен мечтательно улыбнулся.

— Завтрак придется отложить, — чуть ли не извиняясь, произнес он. — Нас с тобой ждет артефакт, и мне понадобится помощь.

Я знала, как выглядят артефакты — серебряная или золотая пластинка, на которую нанесены узоры и руны. Когда мы вошли в лабораторию, просторную, стерильно чистую и заставленную коробками, банками и склянками, то Анарен показал мне то, что прислали от короля: причудливые цветочные завитки, которые превращали артефакт в оригинальное украшение, были покрыты глубокими царапинами, словно кто-то взял гвоздь и принялся наносить удары по золоту.

— И что нужно сделать? — спросила я.

Встав за рабочий стол, Анарен открыл металлический ларчик, и я увидела прозрачную жижу, в которой лежали золотые пластинки. Осторожно подцепив одну из них пинцетом, эльф уложил ее на подставку и указал куда-то в сторону, распорядившись:

— Большую банку с инструментами.

Я растерянно осмотрелась: так, кажется, это она. Схватив серебристую банку, из которой торчали инструменты, похожие на живодерское добро зубного врача, я протянула ее Анарену — тот, не глядя, выхватил тонкий стек с причудливо выгнутым носиком и принялся водить им по пластинке, что-то бормоча под нос.

Я едва не раскрыла рот от удивления. По золотой глади легли листья — изящные, воздушные, в лаборатории даже повеяло свежестью роши после дождя. И я заметила еще, что Анарен побледнел — ух, как он побледнел! Его занятие выглядело легким, этаким живописью и капризом джентльмена, но сил отнимало немерено.

— Коробку с тампонами.

Это я сразу поняла: большая картонная коробка с зеленым крестом. Каждый ватный тампон в ней был упакован отдельно; сорвав хрустящую бумагу, я извлекла плотный ватный диск, Анарен обернулся ко мне, подставив лоб, и я осторожно провела тампоном, стирая выступившие горошины пота.

— Отлично, — отрывисто произнес он. — А то в глаза попадает.

— Что-то еще? — спросила я. Мной овладело волнение, почти как на выпускном экзамене. Мы вдвоем делали важное и нужное дело, и Анарену была нужна моя помощь.

Почему-то сейчас это казалось бесконечно важным. Мы были не гномкой и эльфом, а друзьями, которые работали вместе, занимаясь серьезным делом. Вот сейчас закончим с этим артефактом, я пойду на кухню и приготовлю такой обед, что вся усталость умчится без оглядки.

А я очень сильно устала. Непонятно, отчего — вроде бы просто стояла рядом с Анареном, глядя, как на золоте артефакта распускаются экзотические цветы, но ощущение было таким, словно я весь день толкала тачку с углем в самой глубокой шахте. Плечи ныли, пальцы наполняла дрожь. Не глядя, Анарен выхватил из банки еще один стек и с усилием принялся прокладывать новые узоры на артефакте. Его бормотание сделалось почти неразборчивым, но я чувствовала, что работа почти подошла к концу.

Вот бы еще сесть — ноги сделались какими-то чужими.

Анарен вздохнул, нанес последний узор и бросил стек в одну из пустых банок на столе. Звякнул металл, и я заметила, что кончик стека почернел и оплавился, словно эльф совал его в огонь.

— Ты как? — глухо осведомился он.

— Да ничего, — ответила я, смахнув пот с лица. — Все в порядке. У нас получилось?

Анарен опустил голову и вдруг рассмеялся.

— Спасибо тебе, Хельга. Без тебя я бы сегодня это не вывез.

Кажется, он разделил на двоих ту усталость, которая выпала бы для него одного. Ну и ладно, ну и пустяки.

— Сейчас пообедаем как следует, — откликнулась я и вдруг поняла, что не вывезу готовку. Просто не смогу поднять руки — и Анарен это понял.

— Не геройствуй, — откликнулся я. — Сегодня мы с тобой заслужили отдых и обед из ресторана.

Честно говоря, не помню, как я добралась до своей комнаты и рухнула на кровать. Щеку холодил дорогой шелк наволочки, и, погружаясь в дрему, я перебирала все, что случилось со мной за эти дни. Я нашла работу и кров у эльфийского артефактора, едва не умерла от бервенунского змея, потом наш экипаж взорвали, а сегодня я ассистировала, создавая артефакт для короля! Настоящий сюжет для романа, ничего не скажешь.

— Эй, ты жива там еще?

Домовой дотронулся до моей щиколотки мягкой лапкой. Я открыла глаза и снова не сразу поняла, где я. Домовой смотрел на меня с испугом и заботой.

— Жива, — откликнулась я. — Что-то случилось?

— Обед привезли, — ответил домовый. — И свадебный мастер будет через час.

* * *

Анарен

Работа с артефактом настолько вымотала меня, что я решил больше никуда сегодня не ходить. Если бы не Хельга, которая приняла

на себя часть отдачи, то я бы так и остался остывать за рабочим столом в своей лаборатории.

Зато теперь артефакт спокойно отправился к королю. И я обязательно должен что-то подарить Хельге в награду за ее труды и заботу.

Обед из ресторана, который прежде казался мне вполне приличным, сегодня выглядел скудным и каким-то ненастоящим, словно мы с Хельгой сидели на сцене, и вся еда на столе была театральной декорацией, выполненной из картона. Я жевал мясо на овощной подушке и не чувствовал вкуса. Хельга, однако, ела с аппетитом — поймав мой взгляд, она отрезала еще кусочек мяса и объяснила:

— Я не приучена харчами перебирать. Хотя по гномьим меркам повару бы руки вырвать за то, что овощи передержал.

Я улыбнулся — такая она была славная. Сколько теряют мои сородичи, когда заносчиво отказываются от общения и дружбы с теми, кого почему-то считают ниже себя! А я вот нашел клад — и не собираюсь его терять.

— Спасибо, что помогла, — поблагодарил я. — Без тебя бы я сегодня ничего не смог.

За несколько минут до обеда заглянул один из людей Максима Вернье: продемонстрировал свой жетон и сообщил, что уполномочен забрать артефакт. Я передал упаковку с золотой пластинкой и почувствовал, как с плеч упала гора — ощущение облегчения было таким, что мне захотелось петь и плясать.

— Каллениус заговорил? — поинтересовался я. Посланник Максима только рукой махнул.

— Молчит. Но это пока. У нас и не такие разговаривают.

Я понимающе кивнул. С соратниками Вернье лучше дружить — потому что с врагами они по-настоящему беспощадны...

— Так что артефакт уже уехал к королю, — произнес я, мысленно соглашаясь с Хельгой: ресторанный повар готовил хорошо, но рядом с гномьей его стряпня выглядела мусором. — Ждем теперь свадебного мастера.

Хельга побледнела. Потом раздумянулась. Я понимающе улыбнулся: все девушки мечтают о встрече со свадебным мастером, который создаст для них сказочное платье на самый главный день.

Конечно, в нашем случае это будет всего лишь исценировка, но все же...

— Волнуешься? — спросил я. Можно было и не задавать таких вопросов: мне казалось, что я слышу легкий звон, который идет от Хельги, так она была напряжена.

— Волнуюсь, — кивнула она. — Пусть это и понарошку, но все равно свадьба.

Да, мои родители не должны были ничего заподозрить. Они могли расторгнуть наши родственные узы, но я прекрасно понимал, что это всего лишь манипуляция. Отец и матушка пристально следили за мной — Валендары не те, кто примет отрицательный ответ, так что семья не оставит меня в покое, даже порвав со мной.

— Все будет по-настоящему, — сказал я. Домовой проворно убрал пустые тарелки, печально качая головой, и мы прошли в гостиную — там Хельга опустилась на диван и спросила:

— Ты точно не пожалеешь об этом? Понарошку-то понарошку, но документы нам выдадут настоящие. Перед государством мы будем муж и жена.

Я снова не сдержал улыбки — настолько нежно и трогательно сейчас выглядела Хельга. Обычная девушка невысокого роста с рыжими косами, несгибаемой силой духа и светлой душой. Я вдруг понял, что за эти дни улыбался больше, чем за всю предыдущую жизнь. Как-то не очень она располагала к улыбкам.

— А ты? — ответил я вопросом на вопрос.

— А я получу три тысячи крон, — сказала она с такой серьезностью, что я едва не рассмеялся. — И родительское проклятие, это уж точно. Ох, Анарен! Я только сейчас об этом подумала всерьез. Отец примчится сразу же, как только все узнает, и повыдерет тебе волосы.

— Я не боюсь твоего отца, — ответил я, и в это время в дверь постучали.

На пороге обнаружилось сразу двое гостей — свадебный мастер с огромной коробкой образцов украшений и тканей для платья и госпожа Браунберг с корзинкой, в которой угадывался пирог под кружевной салфеткой. Было видно, что мою соседку так и разрывает от любопытства: зачем это я пригласил к себе свадебного мастера?

— Анарен, дорогой мой! — воскликнула добрая госпожа Эмма, когда я пропустил гостей в дом. — Вот, я приготовила вам пирог с курицей и грибами. Боже мой, взрыв! Это просто ужасно, я места себе не находила, и вся семья тоже. Слава Богу, вы живы! А Эдди нарисовал открытку, вы же для нас как родной после того, как спасли его!

Свадебный мастер прошел к Хельге, которая поднялась к нему с дивана — кажется, она даже осунулась от волнения. Мастер никак не выразил удивления по поводу того, что гномка выходит замуж за эльфа — зато госпожа Браунберг даже приоткрыла рот, поняв, что именно происходит.

Да, всем кумушкам Холинбурга хватит сплетен на год вперед.

— Анарен, дорогой мой, — медленно и задумчиво проговорила госпожа Браунберг, — поправьте меня, если я ошибаюсь, но это ведь господин Тутти? Вы разве женитесь?

— Да, женюсь, — ответил я. Госпожа Браунберг была добросердечной и славной женщиной, но молчание не входило в число ее достоинств: через полчаса весь Холинбург будет говорить о том, что эльф-артефактор спятил настолько, что берет в жены гномку.

Вот и замечательно. Этого-то мне и надо.

— Женитесь! — удивленно выдохнула моя соседка. Если бы ей на голову сейчас рухнул дракон, она была бы потрясена намного меньше.

— Совершенно верно, дорогая госпожа Браунберг, — ответил я, передавая корзинку с пирогом домовому. Тот принял и довольно кивнул: мол, домашний пирог это совсем другое дело, не чета скучной стряпне из ресторана. — Буду счастлив, если вы с супругом окажете мне честь и будете свидетелями с моей стороны.

Госпожа Браунберг ахнула, прижав руку к полной груди. Я почти слышал, как в ее голове застучал счетчик, подсчитывая дела: пошить новое платье себе и костюм мужу, купить подарок, достойный такого события, рассказать всем подругам о том, что эльф женится на гномке...

— Милый мой Анарен, это огромная честь для меня и супруга, — совершенно серьезно ответила она. — Мы обязательно поддержим вас в такой замечательный, в такой счастливый день. После того, как вы спасли Эдди, вы для нас не просто знакомый, вы наш дорогой родственник! Я сотню раз говорила это и повторю еще сотню.

— И я очень этому рад, — кивнул я. — Как думаете, где лучше заказать праздничный обед? У Вульфа или в «Южном ветре»?

— Заказать? — возмущенно воскликнула госпожа Браунберг. — Даже не выдумывайте! Что за глупости, милый Анарен? Наша кухня и наш дом в вашем полном распоряжении, свадьба и обед это семейное дело, а не ресторанное, так что рассчитывайте на нас.

Я вспомнил, что у людей считается особой честью предложить свой дом для свадьбы друга — это была хорошая примета и благословение на целый год.

— Сколько будет гостей? — поинтересовалась госпожа Браунберг.

— Немного, — ответил я. Хельга тем временем уже что-то выбрала в каталоге и вместе со свадебным мастером отправилась к лестнице — шла в свою комнату для первой примерки. Госпожа Браунберг мечтательно посмотрела ей вслед, и я вспомнил, что однажды сказал один из преподавателей в академии: все женщины мечтают выйти замуж — даже те, которые уже замужем.

— Тогда составляйте список! — распорядилась госпожа Браунберг. — А я продумаю достойное меню.

* * *

Хельга

— Я подготовил множество свадеб, — признался господин Тутти, когда мы поднялись на второй этаж и вошли в мою комнату. — Но никогда не видел, чтобы гномка выходила замуж за эльфа.

Да, это удивило его сразу же, как только он увидел, кто именно невеста у эльфа-артефактора, но свадебный мастер не показал виду — лишь едва заметно дрогнула левая бровь, вот и все.

— Я тоже такого не видела, — улыбнулась я. Этот маленький человек в щегольском алом сюртуке и пышно взбитыми белыми волосами понравился мне. В нем так и искрилась неподдельная любовь к своей работе — редкое, в общем-то, дело. Обычно все просто трудятся, чтобы добывать хлеб — а он наслаждался каждой минутой своего труда и не скрывал этого. — Все бывает в первый раз, правда?

— Разумеется! Что ж, начнем примерку?

Платье, которое предложил мне свадебный мастер, было свободным, с тонким пояском под грудью, рукавами-фонариками и нежным кружевом по вырезу — оно невесомо струилось по фигуре, падая к носкам туфель, словно яблоневый цвет, который обрушивается на тебя душистым белым водопадом, если потрянешь ветку. Глядя на себя в зеркало, я вдруг подумала, что мои родители были правы, и я все-таки уродлива. Нет у меня ни щек, как наливное яблоко, которые полагаются гномьей девушке, ни такой груди, на которой можно нести ведро воды и не расплескать ни капли... Я не гномья красавица, но это платье...

— Чудесное, — строго заверил меня господин Тутти. — И очень вам идет. Я ни разу не готовил свадьбу для гномьей барышни, но говорю вам как специалист, совершенно точно: в этом платье вы очаровательны.

Я растерянно смотрела на свое отражение. Нет, не уродлива — это во мне говорили голоса родных и знакомых, которые все время искали изъяны и не видели ничего хорошего. В этом платье я была словно принцесса. Нежная, светлая, воздушная — ветерок налетит, подхватит и унесет.

И пусть это ненастоящая свадьба — у меня все равно будет и платье, и украшения, и букет. Что еще нужно?

— А для волос можно вот что, — Тутти направился к своей коробке, и я в очередной раз удивилась: какое же чудо! Обычный короб, но магия создала в нем множество отворков и лазеек, и теперь там можно хранить целый магазин с платьями и украшениями на любой размер и вкус. — Смотрите, выглядит строго, но не старомодно. И волосы надо будет поднять к затылку.

Тиара сверкнула ледяной россыпью бриллиантов и утонула у меня в волосах. Подняв руку, я дотронулась до нее и сказала:

— Это черевирские камни. Они очень дорогие.

— Господин Эленандар распорядился не экономить, — ответил Тутти. Я решила, что обязательно поговорю с Анареном: одно дело фальшивая свадьба потому, что это его спасет, а я никогда не против кого-то спасти — и совсем другое дело вот так швырять деньги на ветер, предлагая мне тиару за пять тысяч крон. Может, он еще примется прикуривать от горящих купюр, как это делают, хвастаясь, купцы первой гильдии?

Вот уж нет. Пусть я ненастоящая жена, но такого транжирства не допущу.

— А есть что-то... — я замялась, старательно подбирая слова и не желая задеть Тутти, — наподобие хризолитов? Это камень моего рождения, мне хотелось бы именно хризолит.

— Посмотрим, — откликнулся Тутти и зашелестел глянцевыми страницами каталога. — Странно, честно говоря: обычно девушки так и рвутся надеть на свадьбу что-нибудь подороже, а вы нет. Впервые вижу, чтобы кто-то отказывался от черевирских бриллиантов. Неужели они вам не понравились?

— Как они могут не понравиться? Понравились, конечно, но я же гномка, — объяснила я. — А мы, гномы, не тратим денежки там, где можем сэкономить.

Тутти подобрал для меня хризолитовую парюру удивительной чистоты. Когда лиственная зелень прозрачных камней сверкнула в моих волосах, то я почувствовала, что влюбляюсь в это украшение с тем сердечным жаром, который гномы испытывают к драгоценностям. Тиара, похожая на переплетение невесомых цветов, крошечные капельки сережек и сверкающая подвеска — от них так и веяло лесной свежестью, таинственными тропами, шумом веселых ручьев. Удивительное дело: хризолит всегда казался мне холодным, но сейчас от камней веяло летом и солнцем.

Неожиданно я поняла, что похожа на березку в этом платье и с зеленью хризолитов. Жаль, что родители меня не видят — может, решили бы, что я все-таки красивая, пусть и худая, как жердь.

— Да, пожалуй, они идут вам больше, чем черевирские бриллианты, — согласился Тутти. — Так что? Зовем счастливого жениха?

У людей есть правило: жених не должен видеть невесту до свадьбы — но это только у людей. Мой отец, например, сам шил свадебное платье для моей матушки. Я кивнула и внезапно ощутила странную робость, словно на мне не было ни платья, ни украшений — ничего не было.

С чего мне так робеть? Мы просто притворяемся, чтобы родители Анарена оставили его в покое — а я получаю за свое притворство кругленькую сумму. Ничего личного, только важное дело — и мы его сделаем.

Тогда почему все во мне вздрогнуло, словно я внезапно оказалась у обрыва — и смотрю вниз, и знаю, что не упаду на камни, а взлечу... Неужели это просто свадебное платье так на меня влияет? Я ведь привыкла к тому, что никогда не выйду замуж, что буду просто жить, работать, писать книги.

«Успокойся, — приказала я себе почти грубо. — Нет причин трястись, как хвост у козы».

— Да, — кивнула я, справившись с волнением. Это просто платье, это просто спектакль, который мы с Анареном разыграем для всех. — Давайте его позовем.

* * *

Анарен

Госпожа Браунберг, конечно, потянулась за мной смотреть на невесту. Пока Хельга примеряла платье и украшения, мы успели обсудить и немногочисленных гостей, и те блюда, которые будут стоять на столе, и мой свадебный костюм.

— Обязательно нужен особый костюм, что вы! — воскликнула госпожа Браунберг, когда я предположил, что надену тот темный сюртук, который надевал на вручение ордена. — Такой, в котором вы никогда и никуда не выходили. Это же исключительный день, мой дорогой! А букет невесты? Думаю, раз милая Хельга гномка, то к розам обязательно нужны нарциссы.

Нарцисс был гномьим гербовым цветком, красовался на множестве личных гномьих печатей, и моя соседка была права, это очень понравилось бы Хельге.

— Другой вопрос, где я найду нарциссы осенью, — вздохнул я. Госпожа Браунберг только рукой махнула.

— Вы же у нас маг и волшебник, Анарен! Сочините какой-нибудь артефакт, который выгонит их из луковиц.

Я решил, что это неплохая идея, и такой артефакт в самом деле можно создать — потом открою цветочную лавочку, буду продавать нарциссы и тюльпаны на новый год и озолочусь.

— Со свадьбой всегда столько хлопот? — спросил я. Соседка дружески погладила меня по плечу.

— Всегда. Помнится, когда я выходила замуж, то мы планировали выпустить бабочек с пыльцой над гостями. Тогда это было очень модно. И что ж вы думаете? Пошел дождь, бабочки отказались вылетать. То-то досадно было!

Я не мог с этим не согласиться.

Итак, мы поднялись на второй этаж, и госпожа Браунберг негромко приговаривала за моей спиной: «Вы обязательно, обязательно должны ахнуть, когда ее увидите, это очень важно для девушки, видеть, что вам нравится платье, и она в платье». Свадебный мастер открыл дверь и, сообщив:

— От бриллиантов она отказалась, но хризолиты ей идут, — пропустил нас в комнату.

Хельга стояла у зеркала — обернувшись ко мне, она смутилась так, словно была настоящей невестой, которую ее жених впервые увидел в белом платье. В общем-то, и я забыл, что мы просто собираемся устроить фальшивую свадьбу — Хельга была удивительно хороша. Рыжие волосы были наскоро подобраны и уложены в прическу, хризолиты таинственно мерцали на шее и в ушах, белое платье, предложенное Тутти, было поистине королевским, и я стоял, смотрел на нее и ни о чем не думал.

В голове воцарился звон. В тот момент я выглядел полным дураком — но это, вот удивительно, было правильным.

— Ну вот! — рассмеялась госпожа Браунберг. — Он растерялся! Все женихи так теряются от восторга и любви, правда же, господин Тутти?

Свадебный мастер важно кивнул, а Хельга покраснела от смущения — она, казалось, готова была сквозь землю провалиться. И она была милой, и очень красивой, и я даже не знал, о чем говорить и что думать.

— Прекрасное платье, — смог-таки выдавить я, не понимая, отчего сам-то так растерялся. Хельга улыбнулась и ответила:

— И камни очень красивые. Настоящие гномьи.

— При чем тут камни, моя дорогая! — госпожа Браунберг, видно, решила, что мы оба стораем от любви, и уверенно взяла дело в свои руки — я был бесконечно признателен ей за это. Без ее решительности я бы точно пропал. — Вы очаровательная невеста, я выдавала замуж своих племянниц и дочерей подруг, и ни одна из них, клянусь вам

Святым престолом Господним, не имела и половины вашего очарования! Да вы только посмотрите на вашего жениха!

Женщины обернулись ко мне, и теперь уже я захотел провалиться куда-нибудь. Да сто чертей в глубине Пекла, чего я так дрожу? Это просто спектакль, который мы разыграем, и Хельга моя помощница, вот и все. Да, она прелестна, да, платье отличное, но это не повод чувствовать, как в груди разливается горячее облако!

Я начинал злиться.

— Когда мужчина стоит, словно баран у новых ворот, и вот так смотрит, и никак не подберет слов, это значит только одно, — твердо заявила госпожа Браунберг. — Он влюблен по уши! Это так, я видела самых разных женихов, и можете мне поверить, я разбираюсь! Тутти, помните свадьбу Мэри-Энн Штольц и Виктора... как там его...

— Цетше, — откликнулся свадебный мастер. Нырнув в глубины своего короба, он вынул хрустальный фиал с духами и, вытянув пробку, дотронулся ею до волос за ушами Хельги.

— Да, точно, Цетше. Он говорил, что обожает свою невесту, а глаза были ледяные. Ну известное дело, охотник за приданым. А Эрик Урбан выглядел точно так же, как вы, дорогой Анарен, когда женился на моей племяннице Августе. И они живут счастливо уже восьмой год, и ждут третьего ребенка.

Ну вот, прекрасно. Меня уже объявили влюбленным. Я решил, что это хорошо. Сейчас госпожа Браунберг бросится по магазинам, покупать все, что нужно для свадьбы, и во всех подробностях расскажет городским кумушкам, как именно я смотрел на свою невесту.

Отлично. Чем быстрее эти разговоры дойдут до моих родителей, тем лучше. Официально они уехали из Холинбурга, но я знал, что отец оставил здесь своих помощников из числа людей.

— Между прочим, Хельга очень талантливая писательница, — сообщил я. Пусть и про это тоже поговорят. — Каждый день работает над книгой.

Госпожа Браунберг даже руками всплеснула. Румянец Хельги сделался еще гуще, карие глаза метнули маленькую молнию в мою сторону, словно она хотела дать мне совет: стой и молчи на эту тему.

— Писательница! И в нашей глуши! — восхищенно воскликнула моя соседка. — Невероятно! А я сразу подумала, как только вас

увидела, моя милая: в этой девушке обязательно есть какой-нибудь талант, она смотрит так, словно в ней горит огонек!

— Приятель моего двоюродного брата работает у «Геллерта и Маркони», — сообщил свадебный мастер. Вынул зеленоватый фиал с мужским одеколоном, показал мне — я кивнул, не глядя. — Я как раз сегодня поеду в Чекеренто, к нему в гости. Давайте захвачу вашу книгу, покажем ее издателям.

Кажется, Хельгу качнуло. Она машинально взяла меня за руку, а потом заглянула мне в лицо так, словно только что поняла, где находится.

— Обязательно! — заявил я. — Такой случай нельзя упускать. Если они возьмут книгу, то это будет лучший свадебный подарок, который только можно представить.

— Возьмут! — со знанием дела воскликнула госпожа Браунберг. — Никто не будет разбрасываться такими талантами!

Глава 8

Хельга

Отец всегда говорил: если выдалась возможность, то надо ею пользоваться. Только дурак упускает то, что плывет ему в руки. А я могла подуматься, если что, но душой точно не была.

Принцесса Эрна могла ожить на книжных страницах — и я не собиралась упускать случай. Первая книга о ее приключениях занимала три толстых тетради — переодевшись из свадебного платья в голубую рубашку и юбку, я торопливо написала на крышке каждой свое имя и фамилию, завернула в белую бумагу и, перевязав лентой, подумала: ох, может, я и правда достойна такого счастья?

Достойна. Даже и думать нечего. Лишь бы свадебный мастер не наврал, желая польстить такому клиенту, как Анарен Эленандар.

Но не совсем же он глупец, чтобы врать? Анарен может сделать такой артефакт, который ему ноги на уши намотает за обман — и я не сомневалась, что господин Тутти это понимал.

Что ж. Ладно. Я решительно выдохнула, взяла сверток с тетрадями и пошла в гостиную. Там сверкало золото — Анарен расплачивался с господином Тутти за услуги. Забрав деньги, свадебный мастер взял мои тетради, понимающе качнул головой и сообщил:

— Все передам. Сами понимаете, гарантий никаких нет, но это лучше, чем отправлять книгу по почте и надеяться.

Это точно. Я представляла, сколько книг каждый день приносят к «Геллерту и Маркони» — из посылок можно сложить крепостную стену. Вряд ли они, конечно, читают каждую присланную книгу.

— Спасибо вам, — искренне поблагодарила я, и на этом мы распрощались. Проводив свадебного мастера, Анарен вернулся в гостиную и, опустившись в кресло, признался:

— Ты была удивительно красива в том платье.

Щеки вспыхнули румянцем. Вот зачем, зачем ему такое говорить? Зачем смотреть так, словно мы не играем спектакль для его родителей, а все это по-настоящему? Вспомнилось, что все мои родственники

говорили в один голос: эльфы сволочи и дряни, от них не надо ждать ничего хорошего, никогда, ни при каких обстоятельствах!

Если так пойдет и дальше, то я в него влюблюсь. Точно влюблюсь — а гномы не такой народ, чтобы выбрасывать чувства из головы на следующий же день.

И чем это для меня кончится? Да ничем хорошим! Да, мы будем мужем и женой, будем жить в одном доме, но между нами никогда не возникнет любви и тепла, которые соединяют супругов. Да и потом, кто мешает Анарену влюбиться? Не в гномку, тумбочку на ножках, как выразился его отец, а в эльфийку, как и положено? И что я тогда буду делать?

Понятно, что. Получу деньги за свою работу и уползу куда-нибудь подальше, чтобы не мешать счастливым влюбленным. И умру от тоски.

Все это промелькнуло у меня в голове за какие-то мгновения, и я ответила:

— Спасибо. Платье просто замечательное.

Анарен улыбнулся.

— Может, посидим в саду? Сегодня хороший день, не хочется его упускать.

День и правда выдался чудесный — теплый и солнечный, пропитанный яблочным запахом и щебетом птиц в ветвях. Мы устроились на скамье под яблоней, взяв с собой пирог госпожи Браунберг. Домовой крутился рядом — получив от Анарена щедрый кусок пирога, он заглотив его в один присест, а потом принялся вылизываться, как кот. Невозможно было смотреть на него без улыбки.

Хороший день! Я подставила лицо солнцу — как здорово сидеть на скамье в приятной компании, радоваться теплу, любоваться садом, который, кажется, не верил в то, что наступила осень. Пчелы по-прежнему жужжали над цветами, птицы перепархивали в ветвях, небо было низким и синим.

— Вот бы «Геллерт и Маркони» и правда взяли мою книгу, — мечтательно промолвила я. — Это было бы настоящим чудом. Тогда родители перестали бы надо мной смеяться. Да и все перестали бы.

— Часто смеялись? — поинтересовался Анарен. Не ради любопытства — я невольно заметила, что его голос дрогнул, словно речь шла о важном.

— Часто. Гномка не должна писать книги и ловить бабочек. Гномка должна много кушать и скорее выйти замуж, — вздохнула я.

— Что ж, второй пункт мы скоро выполним, — довольно произнес Анарен. Домовой закончил вылизываться, оценил количество пирога для добавки и, решив, что ее не будет, важно пошагал в сторону дома. Из соседнего сада донеслись веселые крики детей, и я увидела мелькнувший пестрый хвост воздушного змея. Дети госпожи Браунберг проводили время за важным делом, и я вспомнила, что когда-то точно так же бегала и играла с мальчишками. Мы запускали воздушных змеев в садах, что лежали у Подгорья, ловили слепых рыб в подземных ручьях и мчались наперегонки по городским улицам — и я придумывала для нас множество историй о рыцарях, королях и принцессах, которых похищали драконы.

Потом, когда я подросла, мои прежние друзья стали смеяться надо мной. Смеяться и проводить время с нормальными девушками, будущими невестами и женами, которые не тратили время на фантазии.

— Платье очень дорогое, — сказала я. — И парюра тоже. Зря ты так разбрасываешься деньгами, Анарен.

Он даже фыркнул.

— Что значит «зря»? Ты выходишь замуж за эльфа. А у нас не принято покупать платья на распродажах.

— Ты так говоришь, словно это все по-настоящему, — вздохнула я и через несколько мгновений обрадовалась тому, что не успела сказать ничего больше — из-за кустов шиповника показалась пара эльфов, и я узнала родителей Анарена.

Вот и гости пожаловали. Не успели соскучиться после окончательного расплева.

* * *

Анарен

Я знал, что родители придут, и будет еще один скандал — но не думал, что это случится так скоро. Мать прижимала платок к глазам, отец выглядел сосредоточенным и строгим: видно, я должен был

почувствовать себя школьником, который напроказил, стирая двойку в дневнике, и теперь трепещет от неминуемого наказания.

Я не почувствовал. Как сказала бы Хельга, нечего тут.

Хельга замерла, широко раскрыв глаза. Все в ней натянулось и задрожало.

— Господа! — удивился я. — Чем обязан такому неожиданному визиту?

Отец обернулся к матери, и слезы по ее щекам заструились еще быстрее, словно она повернула невидимый кран, выпуская их на свободу.

— «Господа»! — повторил отец. — Видишь, как он теперь называет родителей?

Я только руками развел.

— Мои родители сказали: Lavaehn ta talan-da, теперь я не сын своему отцу. Lavaehn ta talan-me, теперь я не сын своей матери, — я перевел специально для Хельги, которая вряд ли понимала по-эльфийски. — Если они ждут, что я буду умолять о прощении, то им придется ждать до конца мира.

Отец сверкнул глазами в сторону Хельги — надо признать, это выглядело впечатляюще. Взгляд велел гномке уматывать подобру-поздорову, но Хельга даже не шевельнулась. Я посмотрел на девушку — в ее взгляде и осанке были гордость и вызов.

— Я сказал Хелевину Валендару, что ты болен, — произнес отец. — Что это некое душевное помешательство, которое иногда случается у тех эльфов, в ком слишком много магии...

— Иначе никак нельзя было объяснить! — всхлипнула мать. — А Валендары не та семья, которая принимает отказы!

Я понимающе кивнул. Им нужно было прикрыть грех дочери, я прекрасно подходил для этого, и король чая и пряностей не отказался бы от своего замысла.

— Хватит ломаться, Анарен. Ты побунтовал, в очередной раз довел мать до нервного срыва, но... — отец вздохнул и чуть ли не впервые в жизни посмотрел на меня с бесконечной мольбой. — Довольно. Просто женись на Арлен. Не так уж это и сложно, взять в жены красавицу с отличным приданым.

Мать посмотрела на Хельгу так, словно хотела сказать, что рядом со мной нет ни красавицы, ни приданого. Возможно, она ожидала, что

Хельга съежится под ее взором — но гномка лишь расправила плечи.

— Пусть купит кого-нибудь другого, — пожал плечами я. —
Одного из принцев, например. Королевская семья опомниться не
сможет от такой чести.

Мать возмущенно подняла глаза к небу. Из сада Браунбергов
донесся тревожный шорох — я покосился на ограду и увидел, как из-
за ветвей жимолости выглядывают любопытные глаза и носы. Там
больше никто не запускал воздушного змея — все семейство с ужасом
и восторгом следило за спектаклем. Через полчаса госпожа Браунберг
понесет рассказы по всему городу.

Пахло крепким табаком — отец семейства тоже присутствовал.
Отлично.

— Дочь эльфийской семьи и замужем за человеком?! —
возмутился отец. — Нет, это невозможно. Валендары никогда не
полезут в такую грязь!

Из-за жимолости в соседнем саду донеслось восклицание —
невнятное и гневное. Никто не любит, когда его называют грязью, и
однажды у эльфов не хватит власти и денег, чтобы возвышаться над
людьми, гномами и орками как раньше. Однажды все мы будем равны
по-настоящему — конечно, одна мысль об этом вызовет у отца
разлитие желчи.

— Я тоже не полезу, — отрезал я. — Как ты вообще можешь
предлагать мне жениться на потаскушке, которая носит чужое дитя?
Разве у тебя мало денег и влияния, что предложение Хелевина
Валендара настолько помрачило твой разум?

По-хорошему надо было бы не разговаривать, а встать и сразу же
вывести родителей за ворота. Я их, в конце концов, не звал — и они
сами отреклись от меня. Неожиданно я понял, что Хельга держит меня
за руку, и от ее прикосновения сделалось спокойно и легко.

Мы были вместе. Мы были на одной стороне. Иногда это
бесконечно важно.

— Ты не понимаешь, — устало произнес отец. — Девушка с
внебрачным ребенком это тот позор, который способен подточить их
влияние. Люди будут просто сплетничать, как те, что сейчас нас
подслушивают. Но эльфы — эльфы никогда такого не простят. Кто из
эльфов станет вести дела с Хелевином Валендаром, если тот не может
установить порядок в собственной семье?

«Венцом все покрывается», есть у людей такая чудесная пословица. Все будут знать правду, но с точки зрения закона и морали все будет чисто, не подкопаться. Эльфийка вышла замуж за эльфа, как и полагается — то, что она носит ребенка от неизвестного отца, а он безумный артефактор с точки зрения эльфийской морали уже не имеет значения. Никакого.

Я вдруг подумал, что страшно устал. Вчера вечером меня хотели взорвать — родители, разумеется, знали об этом, но даже не спросили, как я. Утро ушло на работу с королевским артефактом. Сейчас мне только семейных скандалов не доставало.

— Они же хотят пить чай, — улыбнулся я. — И им нужны пятьдесят сортов перца на кухню, или сколько их там. Отец, ну это недостойно меня.

— А жениться на этой каракатице, значит, достойно! Брат в жены грязь подземную — это, по-твоему, честь? — прорычал отец так, что из ветвей вспорхнула птичка. Хельга не изменилась в лице, она смотрела с поистине королевским достоинством, только кончик носа дрогнул, и я подумал, что моя помощница сейчас не выдержит и разрыдается.

Мы с ней сказали хором:

— Не смейте обзывать меня, вы!

— Не смей кричать на мою невесту в моем доме!

Из-за соседской жимолости появилось лицо господина Браунберга — он вынул трубку изо рта и произнес:

— Анарен, дружище, если вам нужна помощь, то я сейчас приду со слугами. Эй, Барт, Гвидо! Сюда, бездельники!

Мои родители не ожидали, что гномка, эльф и люди выступят единым фронтом. Мать снова разрыдалась, на этот раз уже не просто громко, а на грани истерики — когда-то я готов был на все, чтобы эти слезы остановились и только потом понял, что все это лишь игра. Слезы моментально высохали, как только я делал то, чего от меня добивались, а дело было сделано так, как хотелось родителям.

Нет. Довольно.

— Я не буду ждать две недели, — сказал я, поднимаясь со скамьи. — Незачем. Свадьба завтра. Передайте Хелевину Валендару: пусть ищет другого идиота для своей дочери.

Отец сжал и разжал кулаки. Мать захлебывалась в рыданиях, но ее взгляд был по-прежнему острым — она проверяла, как я реагирую на слезы. Ответ был немного предсказуем: никак. Хельга свирепо сопела, словно хотела кинуться в бой. Среди яблонь моего сада мелькнул господин Браунберг со старшим сыном и слугами — спешил на подмогу.

— О, Господь милосердный! — это уже госпожа Браунберг ахнула из-за жимолости. — Анарен, милый мой, мы же не успеем подготовиться!

— Успеем, — отрезал я и, сжав руку Хельги, развернулся и зашагал к дому. Моя невеста торопилась за мной — теперь, когда никто не видел ее лица, она наконец-то заплакала.

* * *

Хельга

Я умылась и, глядя в маленькое зеркало над раковиной, подумала: а чего еще тут можно ожидать? Я гномка, и эльф сказал именно то, что думал о гномах, не утруждая себя вежливостью. Ничего нового, ничего удивительного.

Вернувшись в комнату, я увидела Анарена — он сидел в кресле у окна и с искренним любопытством вслушивался в перебранку в саду.

— Уберите от меня руки, вы! Ничтожества! Людишки! — это была его матушка, которая смотрела на меня так, словно я была не просто грязной лужей на ее пути, а помехой.

— Господа хорошие, вы бы шли к выходу, — а это уже господин Браунберг. — Хозяин дома сказал, что видеть вас не хочет. Повидались — вот и ладненько, пора своими делами заниматься!

— Пшел вон, человечиска! — я невольно поежилась, настолько грозным был тон эльфа. Послышался звон — кому-то дали оплеуху, и знакомый, но очень решительный голос произнес:

— А вот за это и в полицию можно! Сейчас самому промеж ушей прилетит! Добавки не попросишь!

Кажется, выхватил кто-то из слуг. Я посмотрела в окно — из-за деревьев ничего не было видно.

— Не обижайся, пожалуйста, — вздохнул Анарен, глядя на меня с искренним сочувствием и теплом. — Не бери к сердцу все, что он сказал. Мне, бывало, еще сильнее доставалось. Это, конечно, слабое утешение, но все же.

— Да уж, он может вышить гладью, по нему заметно, — сказала я. Из сада донеслась возня: кажется, эльфов волокли к выходу. Так им и надо! — Спасибо, что заступился за меня.

Анарен вопросительно поднял светлую бровь.

— А как иначе? Ты моя невеста, ты моя будущая жена, никто не смеет повышать на тебя голос.

Невеста и жена. Это прозвучало так, что мне захотелось разреветься.

— Это ведь не по-настоящему, — откликнулась я, надеясь, что голос, предатель этаким, не дрожит. — Мы просто устраиваем спектакль.

Анарен поднялся. Подошел ко мне, взял за руку. Невольно вспомнилось, как мать говорила: нормальная гномка должна быть такой, что хоть поставь ее, хоть на бок положи, все одинаково полтора дрогга размер.

— Каким бы ни был наш спектакль, — твердо произнес он, — я никому не позволю тебя обижать. Ни моим родителям, ни Царю Небесному. Ясно?

Я кивнула. Что уж тут неясного, все ясно: я в него влюблюсь по уши, и это кончится бедой.

На мое счастье из-под кровати выкатился домовой — дожевывал крысу, из его пасти выглядывал хвост. Домовой проглотил ее, чихнул, утерся и заявил:

— Там ваша соседка бежит. Вся взволнована, просто сил нет, как. Госпожа Браунберг. Слава богу.

Мы спустились в гостиную — соседка как раз вошла в дом и, приложив руку к высокой груди, с искренней трагичностью проговорила:

— Анарен, дорогой мой, словами не передать, как я взволнована! Поверить не могу, что у вас такая семейная драма! Это ведь родители, как они могут так к вам относиться, я не понимаю. Когда Марк или Джек, или Эдди решат жениться, я и слова поперек не скажу, и уж точно не буду подсовывать им выгодную тяжелую невесту!

Анарен улыбнулся. Кажется, его забавляло все это: и очередная ссора с родителями, и трескотня доброй соседки.

— Но сразу видно, что вот она, истинная любовь! — продолжала госпожа Браунберг. — Как у вас сверкнули глаза, когда вы дали отпор и заступились за милую Хельгу! Уж поверьте, я в этом разбираюсь. Но, дорогой мой, если свадьба завтра, то как все успеть? Платья, ваш костюм, букет с нарциссами, приглашения гостям, украшения гостиной! Еда! Я уже отправила этого бездельника Гвидо на рынок за мясом и зеленью, Барт побежал в кондитерскую заказывать торт, вина у нас свои, очень хорошие... Ох, я не знаю, как все успеть, мой милый, но это был поистине рыцарский поступок. Любовь не терпит отлагательств, да!

Она говорила быстро и энергично, но это почему-то не раздражало. Когда я смотрела на госпожу Браунберг, то мне хотелось улыбаться.

— Как говорится, за деньги и черт спляшет, а денег достаточно, — ответил Анарен и протянул госпоже Браунберг свой кошелек. Она сразу же его взяла, не тратя время на нарочитые отказы, взвесила на ладони и кивнула со знанием дела.

— А гости? Вы так и не сказали, сколько их будет.

— Вы и мы, — с улыбкой ответил Анарен. — У меня нет тех товарищей, которых я хотел бы позвать на свадьбу, родня Хельги этот брак тоже не поймет.

Госпожа Браунберг нахмурилась. Видно, ей хотелось надеть новое платье и покрасоваться перед гостями, а перед кем покрасуешься, когда за столом будут все свои?

— Надо обязательно пригласить господина Краузе из банка, — сказала она. — Если я не ошибаюсь, вы держите у него вклад и лечили его жену от жабьей лихорадки. Он будет признателен и повысит процент, это я знаю точно.

Анарен рассмеялся.

— Вижу, вы все знаете о свадебных выгодах, госпожа Браунберг! — одобрительно произнес он. Соседка кивнула.

— Бургомистр с женой тоже нужны, — продолжала она. — Придет на свадьбу, принесет подарок и распорядится по налоговому ведомству о льготах, он всегда так делает. Да и вообще, быть гостем на свадьбе такого достойного горожанина, такого замечательного

артефактора, такого эльфа — это великая честь, и он за нее заплатит добром. И я бы еще позвала доктора Мюллера, директора городской больницы. Дружба с таким человеком никогда не помешает. А вы, моя дорогая? Неужели нет ни одного гнома, которого можно пригласить?

Я только руками развела.

— Гномы считают, что свадьба это самое главное для девушки, — ответила я. — Но свадьба с эльфом это что-то невозможное. Нет, госпожа Браунберг, никто не придет.

Соседка вздохнула и погладила меня по плечу.

— Ну ничего, моя хорошая, это ничего. Пусть вот так, впопыхах, но это будет замечательная свадьба, можешь мне поверить.

И мы бросились в свадебный водоворот с головой. Анарен отправился покупать новый костюм, а я пошла в дом Браунбергов — посмотреть, что куплено к столу, обсудить меню и решить, как украсить гостиную.

Браунберги, конечно, жили намного проще, чем Анарен, но по меркам гномов Подгорья их дом тоже был дворцом. Двухэтажный, старинный, с огромными окнами, балкончиками и колоннами, он выглядел солидно и серьезно, словно хотел сказать: даже не думайте, что тут живут простаки или голытьба. Мы поднялись по ступенькам, прошли в гостиную — госпожа Браунберг придержала меня за руку и негромко сказала:

— И все-таки напишите своим родным, дорогая Хельга. Уверена, они удивят вас... с хорошей стороны.

Глава 9

Анарэн

В ту ночь я проворочался без сна. Сам не знаю, что меня настолько взволновало — то ли очередная ссора с родителями, то ли завтрашняя свадьба. Я крутился на кровати, в матрасе обнаружились неизвестные доселе шишки, а часы в гостиной стучали так громко, что я слышал их в спальне.

В три часа ночи я устал от попыток заснуть, поднялся и, накинув халат, отправился варить кофе.

В столовой горел свет — значит, не только мне не спится в ночь глухую. Хельга сидела над своей тетрадью, рядом с ней стояла чашка с кофе, и я увидел, что девушку знобит: плечи подрагивали под наброшенной шалью. Неудивительно — свадьба всегда вызывает трепет, даже если это ненастоящая свадьба.

Впрочем, почему ненастоящая? Мы станем законными супругами со всеми полагающимися правами — например, правом на наследство. Только сейчас я понял, что если со мной что-то случится, то именно Хельге отойдет и этот дом, и все мои сбережения.

Вот и замечательно. Говорят, что кроткие наследуют землю — пусть будет так.

Услышав мои шаги, Хельга подняла голову, и я увидел, как в ее глазах тают призраки — огромный дворец, красно-черные знамена, девушка, которая поднимается по ступеням к уродливому трону, сложенному из шлемов — наверно, когда-то они принадлежали врагам короля. Принцесса вернулась домой и забрала то, что принадлежало ей по праву. На мгновение я позавидовал Хельге. Мне знакома была радость творчества — но создавать живые миры я не умел.

А она умела. Она сидела за кухонным столом среди ночи, и под ее пером оживала целая вселенная — и ее наполняли живые люди, а не картонные декорации к спектаклю в провинциальном театре.

— Не спится? — спросил я. Хельга кивнула и потерла глаз кулачком.

— Решила поработать, — ответила она и призналась: — Просто удивительно! Сажу за столом, пишу книгу и мне не надо

прислушиваться, не идет ли кто. Не надо прятать тетрадь. Никто не отнимет, никто не выругает и не засмеется.

— Тут не над чем смеяться, — кофейник был пуст, и я взялся за турку: сварю кофе нам двоим. — Ты создаешь людей, которые переживут и тебя, и меня. Про них будут читать, плакать, смеяться... В них будут верить.

Хельга смущенно улыбнулась.

— Мне никто такого не говорил, — откликнулась она, и я видел, насколько понимание творчества важно для нее. — Никогда, ни разу.

— Ну вот. Я говорю. А мне можно верить.

Девушка рассмеялась. «Моя жена, — подумал я с некоторым растерянным удивлением. Поправился: — Моя будущая жена. Удивительно».

Я разлил кофе по чашкам, сел за стол, и Хельга спросила:

— Как ты думаешь, получится у меня что-то с «Геллертом и Маркони»?

— Не сомневаюсь, что получится. У тебя замечательные книги.

Хельга нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

Наверно, она решила, что я втихаря рылся в ее вещах, и подумала, что все кругом слеплены из одного теста. Неважно, что появилось в конце, эльф, человек или гном — повадки у всех одинаковые.

— Я видел отблески твоего вдохновения, когда ты пишешь, — признался я. — Они бывают только у талантливых писателей, и ты одна из них, в этом нет сомнений. Ты создаешь живых людей, а не тени на бумаге.

На щеках Хельги снова проступил румянец. Гномы любят своих детей, хвалят их за каждую пустяшную поделку, но над Хельгой смеялись потому, что она занялась не тем, что положено делать барышне. И теперь моя похвала взволновала всю ее душу.

Она улыбнулась — я улыбнулся в ответ.

— Мне никогда такого не говорили, — едва слышно повторила Хельга.

— «Геллерт и Маркони» тебя издадут, вот увидишь, — решительно заявил я. — И издадут не потому, что их подкупили, а потому, что ты пишешь прекрасные книги. Все, точка.

Некоторое время мы молчали. За окнами разливалась ночь — осенняя, глухая, давящая. Такую ночь подсвечивают огнями ламп, наполняют запахом яблочных пирогов и негромкими разговорами от сердца к сердцу — и тогда тьма отступает.

— Госпожа Браунберг просто чудо какое-то сотворила, — сказала Хельга. — Приготовиться к свадьбе за полдня! Никогда бы в такое не поверила.

— О, в этих делах она умелец и знаток! — ответил я. — Уже советовала тебе написать родителям?

Хельга кивнула. Опустила глаза к тетради, что-то машинально поправила в написанном.

— Да. Я и написала. Отправила письмо вечером, — сообщила она. — Госпожа Браунберг сказала, что они приедут.

Хельга сделала паузу и добавила:

— Для того, чтобы просто посмотреть, как это я умудрилась за несколько дней выйти замуж за эльфа.

Мы оба рассмеялись. Я вдруг вспомнил наш поцелуй в первый вечер, когда пытался выловить бервенунского змея, и в голове вдруг мелькнуло: однажды мы будем рассказывать об этом нашим детям. Должно быть, мой взгляд изменился, потому что Хельга нахмурилась и спросила:

— Что-то не так?

— Все отлично, — заверил ее я. — Просто представил, как гномы приедут в Холинбург.

— Скандала не будет, — пообещала Хельга. — Если на нашей свадьбе появится сам бургомистр, то отец будет держать язык за зубами, а кулаки в карманах.

Вот и хорошо. Хотя я не был бы так уверен насчет кулаков в карманах: гномы считают, что свадьба без хорошей драки это как еда без соли.

— Если что, я принесу умиряющий артефакт. Все будут сидеть тихо, мирно и смотреть только в свои тарелки.

Хельга удивленно вскинула брови.

— И такие есть?

— Разумеется. Я, правда, почти не работал с ними, но принцип понимаю.

В глазах моей невесты проплыли веселые рыжие огоньки.

— Принеси на всякий случай, — попросила она. — Вдруг и твои родственники решат нас поздравить?

* * *

Хельга

Я все-таки умудрилась поспать пару часов и проснулась от того, что домовый нетерпеливо застучал хвостом по кровати.

— Вставай! — воскликнул он, когда я разлепила глаза. — Вставай, нечего тут бока наминать! Там уже свадебный мастер пришел, а в соседнем доме фонарики вешают.

Золотые бумажные фонарики с парой светлячков внутри были общей традицией и у людей, и у гномов, и у эльфов. Повесишь такой там, где свадьба, и всю жизнь молодые будут счастливы. Перед первой брачной ночью светлячков надо было выпустить, чтобы они улетели к Божьему престолу и принесли новобрачным ребенка.

— Я не лежебока, — сказала я, и домовый зафырчал. — Уже встаю.

— Вот и вставай! Там внизу уже все духами да пудрой провоняло! Я от них чихаю хлеще, чем от табачка!

— Встаю, встаю, — я со вздохом выбралась из-под одеяла и пошла умываться и приводить себя в порядок.

Вчера... вернее, уже сегодня, когда мы с Анареном сидели за столом на кухне, я чувствовала, что мы с ним не просто заговорщики, которые собираются обвести вокруг пальца его родню. И не просто друзья, которые болтают обо всем на свете. Мы будто бы сделали кем-то намного больше и важнее — я понимала, что все это лишь мое волнение, которое заставляет принимать желаемое за действительное, но...

Но сердце говорило мне, что все не так просто. И от этого становилось одновременно сладко и жутко.

Господин Тутти нарядил меня в платье, которое успел идеально подогнать по моей неидеальной фигуре. С ним пришел помощник, такой же деловитый и серьезный: усадив меня возле зеркала, он взялся за мои волосы. Заплетя косы каким-то особо модным манером — я никогда не смогла бы повторить этого плетения — он уложил их

вокруг головы, сбрызнул какими-то ароматными жидкостями и распорядился:

— Теперь можно надевать диадему.

Хризолиты мягко сверкнули зеленым, напомнив о весенних рощах и веселых ручьях. Кажется, я никогда в жизни так не волновалась, хотя с чего бы? Я, по большому счету, актриса, которую наряжают к спектаклю — и мне надо сыграть очень хорошо, так, чтобы никто не заподозрил подвоха.

Для всех это настоящая свадьба — и я не должна все испортить.

Интересно, родители уже получили мое письмо? Должно быть, получили, и новость взорвала все Подгорье. Друзья, приятели, соседи, родственники и свойственники судят и рьят о том, как это Хельга Густавсдоттир, которой и пьяница Олав был бы за счастье в качестве мужа, умудрилась выйти замуж за эльфа. Наверняка, без магии не обошлось — или этот эльф просто больной на голову, потому что только тот, кто не дружит с рассудком, мог бы на нее позариться.

Приедут ли мать с отцом? Или порвут письмо и плюнут?

Помощник господина Тутти дунул пудрой с кисточки мне в лицо и спросил:

— Ну-ка, что за хмурый вид? Невеста должна думать только о счастье!

Я кивнула. Хорошо, что он не знает, что все это лишь игра, но, глядя на себя в зеркало, я не могла не волноваться. Тот трепет, который охватывает любую невесту в день свадьбы, поднялся откуда-то из глубин так, что у меня даже живот заныл. Свадебный мастер и помощник отступили, давая мне выйти, и, подхватив край свадебного платья, я направилась к дверям.

Выхожу замуж. Пусть понарошку, но выхожу. И пусть теперь хоть кто-то попробует назвать меня неправильной гномкой!

Анарэн уже ждал меня внизу. Я замерла на лестнице, наткнувшись на его взгляд, словно на препятствие — нет-нет, невозможно так смотреть на девушку, когда заключаешь с ней договорной союз! Невозможно! А Анарэн смотрел на меня так, словно я была красивой. Словно меня можно было полюбить. Словно мы...

Нет. Хватит, Хельга. Это ничем хорошим не кончится. Невероятным усилием взяв себя в руки, я зашагала дальше —

спустилась к своему жениху-понарошку, Анарен взял меня за руку и негромко сообщил:

— Ты сегодня удивительно прекрасна. Это не лесть и не комплимент, это правда.

Кажется, у меня щеки сделались ярче волос. Зачем он так говорит, без этого ведь можно обойтись. И зачем так смотреть, словно гномка может понравиться эльфу по-настоящему. Я смогла лишь кивнуть: Анарен вывел меня из дома, и в нас сразу же полетели лепестки роз и рисинки — дети госпожи Браунберг и их маленькие приятели с удовольствием приняли участие в старинном обряде. Когда жених и невеста выходят из дома, брось в них рис — будет много денег, брось в них розовые лепестки — и любовь никогда не угаснет.

— Слава молодым!

— Ура!

— Слава, слава!

— Деток вам побольше! Счастья!

Неужели все это со мной? Неужели это мне, Тощей Хельге, кричат свадебные пожелания?

Напишу об этом в книге — все решат, что я вру.

Я не запомнила, как мы прошли к экипажу. Лица зевак размазывались пестрыми пятнами, нам улыбались, махали руками, благословляли. Где-то заиграла музыка, и я вдруг поняла, что уже стою перед алтарем. Браунберги устроились на скамейках, рядом с ними сидели важные господа и не менее важные дамы с упоительно сладким выражением на лицах. Священник открыл Писание, Анарен сжал мою руку, и в этот миг в храм вошли гномы.

Отец, мать, брат и сестры бесшумно заняли места на скамьях. Эльза и Марика даже рты раскрыли от восторга. Мать и сестры были одета в лучшие платья, шелковые, с кружевом, а золота, которое сверкало в их волосах и шеях, хватило, чтобы купить дом. С нас с Анареном не сводили любопытных глаз, и я почти прочла матушкины мысли: «Парень-то какой видный да богатый! И что он в ней нашел, на что сбросился?»

— Конечно, мы тут! — важно заявил отец, отвечая на незаданный вопрос. Он надел темно-синий камзол с золотой вышивкой, такие же штаны и белоснежную рубашку и выглядел так, словно был важным

банкиром, который приехал на самую крупную сделку в жизни. — Такое надо своими глазами увидеть, чтоб поверить.

Еще бы они не приехали. Надо же рассказывать в Подгорье о том, каким было мое платье, как украсили церковь, какой букет преподнес мне жених. Я опустила глаза к букету и лишь теперь поняла, что с белыми розами соседствовали самые настоящие нарциссы! Белые, бархатные, словно припудренные, с длинными золотыми колокольцами!

— Цветы! — восторженным шепотом спросила я, понимая, что и гномы их тоже заметили, и теперь польщены. — Где ты взял нарциссы осенью?

Анарэн улыбнулся. Покосился в сторону моей родни и ответил:

— Выгнал из луковиц этой ночью. Тебе нравится?

Нет, теперь все Подгорье будет говорить, что я вышла замуж за безумца! Только безумный эльф способен раздобыть для гномки нарциссы.

— Нравится, — выдохнула я и поняла: нет, это не просто свадьба понарошку. Это намного важнее и глубже — и для меня, и для Анарена. Если бы я была всего лишь помощницей, то он не озадачился бы выгонкой нарциссов. Обошлась бы я и розами.

— Возлюбленные чада мои! — священник был человеком и выглядел очень довольным. Я давно замечала, что люди ко всему относятся проще, чем гномы и эльфы. Если ты кого-то любишь — вот и здорово, люби и не обращай внимания на глупые предрассудки. — Мы собрались здесь, чтобы соединить священными узами этого мужчину и эту женщину. Если в храме есть тот, кто считает, что этого брака не должно быть, то пусть скажет об этом или молчит всегда.

— Дурищу нашу замуж берут, — едва слышно всхлипнула моя мать. — Какой уж тут «не должно быть брака»!

Госпожа Браунберг обернулась к гномам и негромко, но отчетливо сказала:

— Милочка моя, я попросила бы вас соблюдать порядок в храме! Ведите себя достойно!

И выпрямилась с видом человека, который сделал очень важное и нужное дело.

— Итак, — священник кашлянул в кулак, улыбнулся. Ему, как видно, никогда не приходилось венчать гномку и эльфа. — Анарэн

Эленандар, обращаюсь к тебе. Ты согласен взять в жены эту Хельгу Густавсдоттир перед тобой, любить и беречь ее до конца дней?

— Согласен, — с решительным и суровым видом отчеканил Анарен. Мои сестры зашмыгали носами, Мартин сидел с таким видом, словно проглотил кол. Краем глаза я косилась в сторону родных и поверить не могла, что все это происходит со мной.

— Хельга Густавсдоттир, обращаюсь к тебе. Ты согласна взять в мужа этого Анарена Эленандара перед тобой, любить и беречь его до конца дней?

«Мы женимся понарошку, и я получу за это три тысячи крон», — подумала я и сказала:

— Согласна.

— Тогда, дети мои, с мыслями о любви Господней, которая соединяет сердца и души, объявляю вас мужем и женой, — довольно произнес священник. — Любите друг друга и будьте счастливы!

Анарен поцеловал меня — не притворным актерским поцелуем, какие я видела в маленьком театре нашего Подгорья, когда актрису разворачивают от зрителя и просто склоняются лицом к ее лицу, а настоящим, настолько обжигающим и искренним, что у меня волосы шевельнулись на голове.

Господи, помоги мне, я ведь влюблюсь в него. По уши, как школьница.

Мои сестры ахнули. Мать заплакала — ее всхлипывания я узнала бы из тысячи других.

— Вот, смотри, как все обернулось, — негромко сказала она. — Вчера, кажется, ее иконой по лбу вразумляли, а теперь вот, замуж вышла. Хоть за эльфа, а вышла!

Выйти замуж — это венец всего для правильной гномки, пусть это даже брак с эльфом. Эльф всяко лучше пьяницы Олава — особенно если этот эльф с деньгами. Храм наполнился аплодисментами и торжествующими возгласами, а я готова была расплакаться от счастья, густо замешанном на страхе. Анарен подхватил меня на руки и, как того требовал обычай, понес к выходу; обняв его за шею, я едва слышно спросила:

— Мы все делаем правильно, да?

— Да, — так же тихо откликнулся Анарен и улыбнулся. — Спасибо тебе.

Ах, да. Это же просто спектакль для того, чтобы семья не тащила его на веревке в выгодный для них брак с какой-то эльфийской потаскушкой. Меня заполняло смущением и неловкостью. Вот я и вышла замуж. За эльфа. Мысли сделались какими-то куцыми, обрывочными. От нарциссов в моем букете поднимался тонкий изысканный аромат, и я поняла, что сейчас расплачусь.

Нет-нет, надо успокоиться, надо взять себя в руки. Я актриса, которая получит неплохие денежки за представление, вот и все — да только чем больше я об этом думала, тем меньше это помогало.

Анарен замечательный. Он добрый, сильный, смелый... но вряд ли он сможет разделить чувства с гномкой. Мне нужно сдерживаться. Молчать. Не показывать вида.

Мы вышли из храма, и я удивленно увидела, что перед оградой собрался чуть ли не весь Холинбург. Конечно, этого и следовало ожидать: когда эльф женится на гномке, все захотят увидеть такое чудо своими глазами. Анарен опустил меня на землю, взял за руку и напомнил:

— Теперь тебе надо будет бросить букет в толпу.

Незамужние барышни уже готовились его ловить, выйдя вперед и оттеснив остальных горожан и горожанок. Люди улыбались, аплодировали, выкрикивали поздравления, и я заметила несколько недовольных лиц. Ах, да, это же те эльфийки из ювелирного магазина. На Анарена они смотрели с нескрываемым удивлением, а на меня — с неприкрытой неприязнью, однако, судя по всему, собирались поймать мой букет.

Вот уж нет. Дудки вам.

— Ловите! — звонко воскликнула я, размахнулась и запустила букет в сторону девушки, которая была учительницей в местной школе, если судить по ее простенькому строгому платью и прямой, словно струнка, спине. Сразу же случилась небольшая свалка — девушки рванулись к букету, и я заметила, что Анарен едва уловимо шевельнул пальцами.

— Поймала! — воскликнула учительница, прижала букет к груди и рассмеялась. Зеваки зааплодировали, и мы наконец-то прошли к нашему экипажу. Когда я опустилась на скамейку, то поняла, что

страшно вымоталась, несмотря на то, что вся церемония прошла очень быстро. Браунберги на правах посаженных родителей Анарена разместились напротив, и госпожа Браунберг вздохнула, прижав руку к груди.

— Дорогие мои, это просто замечательная свадьба! Пусть немногочисленная, только для близких, но зато сколько искренности! Сколько тепла и любви! Поздравляю, милые Эленандары, обязательно будьте счастливы!

Я не сразу поняла, что теперь я Хельга Эленандар, а не Густавсдоттир.

— И я очень рада, что приехали ваши родители, — госпожа Браунберг дотронулась до моей руки. — Все-таки свадьба это семейное событие, очень важное событие, вся родня должна быть рядом с... — она хотела сказать «с женихом и невестой», но вспомнила о том, как родителей Анарена выставляли из его дома, и закончила иначе: — Для ваших родных, Хельга, будут лучшие места за столом, и я велела оплатить для них лучший номер в гостинице. Все будет хорошо!

Я улыбнулась и поблагодарила добрую женщину — если бы не она, мы бы ничего не успели организовать так, чтобы все прошло гладко, как сегодня.

Экипажи въехали в ворота Браунбергов, и я услышала новые крики — дети стояли на ступеньках, размахивая флажками и цветами. Старший мальчик держал в руках поднос с караваем: традиция требовала, чтобы новоиспеченные супруги всем отломали по кусочку на счастье. Мы вышли из экипажа — пока собирались остальные гости, я стояла рядом с Анареном, надеясь, что нет тех традиций, которые обяжут нас сегодня лечь в постель.

Каждый будет ночевать в своей комнате — и это правильно. Поцелуй Анарена еще горел у меня на губах, я пыталась не думать о нем и не могла не думать.

Мои родители и сестры высыпали из экипажа — увидев дом Браунбергов, роскошный дворец по гномьим меркам, они даже смутились. Сестры негромко переговаривались — кажется, скоро они будут упрашивать родителей отпустить их в Холинбург. Раз уж Хельга, тощая, как доска, смогла выйти замуж, то они-то точно найдут здесь

богатых женихов — с их правильными гномьими фигурами это будет совсем нетрудно.

В столовой уже был накрыт свадебный обед, который должен был плавно перетечь в ужин. Госпожа Браунберг продумала все: сначала шли закуски — маленькие пирожки с самыми разными начинками, тосты с рыбой и мясом, салаты в корзиночках из теста должны были немного утолить голод, пока почетные гости поздравляют молодоженов.

Бургомистр смотрел на нас с искренним удивлением, но было видно, что он, человек, польщен приглашением на свадьбу эльфа, особенно такого эльфа, который делает артефакты для самого короля. Нам пожелали долгих лет совместной жизни, побольше детей и крепкого здоровья — добрые слова сопровождали увесистым мешочком, в котором звякнуло золото, и бургомистр негромко добавил:

— Я уже отдал распоряжение по налоговому ведомству, вы освобождены от выплат на полтора года.

Анарэн довольно улыбнулся и поблагодарил. Я так разволновалась, что энергично приналегла на тосты с ветчиной и каперсами.

После закусок шло большое блюдо — на столе появились поросятки с яблоками во ртах, тарелки с золотыми ломтиками картофеля, маринованные овощи, ветчина, сыр — еды было столько, что даже мой отец довольно кивнул: хорошо дочка замуж выходит, свадебный пир делали без экономии. Во время большого блюда молодых поздравляли родители, и я обрадовалась тому, что отец и мать Анарена не пришли: уж они-то точно не сказали бы нам ничего хорошего. Отец важно поднялся за столом, держа в руке бокал с вином, и я вздохнула: хоть бы он не наговорил никаких глупостей!

Анарэн бегло дотронулся до моего запястья, словно хотел сказать, что все в порядке, и эта забота вновь кольнула меня напоминанием: все это лишь игра. Свадьба понарошку. Я не должна воспринимать ее всерьез.

— Ну что ж, дети, поздравляю! — произнес отец. — Мы уж и не думали, что Хельга выйдет замуж за такого достойного джентльмена, а вот поди ж ты, случилось счастье. Живите дружно! Если что случится, Подгорье всегда вас примет. Своих не бросим, а ты, сынок, раз уж женился, теперь тоже для нас свой. Вот, примите наш скромный дар в

вашу новую семейную жизнь, и поскорее внуками нас порадуйте. Где двое, там всегда и третий, и пятый, и седьмой.

Мать расплакалась от избытка чувств, прижав платок к глазам. Отец мигнул Мартину, и гости удивленно ахнули — брат вынес к нам с Анареном серебряный подносик размером с тетрадь, на котором сверкала россыпь драгоценных камней. Рубины, несколько сапфиров, крупный бриллиант — гномы всегда щедро одаривают своих детей на свадьбу, и мои родители не ударили в грязь лицом. Анарен поклонился тестю, и теперь пришла его очередь подмигивать — слуга протянул ему деревянный ларчик, украшенный тонкой резьбой, щелкнула крышка, и я увидела изумительные парные броши из белого золота с лунным камнем.

Мать сразу же перестала плакать. Отец довольно улыбнулся в усы.

— Примите и вы мой скромный дар, — с достоинством промолвил Анарен. — Пусть семейные узы, которые нас теперь соединяют, будут крепче и прекраснее камней и золота!

Сказано было хорошо — отец важно кивнул, гости зааплодировали, и в это время хлопнули двери, и дом наполнился грохотом и топотом. В столовую ввалилась целая толпа в мундирах, солдаты были вооружены, в руках офицеров я заметила сверкающие шары на цепочках — нейтрализаторы магии.

Мне никогда еще не было так жутко. Ноги онемели. Не знаю, как я нашла в себе силы, чтобы подняться и встать рядом с мужем. Тело наполнило противной простудной дрожью, и внутренний голос с ухмылкой осведомился: неужели ты и правда подумала, что все будет хорошо?

— Анарен Эленандар, вы арестованы, — отчеканил один из офицеров. — Час назад его величество едва не умер из-за вашего артефакта.

Глава 10

Хельга

Не было ни величальных песен, ни свадебного танца.

Я провела день, вечер и ночь в городской тюрьме, пытаюсь добиться хоть какой-нибудь информации. Сменялись караульные, проходили офицеры, осенний день сменился тусклым осенним вечером, а я сидела на скамье в приемной, и единственным ответом, который слышала на свои вопросы, был:

— Не велено!

Около десяти вечера надо мной все-таки смиловались — видно, девушка в свадебном платье сумела, наконец, разжалобить. Пришел начальник тюрьмы — тощий, долговязый, чем-то похожий на богомола — и сообщил, глядя поверх моей головы:

— Госпожа Эленандар, ваш муж обвиняется в покушении на государя. Его величество подхватил вандоранскую лихорадку, и артефакт, который должен был исцелить, едва не отправил его к праотцам. Завтра приедет следователь из столицы... впрочем, приговор и так ясен.

Нет. Невозможно. Этого просто не может быть. Меня охватило настолько густое и глубокое отчаяние, что только упрямство не дало лишиться чувств и рухнуть на истертый мрамор пола в приемной.

— Его подставили, — твердо сказала я. — Спросите Максима Вернье, он подтвердит. Нужно искать настоящего преступника, он развернул целую операцию, чтобы обвинили моего мужа!

Начальник тюрьмы едва уловимо усмехнулся. В бледно-голубых водянистых глазах мелькнуло что-то невыразимо злобное.

— А по-моему это ваш муж развернул, как вы выражаетесь, целую операцию, чтобы заполучить королевский артефакт и подsunуть вместо него испорченный, — парировал он и добавил уже мягче: — Послушайте доброго совета, госпожа Эленандар: отправляйтесь домой. Утром вызовите адвоката и расторгните этот брак. Живите дальше нормальной жизнью.

Ну конечно. Я понимала, что мне предложат именно это, но в ушах зашумело от нарастающей ярости.

Разводитесь. Предавайте. Не ломайте себе жизнь. Все равно это был лишь спектакль.

Вздыхнув, я сняла с головы диадему, протянула начальнику тюрьмы и сказала:

— Я хочу увидеть мужа.

Он усмехнулся, дрянь такая. Хризолиты тоскливо сверкнули — атмосфера тюрьмы, угрюмая и давящая, гасила их весеннее сияние.

— Ну смотрите. Я вам добра желаю, между прочим.

Конечно. Так я и поверила. Добра желает, а драгоценность мигом сгреб да прибрал в бездонный карманище.

Меня провели на второй этаж — в одном из окон коридора я увидела своих родителей, сестер и брата, которые топтались в тюремном дворе. Войти внутрь со мной им не разрешили. Рядом стояли Браунберги — госпожа Браунберг что-то говорила моей матери, глядя ее по плечу. Наверно, успокаивала, уверяя, что все будет хорошо, и Анарена сейчас отпустят.

Вряд ли. Ой вряд ли. Денег его родителей не хватит, чтобы обвиняемого в покушении на короля освободили.

Анарен — и убийца? Да кто вообще сможет в такое поверить? Он никому никогда не делал зла, он создавал исцеляющие артефакты, он не такой!

Завизжал замок в двери камеры, и я на мгновение почувствовала, что проваливаюсь в одну из своих книг — вот так же и принцесса Эрна входила в темницу, где ее возлюбленный ждал казни. Но теперь все было по-настоящему: и липкий ком в горле, и спертый воздух, и надежда, отчаянная и хрупкая.

Анарен сидел на койке — увидев меня, он поднялся навстречу, я обняла его и прошептала:

— Как ты?

Надежда сменилась ужасом и тоской — мы больше не увидимся, потому что Анарена казнят. Это наша последняя встреча — когда я подумала об этом, то тоску сменило упрямство. Нет, я не допущу, чтобы с Анареном случилась беда. Я узнаю, кто именно стоит за покушением на короля, и его отпустят. Его обязательно освободят, и все снова будет по-прежнему.

Я понятия не имела, как буду это все узнавать, и кто вообще подпустит жену государственного преступника к расследованию. Но

бездействовать для меня было смерти подобно.

— Все хорошо, Хельга, — откликнулся Анарен. — Все хорошо. Как ты сюда пробилась?

— Отдала свою диадему, — я вдруг поняла, что плачу — слезы сами заструились по щекам, тихо, без всхлипов. — Анарен, что теперь делать?

— Я не изменял артефакт, и Максим это знает, — уверенно произнес Анарен. Пока еще он обнимал меня, пока еще у нас была надежда, пока еще мы оба были рядом — пусть все это рухнет через несколько минут, но я еще чувствовала его тепло. — Он сможет доказать мою невиновность.

Будет ли Максим делать это теперь? И не стоит ли он за всей этой историей?

— Все будет хорошо, — сказала я со всей твердостью, на которую была способна. Оставалось самой в это поверить окончательно.

— Береги себя, — попросил Анарен и, отстранившись, посмотрел мне в глаза и произнес: — Хельга, наш брак это лишь спектакль. Будет лучше, если ты его расторгнешь. Тебе надо думать о себе, а не обо мне, Хельга...

Я хлопнула его по голове, чтобы выбить дурь — для этого мне пришлось подпрыгнуть, ну да ничего. Анарен растерянно потер лоб, а я объяснила:

— Больше не смей говорить мне таких глупостей, понял? Ты два раза спас мне жизнь. Ты лучший из всех, кого я знаю, и я тебя не брошу!

Я сказала бы еще много чего — но открылась дверь, и охранник подхватил меня под локоть. Начальник тюрьмы язвительно ухмылялся в коридоре. Анарен еще держал мою руку, но прикосновение разрывалось — это было страшное ощущение невозврата. Сейчас хлопнет дверь, и мы расстанемся навсегда.

В следующий раз я увижу Анарена тогда, когда его поведут на казнь.

Больно было так, что я с трудом могла дышать.

— Анарен... — выдохнула я и вскрикнула: — Анарен!

Меня вытащили в коридор, и я услышала далекий отзвук своего имени — Анарен окликнул меня так, словно я была кем-то намного больше, чем фиктивная жена. Охранник толкнул меня в сторону

лестницы — понятно, с женой государственного преступника никто не будет церемониться, и начальник тюрьмы снисходительно произнес:

— Идите, госпожа Эленандар. Я и так сделал для вас слишком много.

Я очнулась только в тюремном дворе — мать и госпожа Браунберг обнимали меня, говорили что-то успокаивающее, а я рыдала так, словно мои слезы могли все исправить.

Не могли.

И я ничего больше не могла.

Ничего не осталось, кроме отчаяния и тоски.

* * *

Анарэн

Мои родители приехали под утро — от такой чести начальник тюрьмы кланялся настолько низко, что едва не подметал пол редкой шевелюрой. Мать, которая держалась прямо, как мраморная статуя, не стала, разумеется, входить в камеру — она осталась в коридоре, и я услышал, как она негромко сказала по-эльфийски:

— Вот до чего его довела дружба с гномами!

Обычно эльфы использовали всеобщий язык — когда они переходили на эльфийский, то это означало либо обсуждение тайны, либо желание напомнить окружающим, с кем именно эти окружающие имеют дело.

Отец кивнул, прошел ко мне — я подвинулся на койке, но он, разумеется, не стал садиться. Скорчил брезгливую гримасу, но в его взгляде все же было некое сочувствие.

Наверно, жених, которого доставили в тюрьму со свадебного пира, чтобы обвинить в преступлении, которого он не совершал, все-таки достоин жалости и понимания.

— Дитя Арлен умерло, — произнес он по-эльфийски. — Она переборщила с какими-то лекарствами, пытаясь вытравить плод.

— Сочувствую, — откликнулся я, хотя тут, наверно, надо было поздравлять. Арлен оправится, придет в себя и продолжит свои любовные приключения. Хотелось надеяться, что эта история подарит

ей хоть немного здравомыслия. — Теперь, получается, наша свадьба не нужна.

— Тебе повезло, — пробормотал отец. — Что там за история с этим артефактом короля?

Он уже все знал — и теперь хотел услышать мою версию. Я рассказал все, не скрывая, начиная с бервенунского змея в мармеладе и заканчивая взрывом, который отправил меня в больницу с контузией. Отец слушал, кивал — иногда я бросал взгляд в коридор и видел, что мать стоит там вроде бы равнодушно, но в то же время ловя каждое слово из камеры. Начальник тюрьмы с поклоном предложил ей кофе или вино — она лишь шевельнула бровью, и он убрался.

Хельге ничего такого не предлагали. Она была всего лишь гномкой, которую чудом занесло в брак с эльфом — так считали все, кто нас видел. Но Господи, помоги мне, кажется, я влюблялся в эту девушку — самоотверженную, смелую, искреннюю.

Ни одна эльфийка не сказала бы «Я тебя не брошу» в наших обстоятельствах. Едва за мной захлопнулись бы двери камеры, любая эльфийка уже подписала бы бумаги о разводе и заказала бы службу в храме в радость избавления от такой проблемы.

Но Хельга оказалась совсем другой. Я не знал, заслуживаю ли вообще такую девушку рядом.

— Ты понимаешь, что за покушение на короля полагается четвертование? — спросил отец, когда я закончил свой рассказ. Я кивнул: Уголовный кодекс королевства не был для меня секретом. — Неважно, эльф ты, гном или человек, сначала тебе отрубуют руки по частям, потом ноги и уже потом голову. А чтобы ты не умер от болевого шока и потери крови, тебе дают особые препараты.

Я вновь кивнул. Да, так и бывает.

— Я говорю все это для того, чтобы ты понял, от какой участи мы с матерью тебя избавили, — продолжал отец. — Как только мы узнали о том, что ты в тюрьме, то сразу же бросились к королю. Эти норы в пространстве просто мерзость, меня до сих пор тошнит, но другого выхода не было.

Я понимающе кивнул. Должно быть, мне следовало пасть на колени и благодарить отца за спасение моей никчемной жизни, но я этого не делал и не собирался делать.

Они спасали свою честь и деньги. С сыном-артефактором еще можно было смириться, но сын государственный преступник окончательно лишил бы их общественного уважения — значит, нужно было открывать кошелек и выручать его.

Это нормально. Это по-эльфийски.

— Как там его величество? — поинтересовался я.

— Приходит в себя. Полиция и спецслужбы роют носом землю в поисках преступника. Твой Максим Вернье носится, как ошалелый. Ты стоил нам с матерью огромных денег, Анарен. Триста тысяч крон — мы отдали их за то, что тебя не четвертуют, а отправят в ссылку.

Я с трудом сдержал удивленное присвистывание. По меркам эльфов это была солидная сумма, по меркам людей — сказочное богатство. Значит, ссылка. Интересно, куда? Впрочем, неинтересно. Я буду там один — потому что надо быть сволочью, чтобы брать с собой Хельгу.

Она такого не заслужила. Пусть остается в моем доме и распоряжается моими деньгами. Возможно, нам разрешат редкую переписку, и мы будем обмениваться посланиями — или не будем, потому что между нами только брак понарошку, не более.

— Надо же, — проговорил я. — Что ж, не буду скрывать: я вам благодарен. Спасибо, отец.

Мать в коридоре вздохнула, поднесла платок к сухим глазам. Честь семьи была спасена, бракованный сын отправится на очередной край географии, и мои родители заживут спокойно.

— Куда меня отправляют?

— В Хаттавертте. Даже не тюрьма, поселение под надзором местной полиции.

Хаттавертте. Судя по названию, это Северный удел — сосны, морошка, лоси и медведи, деревянные статуи языческих божков в бескрайних лесах. Ну ничего, и на севере есть солнце. К тому же моя ссылка не навсегда: Максим найдет настоящего преступника, и я вернусь.

Конечно, глупо надеяться, что Хельга меня дождется, пусть она и смотрела на меня так, словно была готова на все, чтобы не расставаться.

— Мы все это сделали не ради чести семьи, — отец говорил так, словно ему было больно и тяжело переступить через себя, но он не мог

промолчать. — Мы отдали часть состояния потому, что ты наш сын. И мы тебя любим, пусть ты и уверен, что это не так.

Я хотел было поблагодарить его снова — но слова растаяли. Не знаю, верил ли я отцу до конца, но он, кажется, говорил вполне искренне.

— Твоя жена поедет с тобой, — усмехнулся он, и я понял, что дело тут не в любви, а исключительно в душевном комфорте и чести старших Эленандаров. — Должен же кто-то штопать тебе носки в тех краях?

* * *

Хельга

Вот и живы. Вот и слава Богу.

А Север? Так и что Север, люди везде живут. А подальше от бурного мира — это иногда тоже очень хорошо. Ничего, пойдет дело потихоньку. Тот, кто покушался на короля, обязательно попробует повторить покушение — и его, голубчика, сцапают, и мы вернемся.

— В этом Хаттавертте гномы не селятся, у нас таких дураков нету, — сообщил отец. Когда нас с Анареном погрузили в вагон под конвоем, чтобы отправить в ссылку, он сунул сопровождающему офицеру пару монет, и мой брат принялся проворно загружать тюки с вещами, которые, по мнению отца и матери, могли пригодиться нам на севере. Тюков была добрая дюжина, и набиты они были так, что едва не трескались. — Но там через десять миль к западу есть городок Ламтамара, там гномья община. Я им написал — если что, встретят, приветят, помогут. Обращайся, не чинясь.

Мать и сестры плакали. Семья Браунбергов, которая пришла проводить нас, тоже шмыгала носами. Мы все обнялись, и я едва не разревелась в голос от тоски, которая сжала сердце. Я покидала дом уже во второй раз за месяц, и чувство неустроенности и сиротства сделалось настолько глухим и беспощадным, что земля уходила из-под ног.

Но как бы я могла оставить Анарена? Как бы он отправился в северную глушь, а я зажила бы себе дальше в его доме? Нет, это

совершенно невозможно, хотя он с его эльфийским воспитанием, кажется, ждал от меня именно этого.

Не дождался. Я не из тех, кто бросает близких в трудную минуту — особенно таких близких, которые, не задумываясь, спасали мою жизнь.

И вот мы сели на жесткие скамейки в купе, охранники заняли места в коридоре, и поезд мягко качнулся и поплыл на север. Родители и сестры, господин и госпожа Браунберг, мой брат махали нам вслед, и почему-то я подумала, что больше их не увижу. От этого стало так горько, что я все-таки заплакала, уткнувшись лицом в платок.

Подсев ко мне, Анарен обнял меня за плечи и негромко произнес:
— Хельга, ты можешь остаться. Ты правда можешь. Я скажу сопровождающим, ты выйдешь на следующей станции.

Он не хотел для меня испытаний. Ясно, что жизнь в ссылке это не сахар и не мед. Нас собирались поселить в доме под полицейским надзором, но вряд ли это был такой дом, в котором Анарен жил в Холинбурге. А впереди зима, морозы и ветра — это в Подгорье тепло в любое время года, потому что там работают гигантские печи, поднимая тепло из земных глубин, а север проморозит нам косточки...

Ну и что? Это разве повод бросать близкого в беде?

— Еще раз так скажешь, и я тебе нос разобью, — пообещала я. — Анарен, перестань говорить глупости. Почему я должна объяснять тебе то, что любому ребенку понятно?

Он негромко рассмеялся, и этот смех был таким странным, что один из наших охранников даже заглянул в купе, чтобы проверить, не случилось ли чего.

— Ты даже не представляешь, милая моя супруга, что именно для меня делаешь, — с улыбкой произнес Анарен, когда любопытный нос охранника убрался прочь. — Ни одна эльфийка никогда не поехала бы с мужем в ссылку.

— Ну я, слава Богу, не эльфийка, — откликнулась я и принялась открывать один из мешков, который передали родители. От него сытно пахло колбасой и жареной курицей — развязав веревку и растянув горловину, я удивленно увидела нашего домового, который свернулся на промасленных бумажных свертках.

— Ты посмотри! — воскликнула я. — Кто это с нами едет?

Домовой потянулся, зевнул и ответил:

— А как это вы собрались на новое место без домового? Конечно, без приглашения, без сахарницы это все ж не по правилам. Ну да я не привередливый. Колбаса тоже сойдет, я харчами не перебираю.

Традиция требовала при переезде предложить домовому сахарницу с кусочком сахара и с поклоном пригласить его следовать вместе с хозяевами, но мы, разумеется, даже и не вспомнили о нем. Вчера мы поженились, а сегодня вечером нас уже отправляли на Север — какие уж тут домовые! Тут себя бы не забыть впопыхах.

— Теперь-то мы точно заживем всем на зависть, — произнес Анарен, вынимая домового из мешка. Я достала ветчину в фольге, которую приготовили с зеленым луком, несколько колец колбасы, куриную тушку — в купе снова заглянул охранник и воскликнул:

— Ого, да тут пир горой! Пригласите?

Я не ругаюсь грязными словами, я с детства умею ими смотреть — и посмотрела на охранника так, что он счел за лучшее употребить собственные запасы и не соваться к чужому столу. Он человек служивый, ему паек полагается, а нам еще неизвестно, как на Севере жить. А все прожрать много ума не надо. Такие, как этот охранник, все наши тюки за час могут опустошить — чего б за чужой счет не трескать?

А нечего тут. Самим надо.

Еду сопровождала небольшая бутылка согревающего гномьего вина на травах. Колеса умиротворяюще стучали по рельсам, суетный день погружался в вечерний сумрак, из всех щелей веяло простудным ветром, но мы ели ветчину и курицу, сопровождая еду стаканчиком вина, и я вдруг поняла, что никогда еще не была так счастлива.

— Все будет хорошо, правда? — спросила я, когда от ветчины ничего не осталось. Домовой проворно завернул остатки курицы и колбасы в бумагу, спрятал в мешок и, свернувшись на сиденье рядом с Анареном, довольно засопел.

— Обязательно, — кивнул он и с невероятной искренностью, которая опалила мое сердце, признался: — Хельга, я счастлив, что ты со мной. Ты не представляешь, насколько это для меня важно.

За окнами сгустилась тьма. Иногда в ней проносились огоньки каких-то крошечных станций, иногда в стороне пролетали городки — поезд уносил нас на Север, и я уже не отрицала, что влюблена. Зачем отказываться от очевидного, надо просто его признать.

Принцесса Эрна, в конце концов, всегда так поступала. И вряд ли автор будет хуже своего создания.

* * *

Анарэн

Осенью Север прекрасен. Раньше я знал о его красоте только по книгам, а теперь убедился лично.

Наша дорога до места поселения заняла два с половиной дня — когда мы вышли на крохотной станции Хаттавертте, последней на этом отрезке пути, то я на мгновение захлебнулся чистейшим хрустальным воздухом. Он был словно вино на лесных цветах, сосновой смоле и воде бесчисленных ручьев. Поселок лежал у горы, поросшей сосновым лесом, с краю к нему лепилась рыжая березовая рощица, чуть в стороне лежала холодно-синяя гладь озера. Первое впечатление удалось — пожалуй, здесь нам будет неплохо.

Я не обольщался. Вряд ли нас отсюда вытащат в ближайшие несколько лет. Если бы были шансы на быстрое освобождение, то меня устроили где-нибудь в городской тюрьме Холинбурга — а так, получается, кому-то было надо сплавить меня подальше и забить поглубже.

Тот, кто покушался на короля, обязательно повторит попытку. А я уже не сделаю такого артефакта, который сможет его спасти.

Хельга, которая вышла за мной из вагона, кутаясь в теплый плащ, богато подбитый мехом, ойкнула. Залюбовавшись красотами местной природы, я только сейчас увидел, как именно нас встречают.

На перрон вывалило все население Хаттавертте. Впереди стоял невысокий господин в старомодном костюме — наверно, поселковый староста, только у него может быть настолько серьезный и важный вид. Рядом с ним возвышался каланча-помощник, огненно-рыжий, молодой, с веселой щербатой улыбкой. В руках у него было расшитое полотенце, на котором красовался каравай с солонкой. Третьим был полицмейстер — он смотрел на нас так, словно над ним взошло солнышко.

— Это какая-то ошибка? — уточнил я у одного из сопровождающих. Офицер отрицательно мотнул головой.

— Никак нет. Это вас так встречают.

Я удивился еще сильнее. Хельга взяла дело в свои руки, подтолкнула меня к здешнему начальству, и поселковый староста с улыбкой произнес:

— Здравствуйте, дорогие гости! Радость-то какая!

В подтверждение его слов откуда-то сбоку грянул народный оркестр. Хельга снова толкнула меня под локоть и пробормотала:

— Да не стой ты столбом, хлеба отломи! Они с уважением, и ты уважь.

Я послушно сделал то, что было велено. Следующая четверть часа ушла на пожимание рук, восторженные объятия и похлопывания по плечам. Поселкового старосту звали Енко, его помощника — Исмо, полицмейстер отрекомендовался господином Таави.

— Как же хорошо, что вы к нам приехали! — говорил Енко, когда народная толпа мягко, но уверенно повлекла нас от станции к главной улице. — Смиловался Господь, услышал наши молитвы!

— Я всегда рад помочь хорошим людям, — сказал я, и Хельга уверенно закивала. На нее, гномку, смотрели чуть ли не с разинутыми ртами, и кто-то из барышень даже дотронулся до рукава ее плаща. — Вот только не совсем понимаю, что именно должен сделать.

— Работы непочатый край, дорогой мой господин Эленандар! — воскликнул Енко. — Зима-то вот она, уже считай в дом заходит, не стесняется. А к зиме надо что?

— Готовиться! — уверенно подала голос Хельга, и поселковый староста кивнул.

— Вот именно, госпожа Эленандар, ваша правда! Это вам не юг, где солнышко не заходит, это север! Тут все дороги замедает, отрезает от мира. Сидим, как сычи, глазакаем друг на друга.

Я понимающе кивнул. Меня сослали в такой медвежий угол, из которого я точно не вернусь. В спину нам язвительно засвистел поезд — разворачивался, чтобы уезжать в цивилизацию.

Конечно, это намного лучше четвертования, кто ж спорит.

— Полагаю, вам нужна стабильная работа медицинской службы, — произнес я, и Енко закивал.

— Вы с вашими артефактами для нас просто клад! Вот просто Боженька смилоствивился! Лечение это да, это одно. А еще бы нам для утепления что-нибудь. И для сбережения запасов. И для...

Он говорил, загибая пальцы и перечисляя все, что я должен буду сделать для поселка — и я уже не удивлялся тому, что меня встречали с оркестром. Людям в глуши нужна была помощь — лекарства, еда, тепло — и они надеялись только на меня. На кого еще опереться, когда в снежных метелях едет Король севера в санях, запряженных мертвыми волками, а у одного из жителей поселка случится воспаление слепой кишки?

Только на артефактора и его лабораторию.

— Сделаю. Моя специальность медицинские артефакты, но и с остальными я справлюсь, — кивнул я, и народ заголосил и захолопал в ладоши. Поселок был, насколько я понял, не из самых бедных — большинство домов в нем было двухэтажными, улицы вымощенными вполне приличным булыжником, а яблони в садах клонились к земле под грузом плодов, но я понимал: когда задуют ледяные ветры, это место сделается совсем другим. Нас подвели к одному из домов: по сравнению с тем, в котором я жил в Холинбурге, это, конечно, была развалина — но все равно намного лучше того, на что я рассчитывал. Двухэтажный, деревянный, с чисто вымытыми окнами и скамейкой у ворот, он понравился мне какой-то приземистой основательностью.

— У вас будут медицинские артефакты на все случаи, даже неотложные, — пообещал я. Мой неожиданный успех надо было закреплять. — Еще я повешу ангаварские шары на каждый дом, они избавят от сквозняков и утепят комнаты. Шелехшерская мука отгонит мышей от запасов. Но мне нужно золото. Хорошие артефакты создаются только на нем.

Когда мы остановились на одной из бесчисленных станций, то один из сопровождающих что-то внес в вагон — это оказался набор артефакторских инструментов и основных смесей. На бумаге, в которую он был упакован, были гордо отпечатаны эльфийские летучие руны — посылку передала моя семья, так что теперь у меня было все необходимое для работы. Народ умолк. Енко нахмурился, что-то прикидывая, а потом твердо заявил:

— Обеспечим. Будет вам и золото, и серебро, и все, что потребуется.

Глава 11

Хельга

Встретили нас, конечно, как королей.

Снятые с ветвей яблоки стояли в корзинах у крыльца. Дом был чисто вымыт и полностью обставлен — заезжай да живи. Мебель, конечно, была с бору по сосенке: диван в гостиной, например, оказался новым, а шкафы, крепкие и темные, пришли из прошлого века, но гномы никогда не перебирают ни харчами, ни обстановкой. Морозильный ларь был забит мясом, рыбой и птицей, в шкафах на кухне нашлась и мука, и сахар, и кофе. Домовой помел хвостом по лестнице, которая вела на второй этаж, к хозяйским комнатам, не нашел ни единой пылинки и одобрил:

— Вот молодцы какие! Прибрано да солидно!

— Заживем, — согласилась я, раскладывая припасы и вещи, которые передали в дорогу мои родители. Анарен занялся обустройством лаборатории в гостевой комнате — туда перетащили большой стол из гостиной, которая одновременно служила и столовой. Помогал паренек по имени Исмо, то ли племянник, то ли еще какой родственник поселкового старосты — его отрядили в слуги и ассистенты Анарену, но я решила, что он заодно будет присматривать за нами. Судя по тому, каким взглядом Анарен обменялся со мной, он пришел к такому же заключению.

Без этого никуда. Уважение уважением, а мы здесь все-таки под надзором.

Я сварила кофе, который оказался очень даже неплохим, села за стол на кухне и решила, что пока все складывается, как надо. Неудивительно, что Анарену здесь чуть ли не в ноги упали. Он уважаемый артефактор королевства, а зима в этих краях начинается тогда, когда в Холинбурге еще тепло, и все ходят в легких плащах. Недаром мои родители дали нам в дорогу столько теплых вещей — здесь уже было прохладно. А вместе с зимой приходят болезни и нужда — и артефакты Анарена помогут избавиться от них и провести снежное время в тепле, уюте и сытости. Они прогонят легочную чуму,

отправят мышей и крыс, куда подальше, и станут топить дома намного лучше дров и угля.

Так что нам, я бы сказала, очень повезло. Лучше быть первым в деревне, чем последним в столице. И лучше быть живым, чем четвертованным за то, чего ты не совершал.

Нас, конечно, не посвящали ни в какие детали дела. Кто хотел убить короля, как произошло покушение, что уже обнаружило следствие — когда Анарен задавал вопросы сопровождающим офицерам, они отвечали коротко и просто: не могу знать. Но я подозревала, что все-то они знают, просто им не приказано говорить нам правду.

Ладно, это не беда. Мы живы, мы вместе и со всем справимся. И Анарен сможет докопаться до правды — я в этом не сомневалась.

В дверь постучали — оставив свой кофе и открыв, я увидела Енко, который принес какую-то коробку. Компанию ему составляла молоденькая девушка с длинными золотистыми косами, одетая в светлое платье с вышивкой по подолу и потертую курточку — как я успела заметить, так одевались все здешние барышни. Войдя в дом, Енко сразу же негромко поинтересовался:

— Вы уж меня простите за любопытство, госпожа Эленандар, но вы ведь гномка?

— Гномка, — кивнула я.

— И за эльфом замужем?

— Замужем.

— Чего в Господнем мире не увидишь. А скажите еще: золотишко-то как, куда пойдет?

Я поняла, что в коробке было золото — похоже, его собирали со всего поселка. В ответ на мой любопытный взгляд Енко поднял коробку, и я увидела дюжину монет и обручальные кольца — люди отдавали все, что имели.

— Туда и пойдет, откуда взялось, — ответила я. — Отдали колечко — извольте получить обогревающий артефакт.

— А, ну это правильно, — важно одобрил поселковый староста. — Вы это, вы вот что. Если что понадобится, говорите сразу. Это там, в столицах, про вашего мужа бес пойми что думают. А тут у нас знаете, как говорят? До Господа высоко, до короля далеко. Да и кто его знает, этого короля, может, его прибить — это доброе дело сделать.

А мы к вам со всем уважением. Да оно и видно, что ваш муж не злой и не подлый.

С этим нельзя было не согласиться. Как и с тем, что улыбчивый и гостеприимный Енко мог быть провокатором. Я не собиралась обольщаться его добротой, да и Анарен не отличался лопухой наивностью.

Когда от тебя что-то нужно, то все будет гладко стелить. Как бы потом не пришлось жестко спать.

— Мы уже заметили вашу доброту, — улыбнулась я. — И искренне благодарны вам и за дом, и за ваше тепло. Не желаете ли кофе? Муж сейчас занят в лаборатории.

Енко вспомнил о том, что пришел не один, и подтолкнул девушку ко мне — та поклонилась, улыбнулась, и поселковый староста объяснил:

— Это Кейси, моя младшая. Будет вам тут стряпать, полы мести да стирать.

Понятно, еще один надзорный, и отказов не примут. Я кивнула.

— Спасибо вам огромное, помощница нам пригодится.

В это время со второго этажа донесся хлопок и энергичная брань на эльфийском. Енко кивнул на свою коробку и сказал:

— Отнесу золотишко, что ему в руках кинуть.

Когда он поднялся на второй этаж, то Кейси посмотрела по сторонам так, словно нас могли подслушать, и негромко спросила:

— Барыня, а вы не боитесь?

Я выразительно завела глаза к потолку.

— Не называй меня так. Какая же я тебе барыня? Можно просто Хельга. Так чего тут бояться?

Кейси снова посмотрела по сторонам и сказала:

— В этом доме привидение живет. А сейчас как раз Хемиговы вечера начинаются, самое раздолье для всякой нечисти, — она замаялась, словно Енко мог ее подслушать и отругать, и добавила: — Вы уж тут поосторожнее.

* * *

Анарен

Когда Хельга рассказала о Хемиговых вечерах, то я вспомнил занятия по народной мистике в академии. Был когда-то святой Хемиг, который прославился подвижничеством, но на Севере он считался тем, кто привел нечистую силу к вере в Господа.

— Странно, — пожала плечами Хельга. Мы сидели на кухне — пили чай с пирогом. Кейси вымыла посуду после ужина и отправилась на второй этаж — готовить спальню. Исмо ушел домой. Парень был проворным и ловким, с искренним желанием понравиться, но я не совершал той ошибки джентльмена, которая заставила бы меня считать своего помощника глупее, чем он есть. Наивный и простодушный облик отнюдь не означал, что Исмо на самом деле наивен и простодушен.

— Ничего странного, — ответил я. — Нечистая сила это ведь не только бесы. Это русалки, лешие, полуденные девы, водяницы...

— Полуденные девы? Это кто такие?

Домовой, который тем временем доел картофель с грибами и куриной грудкой, что ему выделили на ужин, прекратил вылизываться в углу и сообщил:

— Это мерзость, вот что это. Приходит в полдень к тем, кто работает в поле, разбивает череп и высасывает мозг.

Хельга скривилась, и я в очередной раз подумал, что рад тому, что она здесь, со мной. Кто бы мог предположить, что девушка, которую я знаю несколько дней, разделит со мной тяготы ссылки! Это было не по-эльфийски. Но это согревало меня по-настоящему.

— Так вот, святой Хемиг привел всех их к истинной вере, — продолжал я. — Дал им надежду на то, что однажды их тяготы закончатся, и Господь простит их и примет в своем саду. И в Хемиговы вечера нечисть собирается в лесах и полях, поминает своего святого... вон, кстати, взгляни!

Хельга обернулась к окну. Сад давным-давно утонул в вечерней тьме, подсвеченной фонарем у дороги — но фонарь был не единственным светом. Среди деревьев кружил серебристый огонек — вот он порхнул среди ветвей, вырвался на улицу и исчез.

— Это еще что? — удивленно спросила Хельга.

— Не что, а кто, — домовой потянулся, муркнул и раскидался на полу, как кот, который приглашает своих двуногих рабов к чесанию

пуза. — Это садовый дух полетел. Немного ему осталось, перед снегом упадет под землю, заснет до весны.

Хельга испуганно посмотрела на меня. В городах слишком много людей и артефактов, и нечисти там уже почти не осталось — конфликты магических полей изгоняют ее. Но в таких вот поселках в глуши садовые духи и чердачники, подвальные черви и привидения по-прежнему чувствуют себя вольно. Я их не боялся — скорее, это им следовало держаться от меня подальше — но Хельга выглядела встревоженной.

— Скажи, что ты знаешь, как с ними справляться, — негромко сказала она, всеми силами пытаюсь скрыть волнение. Я прекрасно ее понимал: будешь тут волноваться, когда окажется, что у тебя по соседству живут чудовища.

— Не бойся, они не причинят нам вреда, — заверил я. — Нечисть не любит артефакторов и старается держаться от них подальше.

Кажется, Хельга не поверила мне до конца — но морщинка на ее переносице все-таки разгладилась.

Спать нам предстояло в одной комнате, в одной постели. Когда мы ехали в поезде, все было просто: я отворачивался, когда Хельга переодевалась ко сну, а потом она ныряла под одеяло и укрывалась с головой. Когда мы поднялись в нашу комнату, то я увидел, что кровать уже расстелена — на наше счастье она была такой большой, что можно было бы разместиться вшестером, а не вдвоем.

Я закрыл дверь. Хельга замерла у кровати, быстрыми движениями пальцев расплетая косу и заплетая ее снова. Сейчас она нервничала намного сильнее, чем когда я рассказывал о нечистой силе, и ее можно было понять. Наш брак был фиктивным, в Холинбурге мы бы жили в разных комнатах, но здесь...

— Тут просторно, — негромко произнес я. — Разместимся.

Хельга кивнула и с кривой усмешкой сообщила:

— Хорошо, что я неправильная гномка. Будь я шириной, как мои сестры, не разместились бы.

Я улыбнулся — такая она сейчас была хорошая. Свет маленькой лампы на прикроватном столике мягко озарял спальню, и волосы Хельги в нем казались темными, с огненными проблесками.

— Тогда вперед, — сказал я. Кейси уже разложила наши вещи в шкаф — я взял свою пижаму, мысленно поблагодарив родителей

Хельги и госпожу Браунберг за сборы, и вышел в ванную, которая примыкала к спальне.

Да, по здешним меркам нас разместили как королей. Переодевшись, я некоторое время вслушивался в шелест одежды за дверь — скрипнула кровать, Хельга легла и негромко сказала:

— Можно выходить.

Я беззвучно рассмеялся. Вот вам и фиктивный брак, вот куда он нас привел. Если бы не желание моих родителей женить меня на Арлен, то я никогда не сделал бы Хельге предложения, от которого нельзя отказаться — и сейчас был бы здесь один.

Никогда не знаешь, куда тебя ведет твоя дорога. Но главное, что она есть.

Хельга лежала на кровати, завернувшись в одеяло до самого носа, как делала это в поезде. Одеял и подушек было много — ночи тут холодные, надо согреться. Ну ничего, завтра я начну работать с отопительными артефактами, и в середине зимы жители Хаттавертте будут спать под тоненькими простынями вместо этих теплых гор. Я опустил на кровать, голова утонула в старательно взбитой пуховой подушке, и я вдруг подумал, что Хельга еще никогда не ложилась в постель с мужчиной — поэтому сейчас так дичится и дрожит. Я провел ладонью по воздуху, активируя изолирующее заклинание на тот случай, если нас подслушивали, и произнес:

— Не стоит так дрожать.

Хельга тотчас же насупилась и стала совершенно очаровательной.

— Я и не дрожу. Чего бы это мне дрожать?

Помоги мне Господь, я ведь в нее влюблюсь. Тут нельзя не влюбиться. Я никогда не думал, что в ком-то увижу такое убийственное сочетание смелости, энергии, искренности и неподдельного целомудрия.

— Спи, — произнес я. — Привидение сегодня не придет. И поскрипун тоже.

Хельга даже села, забыв про свое одеяло. Я невольно отметил, что на ее ночной рубашке столько кружева, что хватило бы всем здешним девушкам на платья. Все по гномьей моде.

— Не смей меня пугать! — воскликнула она и призналась: — Я и так себе места не нахожу от всего этого!

Да, по гномьим меркам Хельга была тростинкой — видимо, у меня изменился взгляд, когда я смотрел на очертания ее фигуры под ночной рубашкой, потому что моя фиктивная жена снова залилась румянцем, фыркнула и снова нырнула под одеяло, укутавшись им с головой.

Нет, ее нельзя не полюбить. Кажется, я пропал.

* * *

Хельга

Долгая дорога на север, новый дом и то, что теперь мы с Анареном спали в одной постели, взволновали меня настолько, что я была уверена, что не смогу заснуть. Меня наполняло бодростью, словно я выпила несколько чашек крепкого кофе.

Да и как тут спать, когда рядом с тобой лежит такой мужчина, о котором только что в книгах писать — протяни руку и дотронешься до него. Конечно, я бы не стала этого делать, ни за что, лучше эту самую руку откусить по плечо. Но мы с Анареном лежали рядом, я чувствовала, как от него веет сухим теплом и едва заметным травяным запахом, и моя душа сейчас была словно струны, туго натянутые на колки.

Анарен, кстати, заснул почти сразу — положил руку под голову совершенно детским жестом и засопел. А мне хотелось и плакать и смеяться.

У меня ведь нет и быть не может никаких шансов — просто потому, что я гномка, а он эльф. Да, мы можем быть друзьями, мы можем сблизиться, но полюбить такую, как я? Маленькую, некрасивую и тощую? Разве Анарен сможет когда-нибудь полюбить меня всем сердцем? Об этом и мечтать незачем...

Над нами сгустилась ночь. Где-то на улице залаяла собака, умолкла, и я услышала тоскливую песню без слов, что летела откуда-то издалека, из-за гор и лесов, от седого северного моря. Наверно, это пели привидения и русалки, которые собрались праздновать Хемиговы вечера: тянули и тянули бесконечное най-на-най, най-на-най ... Под этот тихий жалобный стон я и уснула.

Сон пришел без сновидений — он был тихим, теплым и очень уютным. Я качалась на его волнах, и он мягко влек меня куда-то сквозь тьму. Наверно, на юге такое море — оно ласково охватывает тебя волнами, и все печали, сомнения, горести утекают безвозвратно. Не было ни страха, ни печали, только тишина и уют.

Потом что-то звякнуло над ухом, я открыла глаза и поняла, что Анарен обнимает меня.

Кажется, в эту минуту во мне что-то оборвалось. Анарен. Обнимает. Меня. Я чувствовала тепло и силу его рук, его дыхание щекотало мне шею за ухом, он крепко спал, и я застыла, как заколдованная, не зная, что делать. Не шевелиться до утра? Попробовать выбраться из его объятий? Что?

Потом я увидела, что над нашей кроватью нависает серое облако с черно-красными мазками, и завизжала так, что, наверно, проснулся весь поселок. По серой громадине скользнули молнии, и я увидела, как в пыльной глубине проступают очертания человеческого лица с разинутым в вопле ртом, и в мою сторону тянется дымная лента, в которой я сумела разглядеть очертания пальцев. Анарен, мгновенно проснувшись, закрыл меня от нее и выбросил вперед правую руку.

Комнату наполнил запах гари, который тотчас же сменился нежным дуновением ландыша. От страха я могла только всхлипывать и икать — и не сразу поняла, что Анарен снова обнимает меня, глядя по плечам. Казалось, от его пальцев бежали искры, проникая под кожу, казалось, я сейчас вспыхну, взорвусь, взлечу.

— Тихо, тихо, — негромко говорил он. — Тихо, маленькая. Испугалась? Ну все, его уже нет. Он ушел.

В спальню постучали — заглянула встревоженная Кейси. Анарен только рукой махнул — мол, иди, тут нечего делать — и вновь обнял меня. Страх, который скрутил мне внутренности, когда я увидела тучу над собой, постепенно отступал — и я начинала думать, что вела себя, как полная идиотка. Испугалась, закричала — а надо было держать себя в руках! Подумаешь, привидение. Что теперь Анарен обо мне подумает, что я истеричка, которая испугалась жалкого облачка так, что едва не мочит постель?

— Это не жалкое облачко, — откликнулся Анарен. Легонько поцеловал меня в висок, и от этого желание провалиться куда-нибудь стало еще ярче. — Кейси права, это настоящее привидение.

— Ты мои мысли прочитал? — спросила я. Отстраниться было невозможно — но я все-таки преодолела себя, села, провела ладонями по покрасневшимся влажным щекам. Ну вот, еще и выгляжу, как полное чучело.

— Нет, — Анарен улыбнулся, осторожно заправил выпавшую прядь мне за ухо. — Ты просто сказала об этом вслух. Жалкое облачко...

Он сейчас смотрел с таким теплом и сердечностью, словно и в самом деле мог бы однажды полюбить меня. Наверно, надо было поблагодарить его за то, что он прогнал призрака, а потом пойти привести себя в порядок, но я смогла лишь проговорить:

— Ты меня обнимал. Во сне.

Анарен бросил быстрый взгляд куда-то в сторону, кончик его носа дрогнул, и я удивленно поняла, что мой фиктивный муж смутился от этого еще сильнее, чем я. Господи, как же хорошо, что он не ловкий и умелый соблазнитель, как в театральных пьесах! Тогда я бы точно стала мушкой в паутине... А так он живой, он не притворяется, он...

— Да, обнимал, — признал очевидное Анарен. — Мне снилось, что я иду через зимний лес, но вдруг повеяло теплом. И я к нему потянулся.

Мне захотелось зажмуриться. Только бы он не вздумал извиняться за это, как и полагается джентльмену.

— Куда делось привидение? — спросила я, решив перевести разговор на другое. Вот бы еще у меня сердце не так стучало...

— Я его отогнал, — ответил Анарен, и в приоткрытую дверь спальни снова заглянула Кейси.

— Барин, я тут чаю мятного заварила. Ох, Господи, что ж за страхи-то такие! Да еще и в такое время! Как оно полетело-то по лестнице! Я услышала крик, выбежала — а оно навстречу. Ну, Господи, думаю, пришел последний час! Как же хорошо, что вы приехали!

Чай, подумала я. Отлично. Сейчас только это меня спасет.

Глава 12

Анарэн

После чая с ромашкой мы все-таки смогли снова заснуть. Я старательно держался на краю кровати, пытаюсь не думать о том, что обнял Хельгу сразу же, как только мы оказались под одним одеялом. Пусть это было во сне, но все же.

Чтобы отвлечься, я какое-то время думал о привидении. Они не приходят просто так — любое привидение это знак того, что умерший оставил на земле нечто очень важное и просит, чтобы оно было раскрыто. Так преступник, мучимый совестью, приходит на место преступления — надо будет узнать об истории дома, возможно, тут и в самом деле кого-то убили.

Неудивительно, что Енко поселил нас в этом доме. Кто еще справится с привидением, кроме артефактора?

Утром Хельга проснулась раньше меня. Сквозь сон я услышал, как она выскользнула из-под одеяла и, взяв из шкафа какие-то вещи, отправилась приводить себя в порядок. В этом медвежьем углу, конечно, нет ничего особенного, но все равно надо будет придумать для нее какой-нибудь подарок.

На улице моросил дождь. Я потратил несколько часов до завтрака на жар-удар — видел такой артефакт в столице, он помогал дороге оставаться сухой в самую дождливую или снежную погоду. Выйдя с золотой пластинкой на улицу, я остановился на мостовой и довольно убедился в том, что у меня все получилось — камни высохали прямо на глазах. Немолодой господин в простеньком костюме, который шел мимо в сторону школы, даже рот приоткрыл от удивления.

— Надо же! — воскликнул он. — Вот чудеса науки! А зимой снег растопит?

Я положил артефакт на землю, и под действием заклинаний он тотчас же подрылся под камни — будет лежать там и работать, а в Хаттавертте всегда будут сухие и чистые дороги.

— Обязательно, — кивнул я и поинтересовался: — А вы, я полагаю, здешний учитель?

Незнакомец с достоинством поклонился.

— Гари Матти Яккинен, к вашим услугам. И единственный учитель, и директор.

Я вспомнил пословицу об учителях, которая была в ходу в провинции: если барин без сапог, значит барин педагог. Сапоги Яккинена и правда видывали лучшие виды.

— Уверен, что вы все знаете об истории Хаттавертте, — сказал я. Учитель утвердительно качнул головой, и я спросил: — Можете рассказать об истории дома, в котором поселили нас с женой?

Яккинен понимающе улыбнулся.

— Уже видели призрак старого Вильмо?

Старый Вильмо. Вот, значит, как зовут привидение, которое тянуло руки к Хельге.

— Видели. Он испугал мою жену.

— Неудивительно! — Яккинен указал в сторону школы, словно предлагал прогуляться немного, и я послушно потянулся за ним. — Вильмо убил его собственный сын. Старик был жутким скрягой, и однажды чуть не отравил внучку. Купил, видите ли, испорченное мясо, зато с большой скидкой. Слава Богу, девочка осталась жива, но Петер так ударил его, что Вильмо упал, ударился и больше не поднялся.

— Они жили все вместе? — уточнил я. — Большой семьей?

— В этих краях так и живут. Очень редко кто-то отделяется после женитьбы. Большим кланом проще выживать, особенно зимой. Да вот посмотрите на дома! Везде делают пристройки и новые крылья. Так удобнее.

— А что случилось с Петером и его дочерью? — спросил я. Мне казалось, что я стою на самом краешке чего-то очень важного. Чего-то такого, что изменит всю мою жизнь.

— Они уехали в Куттаборгте. Дом переведен в государственное управление, поэтому Енко вас там и разместил, — Яккинен обвел рукой округу, словно приглашал меня полюбоваться на домишки и последние листья на ветвях садов. — Сами видите, как у нас тут все обустроено, полиции, и той нет.

— Живете мирно?

Яккинен кивнул. Я увидел стайку малышей, которые спешили к школе по сухой дороге, крутя головами и удивляясь, как это дождь их не мочит. Учитель помахал им, и они весело замахали в ответ.

— В таких местах не выживешь, если не будешь жить мирно с соседями. Подлецу или скряге никто не даст дров или лекарств зимой, — ответил Яккинен и признался: — Я очень рад, что вы здесь, господин Эленандар. С артефактором нам будет намного проще.

Я вспомнил бумажные бирки на золоте, которое вчера принес Енко, и уточнил:

— Вы с супругой отдали два обручальных кольца, верно?

Дети хором поздоровались, пробежали мимо учителя в открытую дверь школы и дружно скорчили рожицы угрюмому крючконосому горбуну, который сгребал листья в школьном саду — тот выкрикнул им вслед что-то неразборчивое, но явно бранное.

— Совершенно верно. Подумали и решили, что теплый дом зимой нам важнее золота на пальцах.

— Сегодня начну работу с обогревающими артефактами, — сообщил я. — Ваш будет первым.

Яккинен вновь с достоинством поклонился.

— Благодарю, господин Эленандар. Кстати, если придумаете, как прогнать из школы крысу, то это будет просто замечательно. Удивительное животное обнаружило в себе тягу к знаниям и грызет книжные переплеты.

Я пообещал разобраться. Горбун сгреб листья в кучу, оперся на грабли и спросил:

— Господин Яккинен, можно уже звонок давать?

Голос у него оказался звонким и приятным, не в пример отталкивающей внешности.

— Через минутку, Ильмо, я вижу близнецов Рейманен в конце улицы, — ответил учитель и обернулся ко мне. — Кстати! Сейчас ведь идут Хедвиговы вечера, а в это время призраки способны открывать правду. Попробуйте поговорить со старым Вильмо, вдруг он вам пригодится?

Я понял, что именно он имеет в виду, но все-таки уточнил:

— Чем же?

Яккинен понимающе улыбнулся.

— Хотя бы тем, что узнает, кто именно покушался на его величество.

Я даже рассмеялся.

— Тогда полиция была бы не нужна! Все можно было бы узнавать у призраков в Хедвиговы вечера.

Яккинен посмотрел на меня так, что я потерял всякую охоту шутить.

— И все-таки поинтересуйтесь, господин Эленандар, — произнес он. — Уверен, что вам нужна эта правда.

* * *

Хельга

После завтрака я внезапно обнаружила, что заняться нечем.

Кейси проворно занялась уборкой и попутно сообщила, что на обед приготовит местный рыбный суп и жаркое. Пришел Исмо, очень важный и серьезный, и с нескрываемым восторгом сообщил:

— Нет, ну это диво какое-то! Кругом дождь идет, а дорога сухая, на ней ни капельки, только радуга светится!

Доев оmlет, Анарен отправился в лабораторию, и помощник потянулся за ним — ассистировать в работе и надзирать. Я представила, как Исмо пишет отчеты — высунув язык от усердия и стараясь ничего не упустить — и мне сделалось смешно.

Мои тетради были упакованы в отдельную сумку — сев за стол в нашей комнате, я долго сидела над недописанной главой, смотрела в облетающий сад и думала о том, что совсем недавно покинула родное Подгорье в поисках лучшей жизни, а теперь стала ссыльной вместе с мужем, и все, что у меня осталось, это Анарен, надежды и книга, которую надо дописать.

Конечно, никто в здравом уме не станет издавать то, что вышло из-под пера жены государственного преступника. Но я всегда придумывала и записывала истории не ради славы, гонораров и читателей, которые рвутся получить автограф. Это, разумеется, приятно, зачем себя обманывать — но мои книги жили во мне, и я могла сделать для них только одно — написать, выпустить в мир.

Два часа прошли за работой — я написала полторы главы о том, как принцесса Эрна наконец-то освободила своего возлюбленного из королевской тюрьмы и поднялась с ним на борт пиратского судна, а потом вдруг подумала, что мне, возможно, придется все переписать. Я

неплохо разбиралась в драках — гномы всегда дерутся, это нормально. Но вот о любви и чувствах я ничего не знала.

Сегодня ночью Анарен обнял меня во сне — так, словно я была ему нужна. Отложив перо, я энергично провела ладонями по лицу: принцесса Эрна всегда добивалась того, что ей было нужно. Если она влюблялась, то не сидела у окошка, а действовала.

Неужели я слабее и хуже той, которую придумала?

Из лаборатории донесся звонкий хлопок, и Анарен недовольно воскликнул:

— Так, если будешь мешать, то лучше сразу уйди и не появляйся!

Исмо забормотал что-то извиняющееся. Я усмехнулась: парня приставили к ссыльному артефактору затем, чтобы он помогал и доносил, а не портил. Придется ему научиться быть полезным. Ох, ладно — что на моем месте сделала бы Эрна?

Ну она, конечно, не испугалась бы привидения. Во втором томе Эрна и ее пиратская команда спустилась в расщелину в скале, где стояли языческие идолы — их голосами говорили демоны, древняя магия навевала видения, а в ядовитом тумане ползли скорпионы и пауки, но Эрна лишь шла вперед, чтобы добыть сокровища. Вот в сокровищах я понимаю, как и всякая гномка. А любовь...

Любовь это тайна. И я хожу вокруг нее и не знаю, как к ней прикоснуться.

Вообще у гномов все просто. Гном сватается, выбирая невесту по красоте и приданому, а гномка радостно принимает его предложение. Если ты будешь думать о нежных чувствах, а не о том, сколько у тебя денег в сундуках и хлеба в закромах, то не выживешь.

Ох, ладно. Вздохнув, я закрыла тетрадь — дождь кончился, не прогуляться ли?

Кейси готовила суп на кухне. Домовой крутился и вертелся возле ее ног, пытаясь высмотреть, что происходит в кастрюле — девушка опасно сторонилась его. Я вышла из дома, подняла капюшон, еще раз поблагодарив родителей за то, что они дали нам теплой одежды в дорогу, и решила пойти в сторону почты. Отправлю письмо в Подгорье — добрались, живы, все хорошо. Жаль, что здесь нет такой тьмы-желе, как в Холинбурге.

Дорога и правда была сухой и чистой — от нее веяло едва уловимым теплом и запахом сосновой смолы. Здание почты было у

станции — рядом с ним красовалось нечто, вырезанное из дерева: то ли статуя, то ли просто причудливая коряга. Чем дольше я смотрела на деревяшку, тем спокойнее становилось на душе, словно из трещинок на меня взглянул кто-то добрый, заботливо провел ладонью по голове и пообещал: все будет хорошо!

— Засмотрелись, барыня?

Только сейчас я поняла, что на крыльце стоит белобрысый молодчик. Голубая рубашка, теплый жилет, теплые штаны — о том, что он здешний почтарь, говорила фуражка с треснувшим козырьком, лихо сдвинутая набок.

— Что это? — спросила я. Ладно, пусть буду барыней: в отличие от Кейси, которая была доброжелательной и милой, этот тип мне не понравился. Очень уж липким у него был взгляд.

— Это, извольте видеть, один из корней земли, — объяснил почтарь. — Их раньше тут много было, сама земля выталкивала. Теперь уж не осталось.

— И что же он делает?

— Это, как бы вам сказать, благословение земли, — почтарь привалился к перилам и продолжал: — Вот посмотришь на такой корень, когда грустно — и грусть отступает. Тут у нас очень уж тоскливо бывает, особенно по осени да по зиме.

Я понимающе кивнула.

— Вы, собственно, чего хотели-то? — спросил почтарь, и я решила, что он все-таки наглец: смотрел так, словно я была в его полной власти.

Я запоздало напомнила себе, что так и есть: я жена ссыльного, а он человек на своем месте, мелкий чиновник при власти. От него зависит связь с миром.

— Отправить письмо в Подгорье, — сухо ответила я. — Переписку нам не запрещали.

Почтарь мотнул головой в сторону двери, приглашая войти.

Почта состояла из единственной крохотной комнатухи и стойки. От каждой дощечки здесь веяло сухой казенной тоской. Почтарь прошел к стойке, взял листок бумаги и карандаш и распорядился:

— Диктуйте!

Я удивленно посмотрела на него. Диктуйте? Что за наглость!

— Я привыкла сама писать свои письма, — ледяным тоном ответила я. Почтарь ухмыльнулся.

— Привыкли-то это ясно, — ответил он, — но у меня распоряжение. Читать все, что вы с супругом изволите отправить. Так чтоб два раза не вставать, давайте я сразу и запишу.

Я сжала зубы так, что челюстям стало больно. Да, нас поселили в хорошем доме, да, Анарену кланяются — но мы тут ссыльные, и нам не позволят об этом забыть такие вот прыщи на ровном месте.

— Хорошо! — улыбнулась я. — Пишите: ash-haarath thin galome! Din daghar anmarzun-thaga!

Почтарь удивленно уставился на меня.

— Чего? — переспросил он.

— Того, — ответила я. — Письма родителям я пишу по-гномьи, они не знают всеобщего языка. И это мое законное право.

Почтарь поджал губы, словно только что понял, что я гномка.

— Давайте бумагу и карандаш, — распорядилась я, и он подчинился.

* * *

Анарен

К обеду я успел приготовить десять согревающих артефактов, и это вымотало настолько, что Исмо был вынужден сопровождать меня к обеду — я всерьез полагал, что могу упасть с лестницы. Хельга уже расположилась за столом — увидев, что мы идем, она бросилась ко мне поддержать, и я сказал себе, что это не просто дружба.

В дружбе нет такой сердечности и такой тревоги, с которыми она смотрела на меня. А раз так, то незачем терять время даром.

— Что с тобой? — испуганно спрашивала Хельга. — Заболел?

— Просто устал, — я даже улыбнуться сумел. — Зато в домах добрых друзей, которые так хорошо нас приняли, теперь будет тепло.

Исмо усадил меня за стол. Если не принимать во внимание то, что он следил за мной и моей работой, то можно было уверенно заявить: парень очень толков, из него мог бы выйти отличный ассистент артефактора. Он сразу же видел, на что я показываю, сразу же

запоминал названия предметов и препаратов и не тратил время на разглядывание того, что происходит за окном.

— Бирки подписаны, Исмо, артефакты можно разносить, — произнес я. — Пообедайте и беритесь за дело.

Парень даже разругался — ему льстило, что я обращаюсь на «вы». Мы расселись за столом, Кейси разлила суп по тарелкам, и я подумал, что это хорошо: мы едим все вместе, те, кто направил сюда наших соглядатаев, убедятся, что все в порядке, и никто ничего не скрывает. А дружеская беседа иногда может привести и к проверке.

— Не понимаю, зачем надо было так убиваться, — Хельга нахмурилась, не скрывая своего раздражения. — Нельзя разве сделать половину утром и половину вечером?

— Можно, — улыбнулся я. — Но на послеобеденное время у меня другие планы. И очень важно то, что уставший артефактор не сможет прогнать привидение — а я хочу с ним посекретничать.

Кейси, Исмо и Хельга уставились на меня с одинаковым забавным выражением.

— С ума сошел? — спросила Хельга и поежилась. — Как вспомню его, так в глазах темнеет!

— Утром я побеседовал с господином Яркиным, здешним учителем, — объяснил я. — Нашего призрака зовут Вильмо, он был убит и явно хочет о чем-то сказать. Имя его убийцы всем известно, значит, дело тут в другом. И я хочу узнать, в чем именно. А еще старый Вильмо был скрягой, копил деньги, и возможно, где-то в стенах дома спрятан его клад. Думаю, золото нам не помешает.

Услышав о золоте, Кейси и Исмо оживились: теперь они были не приставленными к нам соглядатаями, а просто парнем и девушкой, которые обожают страшные истории, приключения и клад.

— Еще господин Яркин говорил, что в Хемиговы вечера привидения способны открывать правду, — продолжал я, понимая, что о золоте можно умолчать — но об этом Кейси и Исмо точно доложат. — Хочу спросить у старика, кто именно покушался на его величество.

За столом воцарилась густая торжественная тишина, и я добавил:

— Я невиновен. Меня подставили и выбросили сюда, чтобы я точно не смог ничего сделать, когда покушение повторят — а его

обязательно повторяют. Так что если старый Вильмо скажет что-то толковое — буду ему признателен.

Некоторое время все молчали, потом Кейси опустила ложку в суп и серьезно сказала:

— Это правда. Моя бабка однажды спрашивала в Хемиговы вечера, кто увел нашу корову со двора. Так ей дух и сказал: думай на рябью. А рябая у нас была только Анна Кеберайссе, ну у нее корову и нашли.

— Корова это ладно, это местное дело, — подал голос Исмо. — А король он вон где, откуда старый Вильмо может про него знать?

— А если он нападет? — спросила Хельга, и я услышал в ее словах далекую дрожь, которую она старательно пыталась скрыть. Моя жена искренне волновалась за меня — словами не передать, как я был ей благодарен за это.

— А мы в него солью бахнем! — оживился Исмо. — Я точно знаю: соль, которую освятили в Иванову ночь, отгоняет привидений. Так что пусть только ползет! Я соли у бати возьму, он даст.

— Не забудь сначала доставить артефакты, — напомнил я. — Уже потом соль.

Больше до конца обеда мы не говорили ни о чем особенном — так, застольная беседа о погоде. После того, как мы поднялись из-за стола, я взял Хельгу за руку и сказал:

— Пойдем в сад, покажу тебе кое-что.

Хельга кивнула. Я видел, что ее не покидает тревога — моя жена по-прежнему была взволнована. Интересно даже, что пугало ее больше: появление привидения или то, что я устал и не смогу его отогнать?

Мы вышли в сад — дождь кончился, здесь было прохладно и сыро, в чистом осеннем воздухе плыли тихие запахи опавших листьев, земли и воды, приправленные ноткой дыма из поселковых труб. Исмо прошел по дорожке, понес упакованные артефакты тем, кто отдал на них свое золото. Убедившись, что нас не подслушивают, Хельга негромко сказала:

— Я написала письмо родителям. По-гномьи. Почтарь сказал, что нашу почту будут читать, найдутся те, кто знает наши руны, но все же.

— И что ты написала? — спросил я. Мы стояли среди деревьев, и я мягко водил ладонями по воздуху, отправляя к яблоням нити личных

заклинаний. Едва уловимо дрогнула земля под ногами.

— Что мы живы и здоровы. Что нам нужно золото для твоих артефактов. И что ты переживаешь о том, все ли хорошо у твоего друга, который так заботился о тебе в больнице.

Я едва не рассмеялся. Вот что значит быть писательницей — ловко же Хельга придумала выйти на связь с Максимом Вернье.

— Умница, — одобрил я. — Смотри!

Сад заволокло жемчужным туманом — когда он развеялся, то осень отступила. Мокрые ветви яблонь дрогнули, выпуская пригоршни белоснежных цветов и зеленые брызги листвы. Потемневшая сырая трава под ногами растаяла и вернулась: изумрудная, свежая, нежная. Сквозь нее пробились нарциссы, гордо раскрыв белые, словно припудренные лепестки — рядом тотчас же поднялись растрепанные попугайные тюльпаны, розовые с мазками зеленого, и выпрямились ирисы — сиреневые, желтые, малиновые.

Хельга восторженно ахнула, шагнула к цветам. Кругом царила и правила осень, но в наш садик пришла поздняя весна, развернулась во всей красоте, нежности и силе. Не веря своим глазам, Хельга дотронулась до одного из лепестков, обернулась ко мне, и я сказал:

— Настоящие. Срежем их и поставим в комнате.

— Анарен... — прошептала Хельга, не в силах оторвать глаз от маленького чуда, которое родилось для нее на темном и дождливом севере. — Анарен, это невероятно. Господи, это же...

Она всхлипнула, провела ладонью по лицу. В ее глазах плыли огненные искры — любовь и надежда.

Чтобы поцеловать ее, мне пришлось нагнуться — а ей подняться на цыпочки.

Глава 13

Хельга

Это было...

Удивительно.

Невероятно.

Из сада мы пришли домой, я поставила букет нарциссов и ирисов в вазу у кровати, и Анарен осторожно прикоснулся к моему запястью — тихо, трепетно, словно боялся спугнуть меня или сломать. От него веяло запахом свежей травы и чего-то неразличимого, но влекущего — настолько уверенно и сильно, что я не могла, да и не хотела сопротивляться.

Я писательница, но, кажется, впервые в жизни не знала, какие слова подобрать. Все, что приходило мне в голову, казалось ненастоящим. Неправильным.

Было лишь тепло, которое соединило нас, словно золотая нить. И потом, когда мы смогли оторваться друг от друга в нашей комнате, оно не развеялось среди смятых простыней, а осталось с нами. Анарен обнимал меня, мягко водил кончиками пальцев по моему обнаженному плечу, и я никогда не была такой счастливой.

Иногда мне казалось, что я тону. Растворяюсь в чужих объятиях, соединяясь с Анареном в единое существо. Гномка, эльф — все это уже не имело значения. Мы с Анареном сделали кем-то намного больше и важнее, чем были по отдельности.

Неужели оно сбылось? То, о чем я когда-то мечтала, загадывала, выплескивала на страницы книг? То, во что я не могла поверить, потому что любовь и нежность не для такой, как я, не для неправильной гномки с ее книгами...

Была ли это любовь? Я не знала. Но это было моим счастьем — огромным, бесконечным, бездонным.

Это было мое море.

— О чем задумалась? — спросил Анарен. Я улыбнулась.

— О том, что мне, наверно, придется переписать свои книги, — призналась я. — Потому что в драках я разбираюсь, а вот в любви, как оказалось, не очень.

— Ну я бы так не сказал, — Анарен дунул в сторону весеннего букета на столе, и нарциссы издали легкий мелодичный перезвон. — Просто любовь это и правда намного сложнее, чем битвы.

Мне о стольком хотелось его спросить — о том, что теперь соединяет нас, о том, как быть дальше, о том, сколько искренности сейчас в нас обоих — но я не знала, как вообще можно об этом говорить, и стоит ли говорить. Я не знала, что будет с нами дальше — не знала, но верила, что моя влюбленность станет любовью, и Анарен не разрушит ее. Никогда.

— Любовь... — задумчиво повторила я. Анарен рассмеялся, дунул в мои растрепанные волосы.

— Да. Почему ты сомневаешься?

Я поежилась. В то весеннее тепло, которое окутывало нас, вкралась осторожная осенняя нотка. Она ничего не спугнула и не испортила, просто напомнила о себе: вот она я, ты соскучилась?

— Мы очень разные. Ты эльф, я гномка. Это все... очень неожиданно, — призналась я. — Просто понимаешь, в тебя нельзя не влюбиться, — мне никогда раньше не приходилось говорить о таком, гномы вообще редко говорят о любви, считая, что противень с пирогами и теплый дом намного важнее. — И мне сейчас и страшно, и весело, и очень хорошо. Потому что я...

Я не договорила. Принцесса Эрна вообще обошлась бы без слов — но я была другой.

— Ты влюбилась, — произнес Анарен с такой глубокой искренностью, что у меня заныло в груди. — И я влюбился. А дальше все будет только сильнее и лучше.

Нет, он не обманывал меня, говоря то, что я хотела бы услышать. По его голосу, по взгляду, по каждому прикосновению, которое все еще вспыхивало огненными лепестками на моей коже, я видела, что Анарен... Но как? Неужели это вообще возможно?

— Сомневаешься? — спросил он, и в его голосе прозвучало веселье. Я пожалала плечами. Если мужчина создает для девушки весну с цветами среди осени, то как можно в нем сомневаться?

— Я просто слишком часто слушала, что я неправильная. Некрасивая, не такая, как надо, — призналась я, вдруг поняв, в чем, собственно, проблема. — Что меня никто никогда не полюбит по-настоящему.

Анарен вытянулся на кровати, закинув руки за голову, и мечтательно улыбнулся.

— Теперь ты сама видишь, что все ошибались, — произнес он. — Хельга, ну правда же! Посмотри на себя в зеркало, как тебя можно называть некрасивой?

Я знала, как. Слушала много лет. И в зеркало смотрела — но Анарен видел кого-то другого. Какую-то идеальную версию меня.

— Ты очаровательная девушка, моя дорогая супруга, — мягко, но с бесконечной уверенностью сказал Анарен. — И твоя душа так же прекрасна, как и лицо.

Я улыбнулась. Как говорили мои родители, душа спрятана глубоко, а рожа-то вот она, на виду у всех. И мне придется потратить много сил, чтобы окончательно вышвырнуть прочь то, что в меня вбивали годами.

Мои родители любили меня. Они хотели мне обычной гномьей судьбы — потому и твердили все эти вещи, чтобы я смирилась, поняла, что для меня лучше, и насадала на пироги, а не на книги... Но я пошла своей дорогой, и она привела меня к эльфу. К эльфу и влюбленности, которая перерастала в любовь.

— Я не умею принимать комплименты, — призналась я. — Гномы их почти не говорят.

— А это не комплимент, — откликнулся Анарен. — Это правда.

И тотчас же добавил:

— Не шевелись. Не оборачивайся.

* * *

Анарен

Привидения всегда появляются там, где много эмоций и искренних чувств — впрочем, я не думал о старом Вильмо, когда обнимал свою жену. Я вообще ни о чем не думал, кроме того, что не надо терять время. Мои чувства были взаимны, я увидел это во взгляде Хельги, когда она с беспримесным детским восторгом смотрела на цветы — от этого стало так легко, что я едва не взлетел.

Сейчас Хельга испуганно смотрела на меня — сидела на кровати спиной к дымной туче, и на ее лице расцветал вопрос: оно там? Оно

смотрит? Я едва заметно кивнул, и Хельга закрыла глаза, словно крошечное робкое животное перед хищником. Пусть оно сожрет меня, но я не увижу, как надо мной распахивается ужасная пасть.

В дыму и кровавых просверках проявились очертания Вильмо, и я подумал, что господин Яккинен был прав: при жизни это был скверный старикашка. Собственно, я был полностью согласен: тот, кто от жадности едва не отравил собственную внучку, заслужил такую участь.

Хельга зажмурилась еще сильнее. Привидение разинуло рот в беззвучном вопле — да, это впечатляло. Не ложится ему в могиле ровно. Над Хельгой растеклись дымные руки, вытянулись, заострясь, скрюченные пальцы, словно призрак хотел схватить ее, и я приказал:

— Окаменей!

Приказ сопровождался сильным направленным заклинанием, которое сковало старого Вильмо. Привидение затряслось, наливаясь огнем, чернотой и собственной злобой, и Хельга едва слышно пролепетала:

— Я знаю, что ты с ним справился. Но можно, я не буду смотреть?

— Можно, — разрешил я, выбираясь из кровати. Надо было одеться — не идти же к тайнам старого Вильмо с голым задом? Хельга торопливо последовала моему примеру, не оборачиваясь. В дымной туче окончательно исчезли все человеческие черты — кажется, Вильмо хотел удрать, но не мог.

— Теперь я понимаю, почему призраков не расспрашивают о правде и неправде, — сказал я, застегивая рубашку. — Потому что они впечатляют. Не всякий выдержит такие поиски истины.

Хельга, которая торопливо нырнула в платье, энергично закивала. Нет, она слишком любопытна, чтобы не посмотреть — поправив воротник и рукава, Хельга обернулась к скованному привидению, и в ее взгляде я заметил любопытство за страхом.

Неудивительно. Та, которая пишет о принцессах-воительницах, не может быть из робкого десятка.

Одевшись, я встал прямо перед привидением и отчетливо проговорил:

— Открой то, за чем пришел, и я дам тебе покой. Клянусь в этом всеми именами Господними.

Краем глаза я видел, как Хельга смотрит на меня — это был восторг. И кажется, она запоминала все, что видела, чтобы потом перенести в очередную книгу. Когда мы отсюда выберемся, то я лично отправлюсь к «Геллерту и Маркони» — и пусть только попробуют не издать книги моей жены!

Старый Вильмо содрогнулся в цепях моего заклинания, и огненная тьма изменилась. В ней проступили мазки изумрудного и лазури — призрак смирился перед чужой магией. Я ослабил оковы, и в дыму вновь проступило человеческое лицо — дрогнули тонкие губы, и призрак прошелестел:

— Стена в моей спальне.

— Там теперь моя лаборатория, — ответил я. — Что ты хочешь там забрать?

— Не забрать, — голос старого Вильмо был похож на песни ветра над заснеженной равниной. — Отдать. В стене ларец с моим золотом. Возьми его и отдай на благое дело, тогда я обрету покой.

Хельга всхлипнула. Старый Вильмо раскаивался — и это не могло не впечатлить. Интересно, каким он был до того, как скупость изувечила его душу, дойдя до безумия?

— Хорошо, — кивнул я. — Твое золото я пушу на артефакты и отдам их жителям поселка. Это будет благое дело.

Лазурных разливов стало еще больше — призрак успокаивался. Хельга толкнула меня под локоть, словно напоминала о чем-то.

— Теперь я спрошу тебя, и ты ответишь правду, — продолжал я, и старый Вильмо кивнул, соглашаясь. — Кто покушался на его величество?

Зелень и синева развеялись — старый Вильмо окончательно обрел человеческие очертания, превратившись из дымной тучи в старика в лохмотьях. Наверно, в таком виде он и умер. Никогда я такого не понимал: сидеть на груди золота и не купить себе приличную одежду? Впрочем, алчность была безумием — стремясь отложить в сундук очередную монетку, Вильмо лишился рассудка, вот и все.

Говорят, у гномов такое бывает, когда они натываются на крупные золотые жилы в земле. Но, конечно, я не буду спрашивать Хельгу об этом.

— Король далеко, — старый Вильмо зашептал торопливо, словно у него было мало времени, или он боялся, что его перебьют. — Король

блуждает во мраке. Я не вижу, кто рядом с ним, но знаю: ты можешь доверять лишь тем, кто рядом с тобой. У тебя есть друзья и любимая, верь им. Скоро к тебе приедут гости — волки в овечьих шкурах.

Я понимающе кивнул. Надо быть настороже — я и так это понимал. Что ж, будем ждать гостей.

— Благодарю тебя, — ответил я. — Благодарю и отпускаю с миром и Господней молитвой. Твое золото послужит людям, и о тебе будут вспоминать с благодарностью.

Чтобы снять оковы, мне хватило легкого движения пальца. Старый Вильмо растворился в воздухе — вроде бы только что был здесь, и уже никого нет. Хельга оторопело посмотрела на меня — у нее на языке плясала тысяча вопросов, и она не знала, какой задать первым.

— Пора браться за инструменты, — произнес я. — И разламывать стену.

* * *

Хельга

— Удивительно, просто удивительно!

Узнав о том, что призрак старого Вильмо рассказал Анарену про клад в стене дома, Исмо тотчас же схватил шапку и побежал к Енко — докладывать о том, какое счастье привалило поселку. Поселковый староста примчался в дом как раз в тот момент, когда Анарен вооружился одним из своих артефакторских инструментов и хрусталинкой на цепочке и бродил вдоль стен лаборатории, постукивая по ним и вслушиваясь в то, что творится в их глубине. Мы с Кейси стояли чуть в стороне, и я слышала, как девушка едва слышно читает молитвы.

Сегодня привидение было уже не таким страшным. Надо будет это запомнить: когда встретишься с чудовищем во второй раз, то поймешь, что привыкаешь к нему. Пусть принцесса Эрна скажет об этом какому-нибудь своему робкому спутнику.

— Какая смелость! — Енко только что руками не всплескивал. Должно быть, он ни разу в жизни не видел артефактора за работой. — Сковать призрака и узнать его секрет!

— А вы бы не хотели узнать какую-нибудь тайну? — с улыбкой осведомился Анарен. Енко отмахнулся и посмотрел в угол в поисках иконы.

— Да Господь с вами, я бы от страха на месте умер, — признался он. — Сам бы стал привидением, ходил бы потом туда-сюда... Ох, нет уж! А вы вообще не испугались!

— Известное дело, опыт, — поддакнула Кейси. Покосившись в окно, я увидела, что за воротами собирается народ, не зная, чему больше удивляться — то ли цветущей яблоне в нашем садике, то ли тому, что сейчас ссыльный артефактор выковыряет из стены клад старого скряги. Торопясь к поселковому старосте, Ивси рассказал об этом и встречным, и поперечным.

— Старый Вильмо хотел, чтобы деньги пошли на добрые дела, — проговорил Анарен, легонько стуча по стенам. Кристалл артефакта в его руке наливался то желтым, то белым. — Предлагаю пустить их на артефакты для поселка. Или купить что-нибудь нужное.

По всем законам, Божеским и человеческим, это был бы наш клад. Даже заключенные могли оставить себе то, что находили в своих камерах. Но Анарен был прав — есть такие вещи, которые лучше отдать и получить взамен уважение и почет. Енко энергично закивал — он, видно, уже придумал, как распорядиться денежками. У таких они буквально липнут к ладоням.

— Отличная мысль! — одобрил он. — Лишь бы только старый Вильмо не наврал, и деньги и правда...

Он не договорил. Анарен снова стукнул костяшкой пальца, и часть стены скользнула в сторону, открывая темноту тайника. Кейси, которая стояла рядом со мной, даже ахнула от удивленного нетерпения, а я ощутила тот зуд, который охватывает любого гнома, когда рядом возникает хоть что-то похожее на клад.

Там было золото. Я его чувствовала.

— Не соврал, — Анарен запустил руки в тайник и извлек оттуда ларец размером с толстую книгу. Енко едва в ладоши не захлопал.

Ларец водрузили на стол. Потемневший, запертый на проржавевший от времени замочек, он так и звал: откройте меня, загляните внутрь! Мне сделалось грустно. Что должно владеть человеком, чтобы он вот так копил, забывая о человеческом в себе? Гномы тоже известные скряги и скопидомы, но вот так сидеть на

золоте и травить родных, потому что можно сэкономить — нет, это не по-гноми и вообще не по-правильному.

Анарэн дотронулся до замка — от его пальца потекли золотистые искры, и замок рассыпался ворохом сверкающих пылинок. Енко подошел к столу, боясь хоть что-то упустить, Кейси и Исмо уважительно держались чуть в стороне. Анарэн открыл ларец, и нам сверкнули сокровища старого Вильмо.

Золота было немного — всего дюжина монет. Серебра было побольше — вынимая добычу из ларца, Анарэн и Енко насчитали двадцать пять монет. Остальное было медью, и вот меди было много, на несколько сотен крон. Пересчитывая монетки, Енко сказал:

— Он, я так понимаю, собирал медяки, потом менял на золото и серебро. Для обмена надо ехать в Вантараму, там банк, а старый Енко много лет никуда не выбирался.

— Должно быть, постепенно его стала мучить мысль о том, что на проезд придется потратить деньги, — усмехнулся Анарэн. — Ну что, господин Енко, золота и серебра здесь достаточно для артефактов. Медь в моем деле не нужна, так что официально передаю находку вам для нужд поселка.

Енко с удовольствием сгрел деньги обратно в ларец, и я решила, что он готов прикарманить полученное добро — очень уж выразительным было его лицо. Знала я такую породу — люди, похожие на Енко, никогда не упустят ни своего, ни тем более, чужого.

— Как артефактор я обязан заявить о находке, таков порядок. С полным и подробным ее описанием, — продолжал Анарэн, и я с трудом сдержала усмешку: ловко же он разрушил планы Енко по прикарманиванию клада старого Вильмо! — Вы как поселковый староста должны будете подписать и заверить мое письмо.

— Да, да, — согласно закивал Енко, стараясь скрыть волнение. — Мы все законопослушны, чужого нам не надо. Да и крышу на школе давно пора перекрыть, денег тут для этого достаточно. То-то господин Яккинен будет рад!

Ясно, что он хотел бы перекрыть крышу собственного дома, но Анарэн дал понять, что во всем будет действовать по закону — а с законом и ссыльными, которые его знают, лучше не связываться.

— Вот и доброе дело! — обрадовалась я. — Думаю, теперь старый Вильмо наконец-то обретет покой.

Анарэн

Следующие три недели прошли в провинциальной тишине и спокойствии.

Днем я работал над артефактами и постепенно Хаттавертте превращался не в покинутый Богом уголок на краю географии, а в место, в котором можно жить в комфорте и удовольствии. Все дома теперь обогрелись не хуже столичных, местный доктор решил, что может забыть о простудах и воспалениях легких, а кошки лениво зевали на крылечках — делать им было нечего, крысы ушли. По вечерам мы с Хельгой гуляли, изучая окрестности, по ночам занимались любовью, и кажется, впервые в жизни у меня все шло правильно.

Я будто бы окончательно нашел свое место — и, глядя на Хельгу, понимал, что она чувствует то же самое.

Возможно, это и было счастье. Тихое, спокойное, вдалеке от королей, секретных служб и покушений. Максим ничего не писал, хотя я ждал его письма, и иногда я начинал думать, что было бы неплохо остаться здесь навсегда. Ну а что ж? У меня достаточно средств, чтобы жить в Хаттавертте со всеми удобствами, и достаточно таланта, чтобы и остальным людям рядом со мной было хорошо.

На деньги старого Вильмо начали ремонт школы. Господин Яккинен заглянул ко мне, искренне поблагодарил и, вручив пирог с рыбой, который приготовили ребята, негромко заметил:

— Очень хорошо, что вы нашли способ справиться с Енко. Он никогда бы не отдал этот клад людям.

Я понимающе кивнул. Письмо с описанием найденного клада было отправлено в Министерство артефакторики, как и полагается, и я знал, что его там и используют, как полагается — в уборной. Сбережения старых скряг никого не интересовали.

Потом пошел снег — и я заметил, что Хельга сделалась угрюмой. Очередная книга о принцессе подошла к концу, и я предположил, что моей женой владеет тоска писателя, который не желает расставаться с любимившимися персонажами. Она будто бы вслушивалась в какие-то голоса, которых я не слышал, и это не могло не тревожить? Вдруг это

какая-то гномья болезнь? Но на все мои вопросы Хельга только отмахивалась и в конце концов сказала:

— Я обязательно расскажу. Но не теперь.

Я даже к доктору заглянул — уточнил, не была ли у него моя жена. Может, Хельга ждет ребенка? Почему бы нет — когда я думал, что у нас родятся дети, то эта мысль вызывала у меня двойственные чувства: почти невесомую радость и тревогу. Но к врачу Хельга не ходила.

Все выяснилось в тот день, когда на Хаттавертте обрушилась первая, по-настоящему зимняя метель. Я никогда не был на севере, о зимней непогоде читал только в книгах, и теперь был просто зачарован белой завесой, которая рухнула на поселок. Все исчезло — стоя у окна, я смотрел на плотную белизну, и, кажется, в мире больше ничего не осталось, кроме завывающего ветра, растрепанных снежинок и твердой морозной поступи. Соседние дома растворились в метели. Кейси, ежась и ругая зиму, готовила ужин, Исмо попросил меня разрешить ему переночевать — я позволил, не идти же куда-то в такую погоду!

А Хельга вышла из комнаты, сделала несколько шагов и упала.

Когда я увидел, как она рухнула на старый ковер, то во мне что-то оборвалось — кажется, я никогда и ни за кого так не волновался. Я бросился к ней, подхватил на руки — Хельгу наполняла мелкая простудная дрожь, глаза закатились под веки, и Исмо, который кинулся на помощь, засыпал меня вопросами:

— Что ж делать? Это какая-то гномья болезнь? За доктором бечь?

Уложив Хельгу на кровать, я схватил свою коробку с артефактами — выбрал анализирующую пластинку, дотронулся до ее лба, который покрылся крупными горошинками пота, и Хельга простонала сквозь зубы:

— Убери. Печет.

Чтобы гномка просила убрать золото? Да быть такого не может... Снег сделался еще гуще, и я почувствовал, как меня охватывает липкая беспомощность. Прибежала Кейси, плеснула Хельге в лицо пригоршню воды, словно пыталась успокоить — и это, вот удивительно, помогло! Хельга обмякла на кровати и едва слышно прошептала:

— Жила идет. Ползет с Северного океана, вышла с его дна.

— Какая жила? — спросил я. Сел рядом, сжал ее руку — Хельга вдруг сделалась совсем маленькой и хрупкой, словно фарфоровая кукла. Даже огонь ее волос будто бы потемнел. Кейси и Исмо вопросительно смотрели на меня, ожидая объяснений, но я понятия не имел, что происходит.

Если мы все-таки останемся в Хаттавертте, то нам нужен гномий врач для таких вот случаев.

— Жила лунного серебра, — ответила Хельга. На ее посеревшие щеки потихоньку возвращался румянец, она сжала мою руку и вздохнула: — Редкая штука. Некоторые гномы ее чувствуют.

Исмо натурально разинул рот.

— Лунное серебро? — переспросил он. — Ой, я читал про него! А это как же? Оно к Хаттавертте идет?

Хельга посмотрела на него так, словно обрадовалась, что ее наконец-то кто-то понял. Я читал о лунном серебре — металле удивительной легкости и ковкости и такой же удивительной редкости. В музеях можно было увидеть украшения и оружие из лунного серебра, но разработок давным-давно не велось.

— Идет, — кивнула Хельга и добавила, взглянув на меня: — Я привыкну к нему, все будет хорошо. Ох, это огромная жила!

— Если тут начнутся разработки, то Хаттавертте станет уже не поселком, а городом, — сказал я и спросил: — Как ты себя чувствуешь? Что болит?

Пальцы Хельги сжались на моих.

— Ничего, просто я вся какая-то вареная. Анарен, немедленно напиши моим родителям! Пусть приезжают. Без гномов тут никак.

Глава 14

Хельга

Конечно, в Хаттавертте слетелась целая толпа разного народу. На наше счастье первыми примчались гномы из Подгорья: узнав о том, что к Хаттавертте ползет лунное серебро, они похватали пожитки и рванули сюда. У гномов есть особая королевская привилегия на разработку недр, и моя семья не собиралась упускать свой случай. Увидев родителей, брата и сестер, которые вышли из вагона, укутавшись в шубы, я наконец-то успокоилась.

Там, где гномы, все будет в порядке. Иначе и быть не может.

Мартину сделалось дурно, и он едва не упал на перрон. Исмо, который не отходил от нас с Анареном, поддержал его — Мартин устоял, кивнул, благодаря за помощь, и важно сообщил:

— Да, жила знатная. Скоро пробьется аж до поверхности, можно собирать и не наклоняться.

Гномы, которые высыпали на перрон, вскинули руки к небу, издавая довольные возгласы. Поселяне смотрели на них с удивленным любопытством — на новое место мои соплеменники прибыли в лучших одеждах, в самых дорогих мехах, украсив косы и бороды золотом и клановыми драгоценными камнями. Даже пьяница Олав, который провел время в дороге, клянясь в вечной любви пивному бочонку, принарядился.

Енко, который потирал руки в предвкушении богатой добычи, пригласил гномов устраиваться на ночлег. Скоро в Хаттавертте застучат топоры — гномы начнут строить жилища, а пока их распределили по домам поселян. Мои родители, брат и сестры, разумеется, размещались в нашем доме — я невольно отметила, что неженатые парни Хаттавертте смотрят на гномов с нескрываемым интересом.

Неудивительно. Люди не обладают такими предрассудками, как эльфы, а хорошая жена — это то счастье, которое не следует упускать. Эльза и Марика важно поправляли косы и стреляли глазками, показывая, что они не против познакомиться с достойными

кавалерами. Пусть глушь — и в глуши светит солнце и живут приличные люди.

— Хорошее место, — одобрил отец, когда мы прошли по чистым и сухим дорожкам Хаттавертте и поднялись по ступенькам в дом. — Холодно, конечно, ну да ничего, труд да денежки согреют. И железка протянута, тоже хорошо. По ней нам сюда все привезут, что только ни попросим.

Вечер ушел на то, чтобы всех разместить и накормить. Увидев Исмо, который, похоже, решил у нас навеки поселиться, Эльза и Марика решительно оттеснили Кейси от кухонного стола и печи: оценив запасы в шкафах, они взялись за дело сами.

— Очень по-гномьи, — сказала я Анарену. — Неизвестно, будет ли он женихом, но себя надо показать сразу и с лучшей стороны.

Анарен понимающе кивнул. Исмо смотрел на гномок и глаз не мог оторвать — так плавно они двигались, так смело и бойко смотрели. А вот Кейси была явно недовольна тем, что в Хаттавертте приехали энергичные барышни. Конечно, она ничего не сказала по поводу понаехавших, лишь заметила:

— Не по-людски вот это вот все, чтобы гости у хозяев стряпали.

— Так мы и не гости! — парировала Эльза, которая всегда и во всех девушках видела конкуренток. — Мы тут теперь живем, а не гостим!

Кейси насупилась, а Исмо довольно заулыбался.

— Милые барышни, а что же вы это такое готовите? — спросил он. Услышав, что их называют милыми барышнями, Эльза решила окончательно брать быка за рога — бросив на Исмо опаляющий взгляд из-за крутого плеча, она мелодично пропела:

— Рыбку по-гномьи, дорогой! Форель тут у вас просто загляденье! Так вот мы сейчас ее обжарим до корочки, потом помидорок с сыром бросим — ты пальчики не оближешь, а до локтей обгрызешь! А на гарнир картошечка в горчичном соусе — сверху у ней корочка, а внутри мягко да пышно!

Марика подбоченилась, улыбнулась, всем своим видом показывая, что мягко и пышно здесь не только у картошки. Мне оставалось только надеяться, что я не умру со смеху от такого зрелища. Исмо обернулся ко мне и спросил с искренней мольбой:

— А можно я Петера приглашу? Младшего своего? Уж такой он охотник до картошки, ел бы ее целый день!

Я разрешила, и Исмо помчался за братом. Кейси хмуро вспомнила о неглаженном белье и удалилась с видом королевы в изгнании. Марика проводила ее задумчивым взглядом и спросила:

— Хельга, а чего это она надулась? Или ей картошка с рыбой не по душе?

— Ей не по душе, что вы парню глазки строите, — ответила я. Эльза фыркнула.

— Ну вот еще! Стоит парень ничейный, а мы должны глазами хлопать? Раньше ей надо было его хватать, теперь все — приехали прекрасные барышни.

— Вот именно, — поддакнула Марика, отправляя в кастрюлю очередную очищенную картофелину. — Ни фигуры у нее, ни волос нормальных, а все туда же, за женихами!

Косы у Марики удались — рыжие, длинные, они были толщиной с мою руку. Кейси, конечно, не могла такими похвастаться. Мы дружно взялись за готовку, а я не могла не думать о том, что сказал старый Вильмо.

К нам должны были приехать волки в овечьих шкурах — и я пыталась понять, кто это может быть. Конечно, не гномы из Подгорья: мои сородичи не бывают подлыми, никто из них не желает нам зла. Но жила лунного серебра — это то, что считается национальным достоянием, и король этого не упустит. Из моего письма, которое я отправляла родителям, он уже знает обо всем и потирает ладоши в предвкушении не хуже поселкового старосты Енко. Удивительно даже, почему сюда до сих пор не приехал кто-то вроде Максима Вернье.

Или у Максима и короля сейчас есть дела поважнее жилы лунного серебра?

Ничего, разберемся. Теперь, когда рядом были гномы, я не сомневалась, что мы с Анареном со всем сумеем справиться.

* * *

Анарен

Максим приехал через два дня. К тому времени жила лунного серебра подобралась к поселку, и сородичи Хельги начали разработку, погружаясь в землю. Поселяне забыли о своих делах и заботах — всем было интересно посмотреть на то, как одни гномы стучат топорами и пилами, готовя временный вход в шахту, а другие вгрызаются в грунт. Зрелище и правда было захватывающим. Эльфы обожают золото, но я никогда не видел, чтобы у кого-то из них было такое же алчное выражение лица, как у тех гномов, которые работали у Хаттавертте.

Поселянки подсустились: развернули рядом с местом работы что-то вроде столовой. Я набросил на нее заклинание, защищая от снега, и работа закипела: в больших кастрюлях забурлил суп, на плитах весело зашкворчала рыба с картошкой — среди гномов было много одиноких и неженатых, и жительницы Хаттавертте решили, что незачем пропадать таким замечательным мужчинам.

Трудолюбивые, хозяйственные, сильные — что еще нужно для крепкой семьи? Впрочем, Хельга отнеслась к прекрасным поварихам весьма скептически.

— Ох, это не те гномы, за которых надо выходить замуж, — сообщила она, глядя, как за столами рассаживается первая смена, которая вышла из шахты. Поселянки разливали суп по тарелкам, обмениваясь шутками и прибаутками и стреляя глазками — гномы отвечали им взаимностью, и атмосфера была теплой и искренней.

— А за каких же надо? — поинтересовался я.

— Ну если бы они были пригодны для брака, то приехали бы сюда уже женатыми, — сказала Хельга. — А раз за них гномки не идут, то явно что-то не так. Вон Альво — пьяница. Гудмунд — лентяй.

— Лентяй по вашим меркам это первый трудяга по человеческим, — ответил я. — А в Хаттавертте жизнь суровая, дамы строгие — они с ними справятся.

— Дай Бог! — ответила Хельга и вдруг обернулась и спросила: — Ой, это ведь Максим Вернье?

Старший специалист особой службы его величества действительно шел в нашу сторону. Вдалеке я услышал свист паровоза и машинально отметил, что скоро в Хаттавертте будут приезжать очень многие. Это будет богатое, интересное и привлекательное место.

Кажется, первым приехал тот волк в овечьей шкуре, о котором нас предупреждал старый Вильмо. Хельга тоже напряглась — она

старалась сохранять спокойствие, но глаза так и метали молнии. Я сжал ее руку, пытаюсь намекнуть, что нужно выглядеть милой и дружелюбной, совсем, как барышни в столовой, и, когда Максим приблизился к нам, весело произнес:

— Дружище, неужели это ты?

Максим улыбнулся в ответ, мы обменялись рукопожатиями, и он ответил:

— Да, это я. Решил проверить, как идут дела у ссыльных — на собственном, так сказать, печальном опыте.

Это был Максим — но его голос был голосом незнакомца, сиплым, едва различимым.

— В каком смысле? — Хельга была удивлена по-настоящему. Улыбка Максима сделалась еще шире, но глаза остались печальными. Я увидел на его шее светлеющую полосу, которая выступала из-за небрежно завязанного шарфа — такую борозду могла оставить только веревка. Его душили? Пытали? Или пробовал повеситься?

Вопросов сразу же увеличилось.

— В том, что я теперь такой же ссыльный, как вы, — ответил Максим. — Видите ли, в чем дело, я принялся копать, узнавая, кто стоит за покушением на его величество, и закопался так глубоко, что вышел на очень важных людей. Очень важных и близких к короне.

— И им не понравилось ваше любопытство, — сказала Хельга. Максим кивнул и, оттянув шарф, показал на свою шею.

— Так не понравилось, что на меня надевали галстук святого Иосифа в пыточных, — объяснил он. — Пытались выбить признание в том, что я работал с тобой и подсунул его величеству тот артефакт.

— А вы? — спросила Хельга. Кажется, она сейчас искренне сочувствовала Максиму — ну или просто хорошо делала вид. Гномки не страдают лопухой доверчивостью и не едят все, что им пытаются скормить.

— А я молчал. До тех пор, пока не вмешались мои покровители. Галстук сняли, меня отправили сюда. Пожизненно, без права на возвращение.

Максим выглядел спокойным и говорил со светской небрежностью — но за этим спокойствием жила неподдельная горечь и тоска. Зачем бы ему притворяться, ехать сюда самому, когда на разработку лунного серебра сейчас съедутся журналисты, зеваки и

чиновники, и среди них может затесаться кто угодно — неприметный, но знающий свое дело. Да и зачем кого-то вообще к нам засылать? Я хороший артефактор, но не единственный в королевстве. Меня выкинули на север для того, чтобы забыть.

— Сочувствую, дружище, — искренне произнес я. — В нашем доме сейчас разместились семья Хельги, но для тебя найдется комната.

Друзей надо держать близко. Врагов — еще ближе. А я пока не определился с тем, кто для меня Максим, все еще друг или уже враг. Но след на шее выглядел настоящим, а не дешевым гримом для дешевого спектакля — и я не хотел заранее делать выводы.

— Буду тебе признателен, — улыбнулся Максим, и в его взгляде мелькнуло что-то очень далекое и невыразимо горькое. — И попрошу твоей помощи как артефактора.

— Все, что угодно, — ответил я, и мы пошли в сторону домов. Над крышами вился дымок, пахло зимой, пирогами и предвкушением нового года.

— Галстук святого Иосифа чуть не переломал мне гортань, — ответил Максим. — Если у тебя есть исцеляющие артефакты... то они будут кстати. Очень кстати.

* * *

Хельга

Полоса на шее была настоящей. Я в этом разбираюсь. Однажды троюродный брат сестры наших соседей пытался повеситься от того, что его возлюбленную отдали замуж за богатого и важного гнома — веревка оборвалась, и петля оставила на шее бедолаги как раз такой след, какой сейчас красовался на коже Максима.

У родителей Анарена было достаточно денег, чтобы его не пытали. У Максима, как видно, с деньгами было туго, а фонд былых заслуг его начальство закрыло и запечатало. Но я все равно ему не доверяла. И дьявол цитирует Святое писание, если ему это выгодно, и офицер из особой службы может пойти на то, чтобы его придушили — и потом втереться в доверие к нам с Анареном.

Впрочем, зачем бы ему это вообще делать? А вот зачем: Анарена сослали на север, но не забыли о нем. Он был опытным артефактором

— а такие силы и знания, как у него, не будут прозябать в глуши. Значит, всегда найдутся те, кто решит их использовать — а для этого надо, чтобы Анарен доверял. Тут может быть только дружба и доверие. Дальше ссылать нас уже некуда, так что угрозами и запугиванием ничего не добьешься.

Я невольно задумалась о том, какой удивительной была наша история. Все началось с того, что я искала работу, а Анарен не хотел жениться на той, которую ему подсовывали родители — и вот мы ссыльные на севере, но здесь не так плохо, как может показаться. Остается сохранять благоразумие и ничего не испортить.

С такими вот мыслями я пришла на кухню — там все рассаживались обедать. Мои сестры и Кейси проворно накрывали на стол, родители, Максим и Анарен придвигали к себе тарелки, и, сев рядом с мужем, я услышала, как отец спрашивает:

— И что там в столице говорят по поводу лунного серебра? Пусть имеют в виду: это гномье право, это только наша разработка.

Максим улыбнулся. Когда мы пришли в дом, то Анарен первым делом выдал ему исцеляющий артефакт — теперь полоса на его шее была почти незаметна, а когда он заговорил, то голос звучал вполне привычно.

— Не думаю, что кто-то посягнет на гномьи права. Но сами понимаете: все лунное серебро вы себе не заберете.

— Мы и не претендуем, — ответил отец. — Гномы всегда были лучшими добытчиками, а знаете, почему?

— Почему же? — улыбнулся Максим. Я удивленно поняла, что он как-то сразу нашел общий язык с моим отцом — а это было сложное дело. Но вот ведь: они сидят рядом и беседуют, как два достойных джентльмена. В тарелках остывал ароматный суп с сыром, горохом и копченостями, но они, кажется, забыли о еде.

— Потому что мы любим то, что скрывает в себе земля, — с достоинством ответил отец. — И она любит нас за это. А когда любишь, то не обязательно владеть — надо иметь возможность дотронуться.

Максим понимающе усмехнулся. Мать махнула рукой, сказав что-то: «Ну вот, завел старую песню».

— Наверно, в этом и есть подлинная любовь, — заметил Максим. — И к земле, и к своему делу.

— Вот! — одобрительно кивнул отец. — Вы понимаете. Пекарь же не хранит свои булки да плюшки при себе — он выставляет их на прилавок, чтобы все могли купить. Так и с гномами. Одним словом, пусть никто в столице даже не надеется: к разработке мы никого не подпустим.

— В этом никто не сомневается, — ответил Максим, и я хмуро подумала, что это может быть просто вежливость — но он может искать союзников и друзей. Станет здесь хорошим и милым для всех, все будут на его стороне, и Анарен сам не заметит, как станет делать то, что ему прикажут. — Уверен, что Хаттавертте расцветет вместе с гномами.

— Ну, я на это рассчитываю, — отец попробовал-таки супа и довольно кивнул: суп и правда удался. — Место здесь хорошее, воздух свежий, красота. А к северу озера. Почему сюда не ездят туристы?

Максим только плечами пожал.

— Наверно, об этом надо спросить поселкового старосту. Но если этот край расцветет, то за туристами дело не станет.

— Хорошо, — важно кивнул отец. — Тут, я так вижу, денежки-то на земле валяются. Знай только собирай. Гостиницу построить, ресторанчик приличный — и приходи, кума, дивиться. Вернее, приезжайте, господа, на природу!

Мать улыбнулась. Отец любил что-то представлять — но он никогда не был бездумным прожектером. Если он что-то воображал, то потом обязательно воплощал в жизнь: таким манером он выстроил трехъярусный дом в Подгорье, и я не сомневалась, что он превратит Хаттавертте в курорт — очень уж сверкали его глаза.

В это время в дверь позвонили. Кейси метнулась открывать и вскоре вернулась с каким-то бумажным пакетом. Взглянув на него, я почувствовала, как в животе заворочался ледяной ком — почему-то мне показалось, что его содержимое изменит мою жизнь.

Не знаю, почему я так подумала. Но ощущение было таким, словно я стояла на самом краю проруби — и готовилась сделать шаг вперед.

— Это вам, госпожа Хельга, — важно сообщила Кейси и встревоженно добавила: — Из самой столицы! Вон, печать столичной почты проставлена.

За столом воцарилась тишина. Я взяла пакет, глядя на свое имя, написанное незнакомым почерком — держала его так, как держат бомбу, готовую рвануть в любое время. Эльза не выдержала первой — если бы она не заговорила, то я так и сидела бы с пакетом в руках, оцепенев в предвкушении новых неприятностей.

— Хельга, что там? Кто тебе пишет из столицы? — спросила она. — Открывай же!

Я посмотрела на Анарена — тот кивнул и вдруг улыбнулся так, словно понял, что внутри. Тогда и я поняла — и мой страх сменился радостью, которая окатила меня соленой морской волной.

Вскрыв пакет, я увидела дорогую гербовую бумагу — на такой заключали договоры в королевстве, и «Геллерт и Маркони» как раз и прислали мне такой договор.

— Они прочли мою рукопись, — прошептала я, не узнавая своего голоса. Золотистый лист сопроводительного письма трясся в пальцах. — И прислали договор на издание. И хотят все книги, которые я уже написала...

В следующий миг я разрыдалась так, что Анарен обнял меня и заговорил что-то неразборчивое и ласковое — то, что говорят плачущим детям, пытаюсь успокоить их. А я уткнулась лицом в его плечо, плакала, и в голове плавала лишь одна мысль:

«Победила. Я победила. Я смогла».

Глава 15

Анарэн

Конечно, вскоре Хельга опомнилась, рассмеялась, и обед продолжился — по-настоящему яркий и праздничный, подлинный пир. Глаза Хельги искрились так же, как в день нашей свадьбы, когда я выносил ее из храма, и я в очередной раз подумал о том, что мне повезло. Бесконечно повезло.

— Это просто невероятно, — заметил Максим. — «Геллерт и Маркони» взяли вашу книгу, Хельга, это больше, чем выигрыш в королевской лотерее. Жаль, что вам не смогут организовать поездку и встречи с читателями.

— Не страшно, — махнул рукой мой тесть. — Пусть эти читатели сюда приезжают. Говорю же: вот обработаем жилу хоть с краешка, гостиницу тут поставим, ресторан откроем — и книжный магазин с Хельгиными книгами.

Да, пожалуй, народ съедется со всего королевства, чтобы на такое посмотреть: гномка, жена эльфа, которая поехала за ним в ссылку и которая пишет такие книги, что «Геллерт и Маркони» взяли их через месяц рассмотрения, когда остальные ждут по несколько лет.

Возможно, тут не обошлось без Максима. Он мог поднять какие-то свои связи, чтобы мечта Хельги стала былью. Впрочем, старый Вильмо мог и наврать — он и при жизни не был образцом достоинств и морали, и вряд ли сделался таким после смерти.

Но все же не стоит быть слишком беспечным. Подождем. Посмотрим.

— Я читал о Фуконари Суродзу из царства Белой горы, — сказал Максим. — Великий писатель позапрошлого века. Решил стать отшельником, жил на крошечном хуторе — и народ съезжался, чтобы хоть одним глазком увидеть его.

Хельга закивала — она знала эту историю.

— А наша Хельга не отшельница, — важно заявил мой тесть. — Она и выйдет, и встретит, и приветит. Что, мать? — спросил он, обернувшись к супруге. — Вот вроде бы только что мы ее гоняли за

эти книжонки да иконой по лбу вразумляли, а теперь погляди-ка — писательница, настоящая, со столичным договором!

Это было сказано с такой интонацией, словно гном все еще сомневался в том, что Хельга настоящая писательница, которая достойна издания своих книг. Может, какая-то ошибка произошла? Я невольно заметил, что лицо Хельги окаменело и заострилось — она напряглась, с трудом сдерживая слова, которые рвались с ее губ. Кажется, ей много чего хотелось сказать своим родным по поводу вразумления иконой — а я вспомнил, как в первую ночь в моем доме Хельга сидела за столом на кухне и встrepенулась, пытаясь спрятать рукопись, когда я вошел.

— Да, она пробилась к заслуженной славе в одиночку, — произнес я. — Никто не помогал ей и не поддерживал, зато теперь все будет иначе.

Теща закивала — она поняла, что ветер подул в сторону скандала, и обрадовалась, что я изменил его направление.

— Хельга, ты должна как можно скорее подписать договоры! — воскликнула она. — И отправить их в столицу! Там пишут, когда выйдет первая книга?

Хельга заглянула в сопроводительное письмо.

— Пока еще нет, не пишут, — а я решил, что сейчас все расслабились и отвлеклись, так что можно нанести удар, и произнес:

— Нам, кстати, предсказали, что в Хаттавертте придет волк в овечьей шкуре, и его надо остерегаться. Максим, это, случайно, не ты?

Максим был профессионалом, и его нельзя было поймать на крючок вот так сразу — левая бровь дрогнула, вот и все. Зато вся семья Хельги застыла так, словно вместо обеда они проглотили каждый по раскаленной кочерге.

— Волков не будут тащить сюда в петле, я полагаю, — небрежно улыбнулся он. — Но, возможно, твой предсказатель имел в виду вот это?

Максим продемонстрировал печатку на правой руке — я увидел герб дома Вернье с волком.

— Все, что у меня осталось от прежней жизни. Этот перстень. А овечья шкура, — Максим мотнул головой куда-то в сторону входной двери, — это моя куртка. Теплая, кстати. На севере намного полезнее любого модного пальто.

Гномы дружно рассмеялись, и напряжение, возникшее было за столом, развеялось. Хельга улыбнулась, и у меня потеплело на сердце от ее улыбки.

— Впрочем, — произнес Максим, отпив кофе из чашки, — я и в самом деле здесь не просто так. У меня не осталось ни полномочий, ни поддержки откуда-то со стороны, но я хочу завершить твоё дело. Ты не собирався покушаться на короля. Тебя подставили, это ясно, как белый день. И я намерен выяснить, кто все-таки роет яму его величеству. Не имею привычки бросать дела недоделанными.

Тишина, которая воцарилась за столом, была поистине кладбищенской. Кажется, я даже слышал, как бьются чужие сердца. Хельга опустила руку на мое запястье так, словно пыталась найти опору.

— Меня это радует, — признался я. — Хаттавертте прелестное место, но я хотел бы жить здесь как обыватель, а не как ссыльный. Дитмар Каллениус что-то сказал?

Мы продолжили разговор в комнатухе, которую занял Максим. Помянутая куртка висела на крючке — я убедился, что она и в самом деле на овчине. Старый Вильмо решил подшутить надо мной напоследок? Что ж, хорошо, если это просто безобидная шутка.

— Каллениус молчал даже на допросе третьей степени, — продолжал Максим и теперь, в сумраке комнаты, едва подсвеченном маленькой лампой на столе, он уже не выглядел ссыльным, который все потерял. Теперь это был следователь, который продолжал свою работу даже в таких вот неприятных обстоятельствах — просто потому, что хотел найти тех, кто покушался на короля и обязательно повторит попытку. — Представляете, что это такое? Когда суставы вынимают, говорят даже немые — а он молчал. Сказал лишь, что да, хотел тебя убить. Из личной неприязни — ну понятно, что все это лишь отговорка. А потом я получил предписание о переводе Каллениуса в тюрьму особого режима — и знаете, чем все закончилось?

— Он сбежал по пути, — негромко сказала Хельга. — Перевод был ширмой для побега.

Максим улыбнулся.

— Не совсем. В тюрьме он притворился, будто у него воспаление слепой кишки, попал в тамошнюю больницу и да, оттуда уже сбежал.

В больнице режим мягче, следят не так пристально — но да, вы правы, Хельга, все это было организовано заранее.

— И ты стал рыть, — усмехнулся я. — И докопался до очень важной персоны.

Максим печально усмехнулся.

— Верно. До его высочества Дисса Герберта.

* * *

Хельга

Я замерла, боясь пропустить хоть слово. Это было так, будто я провалилась в одну из своих книг и наяву видела то, что прежде могла только представлять.

В том, что принц хотел убить отца, чтобы занять трон, не было ничего удивительного. Нынешний владыка стал государем точно так же: отправил отца на тот свет — дело было на охоте, откуда ни возьмись, прилетела пуля и поразила его величество в голову. Старый Отто, как его звали во всем королевстве, не умер на месте — его довезли до дворца, и там он еще несколько часов кричал в своей спальне, не помня себя от боли и не узнавая никого из окружающих.

Того, кто стрелял, так и не нашли. Принц, который занял еще не остывший трон, конечно, обещал расследование и суровое наказание, но все понимали: он прекрасно знает, кто спустил курок, и стрелявший уже награжден.

Возможно, наградой была такая же пуля в голову. Свидетели и исполнители дрянных дел долго не живут. Мало ли, начнут болтать, мемуары писать — хлопот не оберешься.

Я не хотела пропустить ни слова — весь этот разговор потом может стать частью книги. Господи, «Геллерт и Маркони» будут меня издавать! Я до сих пор не в силах была поверить в это.

Но договор был настоящим. Печати и подписи тоже. И принцесса Эрна готовилась спрыгнуть со страниц моих тетрадей на настоящие книжные страницы — совсем скоро я получу посылку, открою ее и увижу аккуратные тома с моим именем на обложке.

Девочка, которая тайком писала свои истории в тетрадях, мечтала об этом. И вот мечта стала не просто фантазией, а реальностью.

— И как же ты это узнал? — поинтересовался Анарен. Я чувствовала, что он не доверяет Максиму до конца — и правильно делает. Лучше подозревать друга, чем довериться врагу и погибнуть.

— Каллениусу щедро заплатили за то, что он покушался на тебя, — ответил Максим. — Платили, разумеется, наличными, часть денег у него осталась, и в этих деньгах как раз и заключается самое интересное. Я проанализировал их номера — они пришли из Малого морского банка, а Малый морской банк это, скажем так, личный кошелек его высочества.

— Это косвенная улика, — подала голос я. — Кто угодно может прийти в банк и взять деньги. Разве нет?

Максим уважительно кивнул.

— Совершенно верно, Хельга, — согласился он. — Но меня поволокли в допросную почти сразу же после того, как я вышел на улицу Цветов.

— Там располагается здание банка, — объяснил Анарен, увидев, что я не понимаю. Максим снова кивнул.

— По счастью у меня тоже нашлись те, кто смог заглянуть с деньгами, — продолжал он. — Жаль, конечно, что они пришли уже после галстука святого Иосифа. Послушай, Анарен, я вижу, что ты мне не доверяешь до конца. И правильно делаешь! Я бы тоже не доверял. Но я здесь только потому, что мне нужна правда. Это моя работа... и моя жизнь.

Некоторое время мы молчали, и я, честно говоря, не знала, что и думать. Максим выглядел и говорил совершенно искренне. Впрочем, это могла быть маска, надетая профессионалом.

— Хорошо, — кивнул Анарен. — Но что мы с тобой вообще сможем сделать из этой глуши? Нас выкинули из жизни. Я не создам артефакт, который спасет короля. Ты не найдешь того, кто будет его убивать.

Максим тонко улыбнулся. Прикрыл глаза.

— Лунное серебро, — произнес он. — Редчайшая вещь, металл, который способен усилить артефакт намного сильнее, чем это делает золото. Что, если гномы отправят в подарок государю первую добытую каплю? А его высочеству — вторую?

Я кивнула — да, была такая традиция: первые добытые металлы отправляли владыке в знак почтения. И лунное серебро не могли не

отправить.

— И я сделаю артефакт, который разрушит любой яд и остановит любую пулю, — задумчиво произнес Анарен. — Lanthan-an-mahn, божественный щит. Если его сделать на лунном серебре, то король спасен.

Максим согласно кивнул. Его улыбка сделалась шире.

— А капля для принца? — спросила я. — Что будет в ней?

Максим с любопытством посмотрел на Анарена, и я увидела, что мой муж полностью вовлечен в работу — он сейчас выглядел так, словно перед ним раскрылась огромная книга, и Анарен с головой погрузился в таинственные письма на ее пожелтевших страницах.

Может, у нас все получится. Во всяком случае, мне хотелось в это верить.

— Я когда-то слышал о заклинании Честной болтовни, — усмехнулся Анарен. — Его использовали для того, чтобы добиться признания в любви. Беда в том, что оно очень нестабильное, работает хорошо если через раз.

Максим кивнул.

— Да, я знаю о нем. Если бы оно было более устойчивым, то мои коллеги не пользовались бы пыточным инструментарием. Знай записывай за тем, кто выдает свои секреты.

— Только представьте, — предложил Анарен. — Его высочество приходит к отцу во время заседания Государственного совета и говорит: «Государь, я собирался вас убить. Для этого я организовал подброс артефакта, который прибыл якобы от того, кому вы доверяете. И законопатил того, кому вы доверяете, в северную глушь, чтобы он ничем больше не смог помочь вам — после того, как не смог его убить. А еще я затеял то-то и то-то».

Мы с Максимом дружно рассмеялись — очень уж выразительным было в эту минуту лицо Анарена.

— Честная болтовня толком не держится на металлах, — сказал Анарен уже серьезнее. — А вот лунное серебро, возможно, сможет ее ухватить. Попробуем.

Он вздохнул и добавил:

— Что еще нам остается, правда?

Анарэн

Проблема была в том, что я никогда не работал с лунным серебром.

Я вообще никогда его не видел — в музеях не считается. Лунное серебро было редкостью, и я понятия не имел, как буду выкладывать на нем рисунки. К тому же, их следовало замаскировать — король и принц не дураки, при всей их алчности они даже близко не подойдут к тому, что может быть артефактом — и замаскировать так, чтобы никто не догадался об истинной сути двух капель лунного серебра.

Работать надо было быстро. Работать надо было так, чтобы Енко ничего не заподозрил и не рассказал своим хозяевам о том, что я намереваюсь сделать.

Впрочем, если Максим провокатор, то он и сам расскажет о том, что ссыльный артефактор намеревается убить короля и принца.

Мне оставалось только надеяться на то, что мы все-таки играем на одном поле. Можно было остаться на севере — почему бы не жить там, где тебя уважают и носят на руках — но вести жизнь не ссыльного, который не может выехать в соседний поселок, а достойного гражданина, занятого своим делом и своей жизнью.

Задумавшись, я даже не услышал, как Хельга вошла — очнулся только тогда, когда она приблизилась к моему креслу и обняла меня за шею. Я поймал ее руку, поцеловал пальцы, пахнувшие мылом, и Хельга спросила:

— Ты уже решил, что мы будем делать?

Многие годы я был один — а теперь нашел это «мы», и мне нравилось, как оно звучало.

— Пока думаю, — признался я. — Мне нужны капли лунного серебра. Твой отец поможет?

— Конечно! — воскликнула Хельга. — Он не подает виду, но очень расстроен нашей ссылкой. Законопатили порядочных людей в такую глушь...

— Скоро это будет не глушь, — улыбнулся я. — Хаттавертте превратится в туристический центр и главный пункт добычи лунного серебра в королевстве. А еще тут будет жить знаменитая писательница Хельга Эленандар, и народ станет приезжать сюда только для того, чтобы ее увидеть.

Хельга рассмеялась, а я обрадовался — это же так хорошо, когда твой труд наконец-то получает признание. Она была талантлива — и ее талант оценили по достоинству. «Моя жена писательница», — подумал я, и Хельга ответила уже серьезно:

— Отец даст тебе доступ в шахту. Ты все сможешь сделать.

— Что ты! — воскликнул я. — Ни в коем случае! Тут множество глаз, готовых смотреть, и ртов, готовых доносить. Никто не должен узнать, что я прикасался к лунному серебру. Капли нужно вынести из шахты и принести в мою лабораторию. Работать буду ночью, часа в два начну. Это самое глухое время, все спят.

Хельга понимающе кивнула. Мне показалось, что она запоминает каждое слово, каждое движение, каждый звук — вой ветра за окном, метель, комнату, озаренную лампой — и потом все это вдруг снова оживет в одной из ее новых книг.

— Хорошо, я ему скажу, — ответила она. — Слушай, даже не верится, что нас освободят.

Я помолчал и негромко спросил:

— Как бы ты смотрела на то, чтобы потом остаться здесь? Я понимаю, что Хаттавертте это медвежий угол, что здесь очень скучно... Звучит странно, конечно, но мне тут дышится легче.

Хельга пересела в соседнее кресло, пожала плечами.

— Знаешь, самое главное, чтобы мы были свободны. А вещи перевезти всегда можно. Купить что-то... — она вдруг рассмеялась и воскликнула: — Ох, Анарен, ты спрашиваешь о каких-то пустяках! Неважно, где мы будем. Совсем неважно. Главное, что ты будешь со мной, а я с тобой. А все остальное устроится потихоньку.

Словами не передать, как я был благодарен ей за то, что она сказала. Мы будем вместе — когда ссыльный Эленандар снова станет господином Анареном Эленандаром, то все изменится к лучшему. Я получу доступ к своим счетам и изменю это место — Хаттавертте станет чудесным маленьким городком, в котором легко жить, любить и творить.

— Привезу на почту тьму-желе, — сказал я. — Буду снова работать над артефактами для детских больниц. Хельга, ты даже не представляешь, как я рад, что ты со мной.

Мы вернулись к разговору через несколько часов, когда расслабленно обмякли на простынях, а метель за окном усилилась так,

словно хотела посрывать крыши с домов поселка. Со стороны шахты доносилось согласное постукивание молотков, и я спросил:

— Гномы и ночью работают?

Хельга кивнула. Удобнее устроилась у меня на плече.

— Конечно. Для гнома недр это не работа, это как любовь. А любовь не откладывают до когда-нибудь.

С этим нельзя было не согласиться.

— О чем ты думаешь? — поинтересовалась Хельга.

— О том, как вплетать узор артефакта в лунное серебро так, чтобы его никто не заметил, — ответил я. — Наш план хорош, только пока я не знаю, как его реализовать. Магия лунного серебра достаточно сильна, чтобы перекрыть магию, но вот рисунок... Нельзя, чтобы его увидели.

Хельга нахмурилась, задумчиво выводя пальцем узор у меня на груди. Я подумал, что сейчас она похожа на артефактора, который творит, и почти увидел, как от ее пальца сыплются лазоревые искры, а завитки узора проникают под кожу, чтобы распуститься там цветами.

— Хельга, — спросил я. — Твой отец сможет потом переплавить лунное серебро? Уже после того, как я закончу работу?

Узор будет не снаружи, а внутри — и выступит на поверхность только тогда, когда попадет в нужные руки! Это было простое и элегантное решение — я знал, как все сделать, и мной овладела восторженная легкость — искрящаяся, похожая на шипучую бодрость после глотка южного вина.

Оставалось надеяться, что у меня все получится. Что лунное серебро примет заклинания и не уничтожит их при переплавке.

Хельга нахмурилась. Кивнула.

— Да, Анарен, он сделает. Я с ним поговорю.

Глава 16

Хельга

Первые капли лунного серебра подняли ровно через десять дней после того, как гномы приехали в Хаттавертте. К тому времени снег уже укутал поселок в толстую белую шубу, небо легло над ним низко-низко, и немного похолодало, но не до хрустящего мороза, когда брови прилипают к шапке — самое лучшее время для того, чтобы по-настоящему насладиться зимой.

Дети высыпали на улицы — строили снежные крепости и начинали битвы вокруг них, с хохотом забрасывая друг друга снежками. Барышни взяли коньки и в сопровождении кавалеров отправились на озерцо, которое лежало чуть в стороне от поселка — кататься. Во всех домах варили вино с пряностями и пекли кексы с изюмом, в садах выставили разноцветные фигурки добрых духов, которым следовало отгонять морозных ведьм от жилья, и Хаттавертте сделался очень красочным, веселым и уютным.

— Да, неплохое местечко, — одобрил отец, и я видела, что он говорит серьезно. Мы сидели за столом, перекусывая в ожидании обеда: Марика испекла пирог с картошкой, курицей и грибами. — Вот обустроимся, жилу вскроем, как следует, и весной можно начинать большое строительство. Не жить же нам тут постояльцами вечно!

— Так ты не против тут остаться? — спросила я. Отец любил Подгорье и наш дом, и я не сомневалась, что он захочет вернуться.

— Что всегда ползет рядом с лунным серебром? — спросил он, отпив чая из большой кружки, и я вспомнила: там, где лунное серебро, всегда проявляются рубины. Одно подтягивает другое.

— Рубины, — ответила я. — Думаешь, они и тут появятся?

— Уверен, — важно ответил отец, откусил еще кусок пирога и одобрительно кивнул. Марика довольно улыбнулась: в плане пирогов она была признанная мастерица — и поесть могла от души, и состряпать так, что не просто пальчики оближешь, а до локтя обгрызешь. — А где рубины, всегда появляются ювелиры, их клиенты и прочий подобный народ. Вот увидишь, через пару лет это будет самое бойкое место в Северном уделе! А это значит что?

— Что надо держаться поближе, а не подальше, — улыбнулась я, проглотила кусочек пирога и вдруг зажала рот ладонью. Все, съеденное мной, как-то резво запросилось на выход, а запах от большого блюда с пирогом, который еще мгновение назад казался таким соблазнительным, приобрел просто отвратные нотки.

— Что с тобой? — удивилась Марика и ойкнула — до уборной я бы не добежала и со слезами стыда исторгла съеденное в раковину. Голова кружилась и плыла и, сползая на пол, я подумала: ну что такое, очередная напасть! Не успела отлежаться после прихода жилы лунного серебра, и вот тебе снова здравствуйте!

Прибежали Эльза и Кейси — служанка принялась за уборку, а сестра быстро налила холодной воды в чашку, выдула мне в лицо и стала испуганно хлопать меня по щекам.

— Не знаю, — только и смогла простонать я. — Тошнит...

Мать, которая заглянула на кухню, привлеченная суматохой, присела на корточки рядом со мной и спросила:

— Тошнит? От пирога с курицей?

Я смогла только кивнуть. Мне было не по себе. Очень сильно не по себе — ощущение было таким, словно все нервы во мне потянулись в разные стороны. Тошнота снова шевельнулась в животе, и я увидела, что Марика готова была расплакаться. Ведь такой замечательный, такой вкусный получился пирог — и на тебе, им отравились.

Мать заулыбалась, как на весеннее солнышко. Протянула руку, помогая мне подняться, и довольно сообщила:

— Ну все так и есть. Меня тоже от курицы воротило. Вот на другом краю Подгорья ее в печь суют, а я уже бадью обнимаю. Все четыре раза так было!

Я удивленно посмотрела на нее, не понимая, о чем она говорит. Зато отец довольно рассмеялся, потер руки и произнес:

— Так надо пойти зятя обрадовать! И само собой, по кружечке хорошего пенного в честь такого дела!

Я удивилась еще сильнее. О чем они говорят?

— Какого дела? — нахмурилась я. Улыбка матери стала еще шире — она крепко обняла меня и ответила:

— Ну вот, и мне тоже по пять раз все объясняли! В голове будто туман стоял все девять месяцев. Надо врача звать, Хельга! Ты ребеночка ждешь!

И началась веселая суматоха — все сразу засмеялись, заговорили, сестры повели меня в гостиную, чтобы поудобнее устроить на диванчике, и Кейси деловито рассказывала:

— От тошноты первое дело заварить вернский корень! Я принесу, он в чае вообще не чувствуется! А вы свои сны помните? Если снятся огурцы, то точно будет мальчик! А если яблочки и дыни, то девочка!

Мне не снились ни огурцы, ни яблоки, ни дыни. Я вообще поверить не могла, что у нас с Анареном будет ребенок — это казалось таким удивительным и сказочным, что просто не могло с нами случиться. У эльфа и гномки родится сын или дочка, и будет это дитя красивым, как отец, и упрямым, как мать. И мы заплетем сыну или дочке косы, и наденем серьги, и...

Меня снова начало тошнить. Мать помогла мне сесть, сестры принесли плед, а Кейси помчалась за вернским корнем — я обмякла на диване и подумала, что он превратился в лодчонку, которая несет меня по бурному морю, и оно то поднимает волны до небес, то швыряет чуть ли не на дно...

— Так что, дорогой зять, пляши! Скоро первенца на руки возьмешь!

Анарен присел на край дивана, взял меня за руку — я не сразу поняла, что он здесь. Он выглядел растерянным и счастливым, его пальцы были горячими, а взгляд — таким светлым, что все во мне дрогнуло и потянулось к нему.

— Первенца, — повторил он слова моего отца и рассмеялся. — Хельга, как ты себя чувствуешь?

Я рассмеялась в ответ, не зная, что сказать.

— Неожиданно, — только и смогла ответить я. Хотя что тут может быть неожиданного? Мы были мужем и женой, мы занимались любовью, конечно, у нас будут дети!

Мне хотелось выйти во двор, поднять голову к небу и закричать об этом на весь белый свет. У неправильной гномки и такого же неправильного эльфа скоро родится дитя! Нет, об этом точно надо написать книгу. Спокойную и добрую книгу, которую так хорошо будет прочитать зимой за чашкой чая возле камина — прочитать и поверить в то, что чудеса бывают.

Растерянная радость покинула лицо Анарена — он сделался собранным и даже немного суровым.

— Тогда мы не можем медлить, — произнес он. — Сегодня.

Мой отец кивнул и прикрыл глаза, как делал всегда, когда надо было что-то просчитать и запланировать.

— В два часа ночи, говоришь? — уточнил он. — Хорошо. Сделаем в лучшем виде.

* * *

Анарэн

Мой сын не должен был родиться ссыльным каторжником — я никогда бы этого не допустил. Почему-то я не сомневался в том, что это будет именно мальчик — высокий, похожий на нас с Хельгой. Такой же решительный и смелый, как она.

Это была потрясающая новость — и когда я узнал о том, что Хельга беременна, все наконец-то сделалось правильным. Теперь я был мужем и отцом семейства, а не просто отверженным эльфом, которому пришла в голову блажь идти своей дорогой. Теперь все было так, как и должно быть.

Отправив Исмо за доктором и убедившись в том, что с Хельгой все в порядке, я поднялся на второй этаж — надо было написать письмо родителям. Я представлял, с какими лицами они будут его читать — у матери опять будет истерика, а отец примется качать головой и скажет что-нибудь вроде “мы и так сделали для него достаточно, если он желает падать еще ниже, не станем ему в этом мешать”. Но я все же сел за стол и быстро написал о том, что скоро они снова станут бабушкой и дедушкой — ответ в этом случае был очень предсказуем.

“Нам хватит детей твоего брата, и не суй в нашу семью своих гномьих выроdkов” — я не сомневался, что отец скажет именно так. Да, они выплатили триста тысяч крон, чтобы спасти честь семьи, но это не означало, что теперь между нами мир и дружба навсегда.

Мне сделалось грустно. Я неожиданно остро ощутил свое одиночество — Хельге было с кем разделить радость, а у меня никого не осталось. Закончив письмо родителям, я написал такое же послание Браунбергам — возможно, добрая госпожа Эмма порадуетя за нас.

Впрочем, ладно. Незачем тратить силы и время на напрасные сожаления о том, чего не исправить — нужно браться за дело.

Мой сын — или дочь — не будет жить жизнью каторжника. Он или она родится свободным у свободных родителей.

Это единственное, что сейчас казалось по-настоящему важным.

И для этого надо было потрудиться.

Теща отвела Хельгу в спальню, уложила в кровать — когда я заглянул в комнату, Хельга уже спала. Теща улыбнулась мне и, выйдя в коридор, негромко сообщила:

— Пусть спит, ей сейчас надо. Я тоже, помнится, либо с бадьей обнималась, либо спала от слабости. Ох, Анарен! Ребеночек же будет! Рад?

— Рад, — искренне ответил я. И эльфы, и гномы чадолюбивы — для своих детей мы готовы достать луну с неба и присыпать звездами. Возможно, надо было добавить, что я все для них сделаю, но все слова сейчас казались какими-то лишними. Ненужными. У нас с Хельгой будет ребенок — зачем говорить о том, что я все для них сделаю, если нужно доказывать свою любовь делами?

И самое важное дело ждало меня этой ночью.

Я отправил Исмо домой, сказав, что сегодня уже не буду работать — от волнения у меня действительно дрожали руки. Когда мой помощник и соглядатай ушел, то я приблизился к окну лаборатории и, глядя на заснеженный сад, сотворил заклинание Темной вуали. В общем-то, оно было криминальным, потому что зачастую его использовали не в самых легальных целях, например, для ограблений. Набросив его на окно, я мог зажечь свет в лаборатории, которого никто бы не увидел снаружи. Все будут думать, что обитатели дома спят — а я бы молча делал свою работу.

Отец Хельги пришел в лабораторию примерно в половине второго — к этому времени весь поселок погрузился в сон. Скользнув внутрь, он осторожно выложил на рабочий стол небольшую коробку и негромко сообщил:

— Все спят. Я тихонько задами прошел от шахты, даже собаки не взбреднули. Дрыхнет народ — просто мое почтение.

Я кивнул и, подняв крышку, увидел капли лунного серебра. Это в самом деле были капли — круглые, такие гладкие, что в их

сверкающей поверхности отражалось мое взволнованное лицо. Тесть ободряюще похлопал меня по руке и спросил:

— Чем-то еще могу помочь?

— Ничем, — ответил я. Конечно, мне пригодился бы помощник во время работы, но что делать, буду справляться сам. Тесть кивнул и сказал:

— Тогда я на боковую. Если что, буди, не стесняйся.

На том мы и расстались. Закрыв за гномом дверь, я прошел к рабочему столу и несколько минут смотрел на капли лунного серебра, вспоминая, что сегодня сказал врач после того, как провел осмотр Хельги. Хорошее питание, посильная деятельность, без смен климата — что ж, я все это обеспечу. И дальше мы заживем свободными людьми, я буду создавать артефакты, а Хельга — писать новые книги. Вот только выписать бы сюда еще одного доктора — на всякий случай, для полного душевного спокойствия.

Скрипнула дверь, и я едва не подпрыгнул. Хельга, бодрая и энергичная, вошла в лабораторию и деловито поинтересовалась:

— Ну что, начинаем?

— Какое “начинаем”? — воскликнул я. — Ну-ка быстро в постель и спать!

Хельга тотчас же уперла руки в бока и взглянула на меня с таким видом, что было ясно: ее отсюда и дракон не вытащит. Гномье упрямство давно вошло в легенду, я знал, что Хельгу мне не переупрямить, но должна же она думать о ребенке!

— Вот еще. Я пришла тебе помогать, — заявила она. — Не бойся, не надорвусь, но и тебя в одиночку с этим не оставлю.

Я невольно задумался над тем, что было бы, если бы я тогда просто прошел мимо всхлипывающей девчонки на ступенях ювелирного магазина. Где бы я был сейчас? Каким был? Видимо, заметив, что мое лицо смягчилось, Хельга подошла, взяла меня за руки и проникновенно сказала:

— Анарен, ну я ведь уже тебе помогала. И мы отлично справились вдвоем. А одна моя знакомая говорила, что подвиг — дело общее, ну и вот она я, чтобы оно было общим.

— Я за тебя волнуюсь, — искренне сказал я. Лампа тихо горела, разбрызгивая золотые мазки по волосам Хельги — вот она, моя

пиратская принцесса, писательница, сильная и смелая девушка. Настоящая. — Я очень за тебя волнуюсь. И за нее... или за него.

Хельга рассмеялась — наверно, именно с таким лицом ее принцесса Эрна добывала клады и побеждала врагов.

— Ты же слышал, что сказал доктор. Посильную работу — можно, — напомнила она и с самым серьезным видом подошла к коробке с лунным серебром. — Просто давай начнем, и говори, что я должна делать.

Не родился еще тот, кто смог бы переупрямить гнома — я в очередной раз убедился в правоте этой старой поговорки. Инструменты ждали, лунное серебро мягко светило в коробке, и все самое хорошее было впереди. Я знал, что верну свое честное имя — и надо было действовать.

Но перед этим я набросил на Хельгу защитное заклинание. Пусть теперь упрямится, сколько хочет.

— Хорошо, — кивнул я, вынимая капли лунного серебра. Легкие, теплые, они казались живыми. Вот моя рука качнется, и капли выкатятся из нее, растекутся по полу ручейками живой воды. Я разместил первую каплю на рабочей поверхности и взял первый стек для того, чтобы проложить основные дорожки заклинания, которое превратит лунное серебро в артефакт.

Надо будет потом перевезти сюда все вещи из моего прежнего дома. Надо будет сделать здесь ремонт перед тем, как Хельге наступит время рожать. Листья и цветы ложились на сверкающую гладь лунного серебра, и я знал, что у меня все получится. Это была совершенно спокойная, несокрушимая уверенность в себе.

— Двойной стек, — приказал я, не отрывая острый носик первого стека от лунного серебра. Хельга сразу же сообразила, что мне нужно, молниеносным движением вложила стек в протянутую руку, и мои металлические помощники заскользили по лунному серебру в плавном танце. На поверхности капли расцвел сад удивительной красоты — это было поистине произведение искусства, и мне даже стало жаль, что отец Хельги переплавит его, чтобы артефакт предстал для всех просто куском редкого металла.

От стеков рассыпались сиреневые искры, и воздух лаборатории наполнился запахом жасмина.

— Первый готов, — прошептал я. Руки сделались неповоротливыми и тяжелыми, как всегда бывает при трудной работе, но я ощущал эту тяжесть как-то со стороны, словно мое тело мне не принадлежало. Хельга бодро смотрела на меня и улыбалась — от этой улыбки невольно хотелось улыбнуться в ответ. — Продолжаем.

* * *

Хельга

Просто удивительно, но меня больше не тошнило, хотя весь вечер после визита доктора я обнималась с бадьей. Кейси принесла вернский корень, заварила мне чаю и сообщила:

— Матушка моя сказала, что у нее в подполе маринованные огурчики. Крепкие, хрустящие! Самое то в вашем положении, а матушка у меня на готовку мастерица, таких огурцов, как у нее, во всем Северном уделе ни у кого нет. Хотите, принесу?

А вот огурцов и правда захотелось — Кейси была права, они и правда хрустели так, что хруст казался музыкой. Я и сама не заметила, как расправилась с целой дюжиной, и это было единственным, что я съела за вечер, и что сумело во мне удержаться. Мать только головой покачала.

— Ты так совсем отощaeшь. Я тоже, помнится, была чисто веточка, ветром качало. А что поделать, вот так детки даются.

На этот раз работа в качестве ассистентки Анарена далась мне совсем легко. Когда мы вышли из лаборатории, и он передал моему отцу коробку с каплями лунного серебра, то я чувствовала себя свежей и бодрой. Встать бы сейчас на лыжи да пробежать по свежему снегу милю-другую, вот это было бы здорово! Я прекрасно понимала, что ночью никто не катается, это было бы глупо, и все-таки спросила:

— Может, выйдем на воздух? Метель вроде кончилась.

Анарен нахмурился, словно прикидывал, какие у этого могут быть последствия, и ответил:

— Нам бы, конечно, лучше не маячить снаружи, пока твой отец уносит капли на переплавку. Но в саду можно постоять — завтра расскажи Кейси, что тебе было дурно, и мы вышли продышаться.

— Отличный план! — одобрила я и отправилась одеваться, не забыв мысленно поблагодарить родителей за то, что торопливо собирая нас с Анареном в ссылку, они не забыли положить в тюки мою шубку и здоровенный лохматый тулуп для него.

Зимняя ночь казалась хрустальной. Мороза почти не было — так, холод едва покусывал за нос и щеки. В черной глубине неба гроздьями сверкали огромные колючие звезды. Почти полная луна заливала Хаттавертте мягким золотым светом — поселок, укутанный снежным одеялом, был погружен в глубокий сон. Даже со стороны гномьих шахт не доносилось ни звука. Мир был так прекрасен, что я замерла на ступеньках, не в силах оторвать глаз от его красоты. Анарен стоял рядом, и мы были словно первосущества, которые открывали для себя всю радость и счастье места, в котором им предстояло жить.

В гномьем тулупе мой муж был похож на дикого великана с гор, и это было одновременно очень забавно и очень трогательно.

— Гномы отсюда не уйдут, — негромко сказала я. — Нет на свете такого гнома, который ушел бы от подземных сокровищ. Скоро Хаттавертте станет городом. Маленьким, но красивым.

Когда я говорила об этом, то мне хотелось улыбаться. Я вдруг представила мальчика и девочку, которые строили снежную крепость в саду. Мальчик был похож на меня, такой же рыжий и основательный. А девочка оказалась копией Анарена — легкая, тоненькая, воздушная.

— Это будет наш мир, — негромко откликнулся Анарен, обняв меня за плечи. От него веяло усталостью и теплом, и в его объятиях было так хорошо, словно этого эльфа на самом деле создали для меня, а я была вылеплена из первоглины для него. — И мы будем жить в нем свободными людьми, и наши дети тоже. Здесь нам всем будет хорошо, Хельга, обещаю.

— Мне кажется, это будет мальчик, — призналась я. — Хороший такой паренек, похожий на нас с тобой.

Анарен улыбнулся. Бесчисленные звёзды рассыпались над нами пригоршнями серебра. Где-то в невообразимой вышине разлился тонкий мелодичный звук — так бывает, когда идут морозы. Вроде бы еще и не холодно, и ты не веришь, что зима способна взяться за тебя всерьез, но потом слышишь этот звук и хочешь уйти в дом, развести огонь в камине и сесть в кресло, укутавшись в одеяло и взяв кружку чая побольше.

— Неважно, — ответил Анарен. — Неважно, мальчик это или девочка. Будем петь песни ему или ей, рассказывать сказки и катать на шее. Здорово, правда?

— Здорово, — согласилась я. Мы стояли на крыльце нашего дома, и это было очень тихое, трепетное чувство. Я держала его в ладонях и знала, что не выпущу, не потеряю, не растрочу. — А я никогда не думала, что у меня будут дети. Что я кого-то полюблю, выйду замуж. И вот...

Анарен обнял меня крепче. От его рук веяло надеждой, и я впервые в жизни по-настоящему почувствовала, что значит “быть как за каменной стеной”.

— И все началось с того, что ты решила искать работу в ювелирном магазине, — ответил он. — А зашла бы, допустим, в булочную, и мы бы уже не встретились.

— Встретились бы, — уверенно откликнулась я. — Все равно бы встретились, потому что это по судьбе. А против судьбы идти не получится, как не старайся.

— Отличная фраза, — одобрил Анарен. — Подари ее принцессе Эрне.

— Обязательно подарю, — рассмеялась я. — У писателей такие вещи не пропадают.

* * *

Анарен

Отправка первых капель лунного серебра королю стала целым событием для Хаттавертте. Гномы устроили настоящий праздник — все нарядились в лучшие одежды, вынули из сундуков золото для кос и приготовили для капель изящный сундук с удивительно тонкой резьбой. Когда откидывали крышку, то из сундука летел мелодичный перезвон.

Все обитатели поселка собрались возле шахты, и вот удивительно, весь этот разномастый народ — жители Хаттавертте, люди, которые приехали в Северный удел к жиле лунного серебра, гномы — выглядел удивительно сплоченным. Не толпа, которую сюда смело невидимым веником и жаждой выгоды и наживы, а северяне, хаттаверттцы, те, кто

любит это место и готов жить и трудиться среди снегов и сосен. Самые достойные гномы, среди которых Густав, отец Хельги, шел первым, чинным шагом прошли от шахты по поселку, неся открытый сундук, чтобы все смогли увидеть металл, который отправляется к королю и убедиться в том, что новая жизнь, хорошая и богатая, не за горами, а в руках, готовых трудиться. Люди радовались, аплодировали, кто-то даже бахнул хлопушкой. Я хотел было выпустить простенькое заклинание фейерверка, его используют, чтобы развлекать детей, но потом передумал.

Мало ли, решат, что ссыльный артефактор навел порчу на то, что попадет в королевские руки. Максим, который стоял чуть в стороне, поймал мой взгляд и едва уловимым движением глаз указал на немолодого, но очень солидного господина. Эрих Франк, доктор экономики, приехал в Хаттавертте, чтобы открыть здесь банковский филиал, но я имел все основания полагать, что это шпион короля, который будет присматривать и за мной, и за гномами — когда-то в столице, кажется даже не в прошлой, а в позапрошлой жизни, я видел его в компании начальства Максима. Мы пока лишь успели обменяться уважительными поклонами, но я понимал: будет нужно, и доктор Франк сразу же возьмет меня в оборот. И что хуже всего, он может взяться за Хельгу — а я тогда расскажу все, что знаю, и чего не знаю, лишь бы ее оставили в покое.

Король отправил меня в ссылку, но не забыл о том, что я жив, и за мной нужен контроль. Особенно если я сижу рядом с жилой лунного серебра. Конечно, меня никто к ней не подпустит, и сверкающие капли я увижу только так, издали, но все же... Хельга мягко сжала мою руку, когда гномы проходили мимо нас. Я невольно заметил, что Густав отлично сделал свою работу. Он переплавил капли так, что все нити и цепочки моих заклинаний оказались внутри, полностью скрытые естественным фоном металла. Теперь никто, даже самый умелый и опытный ученый с лучшими инструментами, не заподозрил бы в них артефакт, а он сработал бы, когда попал в нужные руки.

Оставалось надеяться, что король и принц все-таки взглянут на эти прекрасные капли, а не отправят их в геологический музей.

Принимать дар приехала целая компания — должно быть, жители Хаттавертте никогда не видели столько людей в мундирах. Были здесь и журналисты центральных газет, и военные, даже какой-то светский

тип затесался и теперь дрожал в своем легком пальтишке. От одного из столичных гостей, невысокого, неприметного, одетого в весьма потрепанное штатское, так и веяло магией — он вроде бы просто смотрел, как гномы несут сундук, но я чувствовал, что незнакомец веером выбрасывает оценивающие заклинания. У него под ногами даже снег начал таять — щегольские ботинки притопывали в снежной каше. Хельга поежилась и негромко спросила:

— Видишь вон того, с серым шарфом? Неприятный какой-то тип, правда?

— Еще бы, — так же негромко откликнулся Максим. — Его сюда прислали специально для изучения капель лунного серебра. Подозревают, что ссыльный Эленандар мог придумать какую-нибудь дрянь.

Мне захотелось рассмеяться. Не знаю, почему — возможно, так на меня подействовали заклинания, которыми незнакомец буквально бомбил сундучок с каплями и всех окружающих.

Но ничего подозрительного он не заметил — просто кивнул, улыбнулся и что-то сказал одному из спутников. Над собравшимися словно рассеялась грозная туча: убедившись, что все в порядке, они приняли сундучок, раскланялись с гномами, и начались те трескучие словеса, которые так любят в отдаленных уголках — благодарность за доблестный труд, обещания устроить здесь всем идеальную жизнь, славословия владык и все в том же духе.

Я потянул Хельгу за руку и, нырнув в толпу и вынырнув из нее уже в отдалении, спросил:

— Как ты? Не замерзла? Не тошнит?

Хельга отрицательно мотнула головой.

— Не тошнит, но я сама не своя от всего этого.

К нам присоединился Максим, и потихоньку мы пошли в сторону дома. Мороз еще не царапал щеки так, чтобы хотелось как можно быстрее оказаться в тепле, но я чувствовал, что скоро он возьмется за Северный удел с утроенной силой. Артефакты для отопления, которые теперь были в каждом доме Хаттавертте, едва слышно звенели, обогреть дома — теперь зимы здесь будут приятными и не такими пугающими, как раньше.

— Ну что, господа ссыльные? — с улыбкой спросил Максим. — Если тут есть гвоздика и корица, то я бы сварил нам хорошего вина с

пряностями в честь такого чудесного дня.

— Есть, — ответила Хельга, — но я теперь вина не пью. Мне бы лучше чего-то вроде вишневого сока.

Максим понимающе кивнул.

— Договорились. Нам сегодня есть, что отметить... и на что надеяться.

* * *

Хельга

Капли лунного серебра отправились в столицу, и потянулись тихие зимние дни, наполненные привычными делами. Анарен по-прежнему проводил время в лаборатории с артефактами, которые нужны были для шахты. Однажды, когда мы с ним были одни за рабочим столом, он негромко спросил:

— Неужели у меня не получилось? Что я сделал не так?

Я понимала, о чем он говорит, но все-таки уточнила:

— Ты про лунное серебро?

— Очень тихо, — ответил Анарен. — Капли давным-давно попали в столицу, король и принц их видели, но ничего не происходит.

Конечно, мы ждали скандала на все королевство. Узнав правду о том, что затеял Дисс Герберт, король должен был сделать хоть что-то. Отправить принца в ссылку, например. Но в газетах, которые приходили в Хаттавертте, была тишина. Никаких особенных новостей. Анарен прочитывал газету от корки до корки, затем складывал ее, и я видела на его бледном осунувшемся лице лишь тягучую печаль.

— Я хочу, чтобы наш ребенок родился свободным, — однажды сказал он, и я видела, как его тяготит неизвестность.

Но мы все равно ничего не могли сделать. Поэтому оставалось лишь ждать и надеяться. Гномы поднимали из шахты все новые и новые капли лунного серебра. Домовой, которого мы привезли из Холинбурга, окончательно освоился на новом месте. Призрак напугал его так, что какое-то время он сидел в подвале, гоня мышей. Но потом он завел приятелей в соседних домах, и по вечерам на чердаке домовые распевали веселые песни на непонятном языке. “Геллерт и Маркони” прислали мне правки, и несколько дней я сидела над

рукописью — потом, когда история принцессы Эрны покинула Хаттавертте, чтобы вернуться уже настоящей книгой, я ощутила странную пустоту в душе, легкую тоску, которую можно было заполнить только новыми историями.

Огурцов хотелось все больше — огурцы и тушеная рыба с морковью и луком были тем немногим, что я могла есть. Мать и сестры посмеивались, уверяя:

— Ну точно, это будет парень! Рыбак, пират или капитан!

Мы с Анареном как-то говорили о том, кого бы нам хотелось больше, девочку или мальчика — и решили, что это неважно, лишь бы наш ребенок был здоров, а счастливым он обязательно станет.

Все шло тихо и спокойно, впереди был Новый год, и хозяйки вынимали из сундучков игрушки, чтобы подкрасить их и повесить на традиционные ели во дворах домов. И мы с Анареном так расслабились в этом теплом спокойствии, что встреча на главной улице Хаттавертте стала для нас неожиданностью.

В тот вечер мы с Анареном шли к врачу. Доктор Эддерли приехал в поселок неделю назад, но уже успел себя показать во всей красе, когда понадобилось удалить слепую кишку одной из жительниц Хаттавертте. Он был мастер на все руки — и терапевт, и хирург, и женский доктор, так что Анарен решил: пусть за мной наблюдают все господа медикусы. Я улыбалась от его заботы, такой трогательной и доброй, мы шли, беседуя о каких-то пустяках, и я не сразу поняла, кто это вдруг встал у нас на пути.

Зато Анарен понял. Понял — и его лицо обрело незнакомые твердые черты. Человек, который закрыл нам дорогу, был немолодым, холеным, в очень дорогом теплом пальто. Я слышала краем уха, что сей солидный господин вроде бы открывает в Хаттавертте банковский филиал, но еще не успела с ним пообщаться. Да и к чему бы? Зато он смотрел так, словно знал меня с колыбели, и это знание ему не нравилось — улыбка была вежливой, а глаза ледяными.

— Чем обязан, господин Франк? — сухо осведомился Анарен. — Мы спешим к врачу.

Улыбка Франка сделалась тоньше.

— Не спешите. У вашей жены отменное здоровье, в положенный срок она без проблем родит дитя, — произнес он, и я ощутила, как в

животе снова заворочался ком тошноты. Почему-то мне сделалось жутко. — Нам нужно поговорить.

Анарэн кивнул. Его ноздри едва заметно дрогнули.

— Замечательно, — одобрил Франк. — Уберите, пожалуйста, руки с артефакта в вашем кармане, я не собираюсь нападать.

Анарэн снова кивнул. Вынул руки из карманов, демонстративно скрестил на груди. Жуть, которая проснулась во мне, с каждым мгновением становилась все сильнее.

— Что вы знаете о хальнской сыпи? — спросил Франк. Я не поняла, к чему он ведет, и к моему страху добавилась растерянность.

— Болезнь, — ответила я, и Франк утвердительно качнул головой, словно я была ученицей у доски, а он учителем. — Для девочек проходит бесследно, а вот мальчикам лучше ее не подхватывать, она вызывает бесплодие.

— К чему этот вопрос? — ледяным тоном осведомился Анарэн. Улыбка Франка сделалась мягче.

— Его высочество Дисс Герберт болен, — сообщил он. — Хальнская сыпь, в том нет никаких сомнений. Понимаете, что это означает?

Я не понимала — зато Анарэн вдруг улыбнулся так, словно выиграл крупную сумму и пока должен был скрывать выигрыш.

— У принца нет детей. Бесплодный наследник престола это мертвая ветвь, которую отсекут, — негромко произнес он. — Указ его величества Барна Милосердного, верно? Старый, но действующий.

Франк прикрыл глаза.

— Верно. Когда его высочество выздоровеет, то отправится на южные минеральные воды. Хальнская сыпь сильно подтачивает организм, как вы понимаете. Там он и останется навсегда. Хороший климат, дворец, слуги — что еще нужно после полного краха всех надежд? Вы это очень изящно организовали. Просто снимаю шляпу и признаю вас лучшим артефактором королевства.

Анарэн вопросительно поднял бровь.

— О чем вы? Я тут не при чем.

Я сжала его руку. Ощущение падения в пропасть было знобяще реальным — я даже по сторонам посмотрела, чтобы убедиться в том, что к нам не бегут помощники Франка, чтобы нас арестовать.

— С сыпью да, не при чем, — согласился Франк. — Сыпь его высочеству вручили личные доктора его величества, когда правда открылась, — он негромко рассмеялся и продолжал: — Говорят, это стало потрясением для всех: принц увидел капли лунного серебра и принялся выбалтывать свои секреты. Когда его попытались остановить, он бросил в короля боевой артефакт — по счастью, ваш божественный щит сработал, как нужно.

Анарэн вздохнул. Дотронулся до лица, опустил руку.

— Его величество, конечно, был шокирован, как и все придворные, — продолжал Франк. — Конечно, объявили, что принц бредит, что у него лихорадка, и он никого не узнает. Почти сразу же подключились специалисты особой службы. Положили на стол государя все, что собрал ваш приятель Вернье.

Мимо прошла гуляющая парочка, посмотрела на нас заинтересованными взглядами. Наверно, решили, что мы обсуждаем вопросы артефакторики — что еще могут осуждать благородные господа? А я держала Анарена за руку и боялась, что рухну на дорогу от волнения.

— И что же, отец простил сына? — поинтересовался Анарен. Напряжение первых мгновений встречи покидало его — я почувствовала, что он расслабляется, и улыбка, которая плясала в уголках его губ, уже не была нервной.

— Конечно. Отцы и сыновья это очень сложная материя, ну да вы и сами понимаете. Убедились на своем опыте, так сказать. Принца, разумеется, не казнили, ни в чем не обвинили, но после болезни он покинет столицу навсегда. Преемник уже назначен, это Виллин Брандт, кузен его величества. У него есть и дети, и внуки, так что эта ветвь династии в полном порядке.

Анарэн вздохнул. Посмотрел на меня, и я увидела, что он потрясен до глубины души. У нас получилась наша авантюра, мы теперь... свободны? Мы будем жить в Хаттавертте просто потому что сами этого хотим, а не от того, что Анарена законопатили сюда за то, чего он не делал?

— А мы? — спросил Анарен. — Что будет с нами?

Франк понимающе улыбнулся.

— Вы совершенно свободны, указ об этом подписан сегодня утром. Его величество также назначает вас официальным

артефактором Северного удела и Хаттавертте.

Я понимающе усмехнулась. Если ты слишком много знаешь о делах королей, то эти короли всегда будут держать тебя в медвежьем углу. Вот и пусть. Мы превратим этот угол в наш маленький рай всем королям на зависть.

Анарен свободен. Я свободна. Когда я повторяла про себя эти простые слова, то мне хотелось кричать во все горло.

— Благодарю его величество за оказанную честь, — церемонно ответил Анарен и сдержанно поклонился. Теперь Франк видел, что перед ним не ссыльный артефактор, которого такие, как он, могут наградить пинком и не получить за это никакого наказания. Теперь это был Анарен Эленандар, не каторжная дрянь, а лучший артефактор королевства.

Я гордилась им в эту минуту. Господи, меня просто разрывало на части от гордости! Мы победили. Мы справились.

— А Максим Вернье? — спросила я. — Что будет с ним?

Франк посмотрел на меня так, словно только сейчас понял, что я стою рядом с ним и Анареном.

— Его величество понимает, что без господина Вернье разоблачение принца не состоялось бы. Он продолжит работу по специальности, под моим началом, разумеется. Там, где есть такая ценность, как жила лунного серебра, всегда будут те, кто захочет погреть об нее руки. Мы этого не допустим.

Анарен понимающе кивнул.

— Что-то еще, господин Франк? Мы спешим к врачу.

Франк ничего не ответил, лишь сделал шаг в сторону, давая нам пройти. Мы с Анареном быстрым шагом двинулись прочь — не оглядываться, не смотреть назад, идти вперед уже свободными людьми...

— У нас получилось, — прошептала я. — Не верится.

— Получилось, — откликнулся Анарен. — Поверь.

И рассмеялся — звонко, счастливо, искренне. По-настоящему.

Глава 17

Вместо эпилога

Анарен

— Это не девочка, а просто какой-то ураган. Дикая дивизия. И у таких достойных родителей, украшения нашего города, такая дочь... Вот скажи, Гертруда, неужели тебе не стыдно?

Гертруда Анаренсдоттир Эленандар стояла перед классной доской, опустив голову, но я видел, что моя младшая дочь лишь изображает смирение потому, что госпожа Эмма Браунберг, ее учительница, хочет видеть именно смирение.

— Я много лет знаю твоего отца, — продолжала госпожа Эмма. — Это ведь он пригласил мою семью в Хаттавертте! Это ведь благодаря ему тут не северное болото, а замечательный, прогрессивный город! И мне сейчас стыдно, да, милочка моя, мне сейчас очень стыдно перед ним из-за твоего недопустимого поведения.

Рыжая голова Гертруды опустилась еще ниже. Я почти прочитал ее мысли: “Ну и подкузьмил ты мне, папка, зачем вообще надо было сюда звать эту вредную тетку!”

Я позвал Браунбергов в Хаттавертте через год после того, как вместо старой школы, которая почти разваливалась от ветра и дождей, выстроили новое, светлое и красивое здание, и Гари Матти Яккинен, который по-прежнему был директором, объявил набор учителей. Я вспомнил, что госпожа Эмма когда-то давным-давно училась на педагогических курсах и написал ей письмо, не надеясь, в общем-то, на ответ. А она ответила, и вся ее семья с удовольствием приняла мое приглашение.

В Хаттавертте были деньги. Жила лунного серебра разрасталась, притягивая к себе капли удивительного металла из невообразимых глубин, и вместе с ней разрастался и город. Теперь, через десять лет после того, как нас с Хельгой сослали в Северный удел, это место было не узнать.

— И твой отец никогда, никогда не дрался! — продолжала госпожа Эмма. — Твой старший брат никогда не дерется. Твои кузены и кузины — просто образец идеального поведения и учебы. А ты? Кем ты станешь, диким воином?

У госпожи Эммы действительно был талант распекать нерадивых учеников. Я терпел — это мой отцовский долг в таких обстоятельствах, стоять, поддакивать и терпеть, тем более, наставница моей дочери была совершенно права.

— Я буду, как мама! — решительно ответила Гертруда. — Я тоже буду писать книги.

Госпожа Эмма даже хлопнула ладонью по колену.

— Так кто же тебе запрещает, дорогая моя! Пиши! Твори! Украшай своим творчеством все королевство! Но зачем ты украшаешь синяками лица мальчишек?

Гертруда подняла голову, сверкнула глазами точно так же, как Хельга, и ответила:

— А пусть не лезут ко мне! Что они меня тумбочкой дразнят?

Гертруда пошла в мать: невысокая, крепкая, огненно-рыжая, она была настоящей гномкой и, любя книги и придумывая истории, не отказывала себе в удовольствии съесть пару пирогов и закусить еще парой пирогов, читая очередной роман о приключениях. Дед и бабушка налюбоваться на нее не могли.

— Я уже беседовала с мальчиками, — вздохнула госпожа Эмма. — Я согласна, что обзывать нельзя, но они-то тебя просто обозвали. А ты что? Поколотила их и сбросила с лестницы!

— И еще поколочу! — заверила ее Гертруда, и госпожа Эмма с горестным стоном закрыла лицо ладонью.

— Нет, ну это не девочка, это просто караул, — сказала она. — Анарен, дорогой мой, видит Бог, я сделала все, что могла. Поговори с ней, скажи, что нельзя пускать в ход кулаки.

— Поговорю, — заверил я, всеми силами желая лишь убежать из кабинета. — Обязательно, госпожа Эмма.

— И ведь какой старший брат! — вздохнула она. — Просто чудо, исключительный талант, и никаких драк, никогда. Гертруда, вот что тебе мешает брать пример с Эдария?

Гертруда не ответила. Все учителя и все соседи ставили брата ей в пример, и поначалу я боялся, что дети начнут воевать и враждовать. Но брат обожал Гертруду, он, кажется, обрадовался сильнее нас с Хельгой, когда она родилась, и никакие сравнения их не рассорили. Эдариль был первым, кому Гертруда читала свои рассказы о привидениях, он всегда играл для нее на скрипке те мелодии, о которых она просила, и вдвоем они частенько убегали в леса — собирали грибы и ягоды, выискивали и рассматривали гнезда птиц и строили шалаши.

— Не опоздаем ли мы на концерт, кстати? — спросил я. Госпожа Эмма бросила взгляд на часы и ответила:

— Нет, у нас еще двадцать минут.

Мы с Гертрудой вышли из класса и пошли по пустому школьному коридору к лестнице. Снизу доносился шум, словно на первом этаже вдруг разлилось огромное море — там собирались дети и родители на концерт классической музыки. Да, в школе Хаттавертте было музыкальное отделение, а еще большая библиотека, научная лаборатория и астрономический класс — субсидии короля, которые я получал в качестве окружного артефактора, пошли не мне в карман, а на хорошее дело.

Когда мой счет пополнился в первый раз, то я решил было, что здесь какая-то ошибка. Максим Вернье, который теперь работал младшим банковским сотрудником при докторе Франке, усмехнулся и заметил:

— Его величество щедр. Оставил нас с тобой в глуши, но смягчил это большими деньгами.

Я лишь усмехнулся.

— Пап, ты задумался, — хмурый голос Гертруды вырвал меня из воспоминаний и размышлений. Мы подошли к лестнице, и я сказал:

— А ты тоже их дразни. Ты же писательница, ты можешь придумать такие дразнилки, что им небо с овчинку покажется!

Гертруда улыбнулась — я был на ее стороне, и она об этом знала. Улыбнувшись в ответ, я подхватил дочку, посадил ее на шею и принялся осторожно спускаться по ступеням. Гертруда восторженно взвизгнула, схватив меня за косы на затылке и, рассмеявшись, воскликнула:

— Пап, ты только не урони меня!

— Не уроню, — заверил я. — Никогда-никогда!

* * *

Хельга

— Дорогие друзья, уважаемые учителя, ученики и гости, мы рады приветствовать вас на большом весеннем концерте!

Школьный зал по размерам не уступал какому-нибудь театральному в большом городе. Все окна были открыты нараспашку,

за окнами расцветала северная весна, солнечная и хрупкая, и мир был огромным и принадлежал только нам.

Часть зала справа была черно-рыжей: там сидела моя родня. Матушка, отец, сестры, племянники и племянницы — нас было много и, судя по тому, что Магда налегала на маринованные огурцы своей золовки Кейси, которая девять лет назад вышла замуж за Мартина, в моей семье намечалось очередное пополнение.

Вот и хорошо.

— И наш концерт откроют дети семьи Вегзир с традиционным гномьим танцем “Веточка”!

На сцену пестрыми горошинками высыпали малыши, которые минувшей осенью пошли в первый класс — закружились, притопывая ногами и хлопая в ладоши. Вскоре зал дружно поддерживал их аплодисментами, а мама склонилась ко мне и негромко спросила:

— Завтра они тоже станцуют?

Я кивнула. Завтра в книжном магазине Хаттавертте будет презентация моей новой книги: “Герберт и Марони” уже прислали большие картонные коробки с изящными томами с красном переплете и, судя по тому, что сообщил продавец, очередная история принцессы Эрны разойдется по предзаказу, и надо будет закупить еще.

Иногда я поверить не могла, что добилась того, о чем мечтала с самого раннего детства. Первую отпечатанную книгу издательство прислало мне как раз в тот день, когда родился Эдариль, и в тот момент я сказала себе: вот двое моих детей у меня в руках. А потом были новые книги, и несколько столичных презентаций, и яркое стремление писать все новые и новые истории.

— А где Анарен? — спросил отец. — Все распекает Гертруду с наставницей на пару?

Дедушка обожал Гертруду — он никак и никогда не показывал виду, но я чувствовала, что она его любимая внучка. Он нянчил всех своих внуков и внучек, он дарил им замечательные подарки и с гордым видом водил за руку в школу, говоря, что это самая главная радость, доступная деду. Но когда он был с Гертрудой или говорил о ней, то в его глазах появлялось какое-то очень теплое, трепетное чувство.

— Сейчас придут, — ответила я. — Он никогда не пропустит выступление Эдария.

Самые лучшие и дорогие скрипки. Стажировки у столичных музыкантов. Уже оплаченная учеба в королевской музыкальной академии. Все это появилось у Эдариля сразу же, как только его дедушка и бабушка по отцовской линии узнали о том, что их внук проявляет таланты в музыке. Родители Анарена не приезжали в Хаттавертте, хотя мы и приглашали их в гости, но вели с Эдарилем переписку. Однажды сын показал мне одно из посланий, и я поняла, что им очень дорожат — и выражают свои чувства делами.

Когда я думала о том, как сложилась моя жизнь, то мне иногда казалось, что все это случилось не со мной. Но мы с Анареном выстроили свой северный дом, у нас была семья и дети, и все — неласковая, но такая красивая земля, смех и улыбки детей, новые книги и артефакты — принадлежало нам, и мы были этого достойны. Мы это заслужили и не хотели терять.

Когда объявили выход Эдариля, Анарен и Гертруда быстрым бесшумным шагом вбежали в зал — прошли на свободные места, сели, и мой отец тихонько поинтересовался:

— Ну что, крепко там тебе досталось?

Гертруда вздохнула и ответила:

— Бывало и крепче. Дедушка, а можно, я буду их дразнить носатыми червяками?

Любящий дед рассмеялся.

— Где ж ты видела носатых червяков? Дразни горбатыми выползками! А то ишь, чего удумали, мою внучку обзывать!

Мать красноречиво показала ему кулак. Дескать, девчонка и так боевая, а ты ее еще подучиваешь! Из корзинки, которую мать всегда носила с собой, тотчас же появился большой пирог с курицей и луком, завернутый в салфетку, любящая бабушка протянула его внучке и сказала:

— Закуси, моя хорошая, а то устала там. Не дай Бог, похудеешь!

Чтобы похудеть, Гертруде пришлось бы приложить колоссальные усилия. В отличие от меня, она росла настоящей гномьей девочкой, которая радовала родных крепким здоровьем и хорошим аппетитом. Гертруда махом проглотила пирог и сообщила:

— Ну вот, теперь и дышится легче!

Бабушка и дедушка смотрели на нее с нескрываемым умилением.

— А сейчас перед вами выступит Эдариль Эленандар, вальс “Радость весны”.

Анарэн мягко сжал мою руку. Этот вальс Эдариль написал сам — помню, как слушала его в годовщину нашей с Анарэнсом свадьбы, а по щекам струились слезы, словно моя душа летела куда-то в невообразимую высь вместе с воздушной мелодией, которая утверждала одну простую истину: если ты умеешь любить, если ты дорожишь теми, кого любишь, то в твоём сердце всегда будет весна.

Эдариль вышел на сцену, поклонился зрителям и вскинул скрипку к плечу. Я в очередной раз подумала, что он родился просто копией отца. Но в длинных эльфийских волосах сверкало гномье золото, и алый шнурок был завязан на правом запястье так, как носят гномы — мои родители особенно это ценили.

Смычок поплыл по струнам.

В окнах была весна, а в глазах — тепло и нежность.

И я знала, что обязательно об этом напишу.